P. LAVROFF. ÉBAUCHE DE L'ÉVOLUTION
DE LA PENSÉE HUMAINE, VI.

П. ЛАВРОВЪ.

—

ОЧЕРКЪ ЭВОЛЮЦІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МЫСЛИ

КНИГА ШЕСТАЯ

ПЕРЕЖИВАНІЯ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА

ЖЕНЕВА
Типографія группы Старыхъ Народовольцевъ.
—
1898.

P. Lavroff. Ébauche de l'évolution de la pensée humaine, VI.

П. Лавров.

Очерк эволюции человеческой мысли

Книга шестая

Переживания доисторического периода.

„Пров 49“

P. LAVROFF. SURVIVANCES PRÉHISTORIQUES.

П. ЛАВРОВЪ.

ПЕРЕЖИВАНІЯ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА.

„Пров 38“

„Пров 49“

Библиотека
498
26

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРЕЖИВАНІЯ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА.

Предисловіе IX

ГЛАВА I. ЖИЗНЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПЕРІОДѢ 1

Повторяющіяся явленія, 1 — Спорные вопросы. 2. — [Формула Тэна, 3. — Расы и нравы, 3]. — Вліяніе расы, 3. — Національныя особенности, 4. — [Примѣры, 4]. — Переживанія доисторическаго времени и вопросы, при этомъ представляющіеся, 4.

ГЛАВА II. ТРИ ТИПА ПЕРЕЖИВАНІЯ ДИКОСТИ. 6

Неисторическіе народы, 6 — Пасынки цивилизаціи, 7. — [Примѣры пониженія культуры, 7]. — Вліяніе присутствія пасынковъ цивилизаціи, 8. — Дикари высшихъ культуръ. 8. — [Примѣры, 9] — Вліяніе присутствія этихъ дикарей, 10. — Борьба противъ этого элемента дикости, 11.

Господство обычая, 12.

ГЛАВА III. МОДЫ И ИХЪ ИНІЦІАТОРЫ. 14

Измѣнчивость побужденій, 14. — Появленіе и исчезаніе модъ, 15. — Рефлексы разнаго рода, 15. — Обычай и мода, 16. — [Эпохи позаимствованія, 17]. — Инициаторы модъ, 17.

ГЛАВА IV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПРОЯВЛЕНІЕ ТРЕХЪ ТИПОВЪ ПЕРЕЖИВАНІЯ ДИКОСТИ 20

Причины существованія неисторическихъ народовъ, 20. — [Аналогичныя явленія у историческихъ народовъ, 21]

Происхожденіе пасынковъ цивилизаціи, 22. — [Свидѣтельства о ихъ существованіи, 22]. — Всеобщая исторія, 22.

Причины существованія дикарей высшей культуры, 23. — Свидѣтельства о ихъ существованіи и вліяніи въ древнѣйшихъ цивилизаціяхъ, 24; въ эпоху пробужденія критической мысли, 25; въ средніе вѣка, 26; въ новой цивилизаціи, 27

ГЛАВА V. ПРЕОБЛАДАНІЕ И РАЗВИТІЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ТЕХНИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ. 29

Техника и общественныя формы, 29.—[Способы удовлетворенія другихъ потребностей, 29].—Движенные элементы, 30.

Земледѣліе и металлургія, 30.— Причины явленій въ этой области, 32.—Другія отрасли производства, 34.

Обмѣнъ и торговля, 35.

ГЛАВА VI. ПЕРЕЖИВАНІЕ ФОРМЪ РОДОВОГО СТРОЯ. 36

Родовой строй, 36.— Семья и государство, 37. — Появленіе идеальнаго элемента, 38.— Обращеніе родового строя въ переживанія, 38.

Малочисленность послѣднихъ, 39.—Институты, 39.—Классовое дѣленіе, 40.—Цивилизація, 40.—Классификація родства, 41.—[Нѣкоторые термины, 41].

Слѣды матріархата, 42.—[Примѣры, 42].

Древнѣйшая семья, 43.

Зависимость формъ общежитія отъ психическихъ процессовъ, 43.

ГЛАВА VII. ПСИХИЧЕСКІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ. 44

Различные фазисы психической эволюціи онкаря, 44.

Переживаніе тупости воспріятій, 45.

Переживаніе слабости задерживающихъ центровъ, 46. — [Примѣры, 46].

Переживаніе подражаній и внушеній, 46.

Привязія и стыдъ, 47.

Проявленія страстности, 48.—[Личныя патологическія явленія, 48].—Категоріи страстности, 48. — [Ревность, 49]. — Жестокость, 49. — [Жестокость и высшая культура, 50].

Спорныя теоріи, 51. — [Преступный человѣкъ, 51. — Геніальность и кретинъ, 52.—Теорія вырожденія д-ра Якобія, 52.—Женскій психическій типъ, 54].

ГЛАВА VIII. ПСИХИЧЕСКІЕ ТИПЫ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫМИ. 55

Вліяніе культурныхъ типовъ, 55.

Сознательный хищникъ, 55. — Типы недоразвитыхъ, 56. — Недовольство безъ протеста, 57. — Протестъ насѣдковъ цивилизаціи, 57. — Недостатокъ иниціативы въ интеллигенціи, 58. — [Необходимая предосторожность, 58]. — Поддержка переживаній, 58. — Различіе процессовъ въ разныхъ областяхъ мысли, 59.

ГЛАВА IX. ПЕРЕЖИВАНІЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЛАСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. 61

Различные фазисы эволюціи эстетической мысли, 61. — Украшеніе жизни, 62.—Забава и высшее украшеніе жизни, 63.—Орнаментовка и поиски наслажденій, 63. — [Примѣры переживаній въ этой области, 64].—Развитіе орнамента и забавъ, 64.

Наслажденія общія съ животными, 65.—[Наслажденіе обжорствомъ, 66. — Половое наслажденіе, 66]. — Опьяненіе и экстазъ, 67. — Аскетизмъ, 68.—Идеализація обычныхъ психическихъ наклонностей, 69.

Наслажденіе общежитіемъ, 70. — Пляска и общественныя увеселенія, 70. — [Примѣры переживаній въ этой области, 71].—Соціальная роль наслажденія общежитіемъ, 72.

Наслѣдственіе прежнихъ представленій, 74.

Пробужденіе нормальныхъ требованій эстетической мысли, 75. — Коллективное творчество, 76. — Роль пасынковъ цивилизаціи и народное искусство, 77. — [Двѣ эпохи высшаго эстетическаго творчества, 78]. — Жизненные элементы позднѣйшаго эстетическаго творчества, 79.

ГЛАВА X. ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РЕЛИГІЙ ВООБЩЕ. 81

Религія и искусство, 81. — Переживанія, 81. — [Необходимость подробностей, 82].

Нѣсколько переживающихъ слоевъ доисторическихъ вѣрованій, 82. — [Религія и нравственность, 87]. — Вліяніе нравственнаго элемента, 87. — Переживанія въ разныя эпохи, 88. — Смѣшеніе терминовъ, 88.

ГЛАВА XI. ПЕРЕЖИВАНІЯ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ СЛОЕВЪ ВѢРОВАНІЙ. 89

Переживанія зоологическаго фазиса, 89. — (Боязнь темноты, 90).

Переживанія первобытной религіозной техники, 91. — (Примѣры пріемовъ обезпеченія удачи, амулетовъ, гаданій и колдовства позднѣйшихъ періодовъ, 91. — Культъ плодородія, 92). — Приметы, сны, счастливые или несчастные дни, 94. — (Примѣры, 95). — Культъ животныхъ, 98.

ГЛАВА XII. ПЕРЕЖИВАНІЯ НАТУРИЗМА. 99

Религіозныя представленія и натуризмъ, 99. — (Примѣры, 100. — Элементы культа животныхъ, 102). — Натуризмъ и художественная фантазія, 103. — (Переходныя явленія, 104).

ГЛАВА XIII. ПЕРЕЖИВАНІЯ АНИМИЗМА И ФЕТИШИЗМА. 106

Религіозныя представленія различныхъ слоевъ, 106. — Общія и частныя переживанія, 107. — Переживанія анимизма, 107. — (Примѣры, 110. — Сложные и сомнительные случаи, 113). — Переживанія фетишизма, 116. — (Примѣры, 117). — Превращенія и воплощенія, 119. — (Примѣры, 120). — Замѣстительство, 121. — (Примѣры, 121).

ГЛАВА XIV. ПЕРЕЖИВАНІЯ КОЛДОВСТВА. 122

Прочность вѣры въ колдуновъ, 122. — Боги и колдуны, 123. — (Любовь, 124). — Функціи колдуновъ, 124. — (Примѣры, 125).

Опасности, 130. — (Примѣры, 131).

Отношеніе къ христіанскимъ фетишамъ, 132. — (Примѣры, 133).

Античныя мистеріи, 133. — (Орфики и Митра, 137). — Христіанскія таинства, 137. — (Кизильбаши, 139).

ГЛАВА XV. ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ МИѲОВЪ И СИМВОЛОВЪ. 140

Ранніе и позднѣйшіе продукты этой области, 140. — Сложность ея продуктовъ, 142. — (Примѣры, 144. — Элементы христіанскаго ученія, 145).

ГЛАВА XVI. ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЛОСОФІИ И НАУКИ. 146

Зародышное развитіе этихъ областей, 146. — Непреднамѣренный ростъ знаній и переживанія въ типахъ ученыхъ, 146. — (Примѣры, 147).

Роль аналогіи, 148.—(Примѣры, 149).
Знахарство въ позднѣйшее время, 149
Анимистическое міросозерцаніе и его позднѣйшія переживанія, 150. — Раннее появленіе нѣкоторыхъ метафизическихъ вопросовъ, 151. — (Первобытный фатализмъ и пессимизмъ, 152).

ГЛАВА XVII. БОРЬБА МЫСЛИ ИСТОРИЧЕСКАГО ВРЕМЕНИ СЪ ДОИСТОРИЧЕСКИМИ ПЕРЕЖИВАНІЯМИ. 153

Интеллигенція древнѣйшихъ періодовъ и переживанія, 153.—Пособники интеллигенціи, 154. — Борьба обычая и моды, 154.—Дифференцированіе общественныхъ группъ, 155. — Первые симптомы исторической жизни, 156 —Переходныя эпохи и новыя культуры, 156.—Борьба партій, 157.—Борьба интересовъ, 157.—Группа сторонниковъ критической мысли и нравственныхъ задачъ, 158. — Ея ошибки и неудачи, 159. — Начало новаго періода жизни человѣчества, 160.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отдавая въ печать послѣдніе появившіеся выпуски „Опыта Исторіи мысли Новаго времени“, авторъ усвоилъ убѣжденіе, что ему невозможно окончить этотъ трудъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ былъ начатъ. Прежній планъ былъ замѣненъ новымъ, болѣе сжатымъ, въ которомъ имѣлось въ виду устранить какъ бо́льшую часть библіографическихъ указаній и ссылокъ на источники, такъ и иллюстрацій общимъ положеніямъ, формулированнымъ въ текстѣ. Авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что читатель, знакомый изъ „Опыта“ съ пріемами автора по отношенію къ источникамъ, повѣритъ, что тѣ-же пріемы были употреблены и въ этомъ „Очеркѣ“, хотя и безъ указаній на источники. Въ этой болѣе сжатой формѣ авторъ приступаетъ къ изданію отдѣльныхъ 20-ти книгъ своего новаго труда, не связывая себя порядкомъ этихъ книгъ, но имѣя лишь въ виду ту послѣдовательность ихъ появленія, которая можетъ въ наиболѣе короткое время ознакомить читателя со взглядами автора на важнѣйшіе пункты эволюціи мысли, и стараясь придать каждой книгѣ форму возможно-болѣе самостоятельнаго цѣлаго. Такимъ образомъ теперь появляющійся выпускъ, носящій названіе „Переживанія доисторическаго пе-

рюда", долженъ составить *шестую книгу* „Очерка эволюціи человѣческой мысли", книгу, которая можетъ быть прочитана совершенно отдѣльно отъ остальныхъ.

Обращу здѣсь-же вниманіе читателя на слѣдующія обстоятельства, вызванныя формою этого изданія.

Измѣненіе плана повело неизбѣжно къ иному размѣщенію матеріала, чѣмъ то которое имѣло мѣсто въ Опытѣ", а потому на нѣкоторую долю фактовъ и ихъ обсужденія, отнесенную въ „Опытѣ" къ параграфамъ уже появившимся (соотвѣтствующимъ книгамъ I—IV „Очерка") пришлось указать въ этой шестой книгѣ. Авторъ не рѣшился исключить здѣсь этихъ данныхъ, по его соображеніямъ *сюда* относящихся, но ограничился въ этомъ случаѣ лишь тѣмъ, что казалось ему необходимымъ: а для читателей его „Опыта" (число которыхъ онъ не считаетъ очень значительнымъ) сдѣланы кое-гдѣ ссылки на прежній трудъ, обозначенныя „Оп. пст. м."

Какъ сказано выше, изъ „Очерка" исключены по возможности факты, иллюстрирующіе общія положенія автора; однако, для главъ XI — XV недостаточность разработки предмета на русскомъ языкѣ по условіямъ цензуры, побудила автора дать гораздо-болѣе значительное мѣсто этимъ иллюстрирующимъ фактамъ, чѣмъ слѣдовало-бы, можетъ быть, по общему плану труда. Если читатель осудитъ автора въ этомъ случаѣ, то авторъ не имѣетъ въ виду оправдываться, но надѣется, что найдутся и читатели, которые оправдаютъ его и безъ его вмѣшательства

Авторъ постарается возможно скорѣе приступить къ отдѣльному изданію той или другой изъ остальныхъ 19 книгъ „Очерка", если силы, здоровье и обстоятельства ему это дозволятъ и если онъ встрѣтитъ въ будущемъ содѣйствіе къ продолженію своего труда, какъ онъ встрѣтилъ подобное содѣйствіе для настоящей книги, за что глубоко благодаритъ тѣхъ, кто оказалъ это содѣйствіе.

Переходя къ соображеніямъ о спеціальномъ содержаніи этой книги, замѣчу, что работы послѣдняго времени съ

каждымъ годомъ выказываютъ все яснѣе огромное значеніе переживаній доисторическаго періода въ разныя историческія эпохи до нашего времени; и что на очень многія явленія въ области личной и общественной психологіи можно распространить то, что берлинскій профессоръ Колеръ говоритъ о „суевѣріяхъ", именно, что „здѣсь этнологъ наблюдаетъ въ средѣ своего народа тѣ особенныя состоянія, которыя кажутся столь странными наблюдателю доисторическихъ народовъ (Naturstämmen) и изслѣдователямъ исторіи предъ нимъ воскресаютъ картины прошлаго". Тѣмъ не менѣе едва-ли можно признать достаточною существующую литературу, стремящуюся разобраться въ этихъ переживаніяхъ и въ ихъ неизбѣжномъ взаимодѣйствіи съ историческими явленіями. Недавно имѣли мѣсто, между прочимъ, и прямыя обвиненія современной литературы въ этомъ отношеніи: утверждали напримѣръ, что современные криминалисты большею частью вполнѣ пренебрегаютъ ролью „народныхъ суевѣрій" въ уголовномъ правѣ и что, судя по юридической литературѣ и по составу кодексовъ, можно-бы думать, что „суевѣрія вполнѣ исчезли изъ круга современныхъ намъ людей", тогда какъ „неоспоримые факты доказываютъ, что, подъ вліяніемъ суевѣрій совершаются жестокія истязанія, грубыя насилія, клятвопреступленія, воровства, изнасилованія и противуестественныя преступленія". Но что скрывается подъ смутнымъ терминомъ „суевѣрія"? Почти исключительно здѣсь передъ нами ни что иное, какъ переживающая область доисторическаго анимизма, для насъ любопытная въ одномъ случаѣ, нелѣпая въ другомъ, прямо возмутительная въ третьемъ, но смыслъ которой во всѣхъ случаяхъ доступенъ намъ лишь при пониманіи ея, какъ переживанія доисторическаго времени. Эти и подобныя соображенія могутъ служить оправданіемъ автору, что онъ позволилъ себѣ обратить вниманіе читателей на эту область.

Употребляя для ея обозначенія общій терминъ „доисторическаго періода", надо констатировать, съ одной стороны,

что уже очень многіе авторы отмѣтили разницу между доисторическимъ и историческимъ временемъ, иные-же, хотя и въ меньшемъ числѣ, замѣтили и то, что, въ средѣ высшей исторической культуры, продолжали существовать личности, группы личностей и цѣлые общественные классы, въ жизни которыхъ побужденія доисторическаго времени господствовали и продолжаютъ господствовать надъ тѣмъ, что обусловлено особенностями исторической культуры общества въ его цѣломъ и преимущественно высшихъ представителей работы мысли, въ немъ проявляющихся. По этому едва-ли можно отрицать историческую важность вопроса: каковы были и каковыми остались особенности, характеризовавшія не только культуру и мысль доисторическаго періода сравнительно съ культурами и продуктами мысли историческихъ эпохъ, но и особенности всѣхъ тѣхъ человѣческихъ группъ и отдѣльныхъ личностей, которыя остались переживающими представителями доисторическаго времени въ исторической средѣ, и что́ именно противополагаютъ эти остатки первобытнаго человѣчества, эти люди „обычая“ и „моды“, другимъ личностямъ и обществамъ, дѣятельность и роль которыхъ въ исторіи были обусловлены преимущественно жаждою развитія, стремленіемъ осуществить въ своей жизни и въ формахъ общества ихъ окружающаго свои идеалы, не имѣвшіе даже возможности проявиться въ болѣе раннее время.

П. Лавровъ.

Парижъ. Іюль 1897 г.

ПЕРЕЖИВАНІЯ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПЕРІОДА

ГЛАВА I

ЖИЗНЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПЕРІОДЫ.

Повторяющіяся явленія —Спорные вопросы —(Формула Гэна.—Раса и нація) —Вліяніе расы.—Національныя особенности —(Примѣры).—Переживанія доисторическаго времени и вопросы при этомъ представляющіеся.

Всѣ историческіе періоды представляютъ, радомъ съ явленіями, для нихъ характеристичными, еще остатки предшествующихъ эпохъ. Ничто не мѣшало-бы всѣ эти остатки называть *переживаніями;* но, для надлежащаго пониманія эволюціи обществъ, правильнѣе, можетъ быть, различать въ самихъ терминахъ два рода этихъ остатковъ; именно, съ одной стороны, тѣ элементы, которые, хотя и унаслѣдованы отъ болѣе раннихъ эпохъ, однако содѣйствуютъ болѣе или менѣе удачному рѣшенію новыхъ общественныхъ вопросовъ, а потому могутъ быть названы и позже *жизненными элементами* даннаго общества; съ другой-же—явленія, составляющія безспорно помѣху при рѣшеніи упомянутыхъ новыхъ вопросовъ; для послѣдняго рода явленій мы и удержимъ исключительно терминъ *переживаній.* Какъ всѣ эпохи историческія, такъ и доисторическій періодъ оставили въ наслѣдство позднѣйшимъ поколѣніямъ и нѣкоторые *жизненные элементы,* и достаточное число *переживаній.*

Первымъ вопросомъ при изученіи переживаній доисторическаго періода въ историческія эпохи едва-ли не слѣдуетъ считать тщательное отдѣленіе всѣхъ элементовъ, относящихся къ этимъ переживаніямъ, отъ другихъ, сюда не принадлежащихъ. Прежде всего было-бы неправильно относить къ переживаніямъ или къ жизненнымъ элементамъ все то, что не входитъ въ область явленій *эволюціонныхъ* (по са-

мой сущности своей проходящихъ черезъ рядъ неповторяющихся фазисовъ). Неэволюціонныя явленія повторяются по неизбѣжнымъ законамъ механики, физики, біологіи и психологіи и совершаются теперь, когда къ нимъ прилагается научный методъ наблюденія и изслѣдованія, совершенно такъже, какъ они совершались тому много тысячелѣтій, поражая воображеніе первобытнаго человѣка, или даже еще ранѣе, до его выдѣленія изъ зоологическаго міра, вызывая въ его предкахъ психическіе процессы, подготовлявшіе человѣческую мысль.

Въ эпохи ихтіозавровъ и мамонтовъ, какъ въ эпохи древнѣйшихъ египетскихъ пирамидъ и первыхъ пѣсенъ объ Ахиллѣ, при Архимедѣ, при Спинозѣ, какъ при Марксѣ продолжались тѣ самые космическіе процессы, которые приводятъ ежедневно на горизонтъ земнаго наблюдателя міры звѣздъ и туманностей, иногда кометы, ужасавшія народы, и которые въ будущемъ неизбѣжно положатъ конецъ всякой жизни на этой землѣ и потушатъ наше солнце. Продолжались тѣ геологическіе процессы, которые измѣняли очертаніе океановъ, подняли Альпы, Анды и Гималаи — затопляли, можетъ быть, Атлантиды и создавали на нашихъ глазахъ новые острова Въ предѣлахъ человѣческой исторіи появлялись и гибли органическія формы, которымъ ученые классификаторы давали названіе разновидностей, видовъ или даже родовъ. Біологическій трансформизмъ обособлялъ породы растеній и животныхъ, долженствовавшихъ сдѣлаться пособниками новой человѣческой культуры или помѣхою власти человѣка надъ органическимъ міромъ. Онъ обособлялъ расовые и національные типы и въ человѣкѣ. Это все — антропологія; но историку приходится уже долѣе остановиться на проявленіяхъ подобнаго-же трансформизма въ области лингвистики, которая ставитъ немаловажные вопросы не только о минувшемъ, но также о настоящемъ и о будущемъ. Лингвистическая борьба за существованіе создавала, видоизмѣняла и губила говоры, нарѣчія, языки и цѣлыя семейства языковъ; но она-же требуетъ отъ современныхъ изслѣдователей человѣческой рѣчи рѣшенія еще иной загадки: каковы будутъ міровые языки ближайшихъ будущихъ вѣковъ? Восторжествуетъ-ли въ ихъ борьбѣ за существованіе стремленіе къ объединенію человѣческой рѣчи и къ доведенію этихъ міровыхъ языковъ до самаго малаго числа единицъ? или одержитъ побѣду то возрожденіе множества мелкихъ лингвистическихъ отраслей къ болѣе широкой литера-

турной жизни, которое намъ, какъ будто, приходится констатировать въ настоящую эпоху? Загадку эту рѣшить тѣмъ труднѣе, что въ ея рѣшеніи, повидимому, очень малое участіе принимаетъ и будетъ принимать личная воля и разсчитанная рѣшимость общественныхъ группъ.

Но здѣсь мы уже на границѣ области повторяющихся явленій, независимыхъ отъ воли человѣка, и области переживаній, въ которыхъ приходится почти во всѣхъ случаяхъ констатировать большее или меньшее участіе его воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы въ средѣ спорныхъ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ очень трудно приложить строго-научный методъ. Таковы, между прочимъ, вопросы о культурныхъ, психическихъ, интеллектуальныхъ, нравственныхъ и соціологическихъ особенностяхъ, въ которыхъ многія школы мыслителей видятъ фатальное унаслѣдованіе расовыхъ или національныхъ переживаній.

Въ нашъ вѣкъ большое вліяніе въ литературѣ имѣла формула Тэна, устанавливающая для объясненія историческихъ явленій всякаго рода исключительно *три* элемента *расу*, *среду* и *моментъ*. Объ этой формулѣ, какъ и о многихъ другихъ, стремящихся къ упрощенію пониманія явленій, можно сказать: „упрощеніе“ лишь тогда вѣрно, когда термины принимаются въ самомъ широкомъ смыслѣ. Для того, чтобы объяснить конкретныя явленія, приходится подъ *моментомъ* подразумѣвать не только данную историческую эпоху въ ея цѣломъ, но особенный фазисъ въ развитіи даннаго общества, данныхъ группъ, участвовавшихъ въ событіи, или вліявшихъ на опредѣленную особь, наконецъ, особенный фазисъ въ развитіи этой самой особи. Подъ понятіе о *средѣ* необходимо подвести не только общія черты національной или классовой культуры, общія направленія работы мысли, обнаруживавшіяся (всегда многія одновременно) при данныхъ условіяхъ времени и мѣста, но именно тѣ культурныя комбинаціи и ту постановку вопросовъ мысли, которыя индивидуализировали событія или личность, о которыхъ идетъ дѣло. Если подобнымъ образомъ понимать термины *моментъ* и *среда*, то, съ одной стороны, много-ли выиграетъ формула Тэна въ упрощеніи понятій? съ другой-же много-ли остается объяснить началомъ *расы*, когда мы устранили понятія о *средѣ* и о *моментѣ*? Это возраженіе особенно ярко представляется въ переходныя эпохи, способствующія развитію индивидуальныхъ особенностей въ одной и той-же общей средѣ, въ одинъ и тотъ-же общій моментъ исторіи. — Къ предыдущему слѣдуетъ еще прибавить, что терминъ „раса“ въ современной литературѣ слишкомъ часто употребляется въ смыслѣ антропологическихъ особенностей типа *національнаго*. Такъ говорятъ о „расѣ“ французской, англійской или даже шведской. Но подобные типы какъ въ культурномъ такъ и въ антропологическомъ смыслѣ суть типы, выработанные въ теченіи исторіи и. слѣдовательно, въ каждомъ фазисѣ своего развитія, обусловленные историческимъ „моментомъ“.

Отрицать возможность вліянія расоваго различія на психическіе процессы особей было-бы ненаучно, тѣмъ болѣе,

что происхожденіе людей отъ одного зоологическаго корня или отъ нѣсколькихъ различныхъ корней остается до сихъ поръ спорнымъ вопросомъ въ антропологіи Однако не существуетъ достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что различіе между психическими процессами одного и того-же рода у особей, принадлежащихъ различнымъ расамъ, превосходитъ, вообще говоря, то, которое мы можемъ наблюдать при сравненіи людей одной и той-же расы. А сомнительность существованія въ настоящее время человѣческихъ особей безспорно-чистыхъ расъ еще болѣе подрываетъ возможность утверждать, на основаніи достаточныхъ критическихъ аргументовъ, что то или другое явленіе принадлежитъ переживаніямъ расовымъ. Почти безъ исключенія можно сказать, что все, объясняемое различіемъ расъ, можетъ быть столь-же удобно объяснено разницей культуръ людей одной и той-же расы въ различныя эпохи, переживанія которыхъ мы наблюдаемъ.

Гораздо чаще можно указать, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, на нѣкоторыя явленія въ личностяхъ и въ коллективностяхъ, характеризованныя *національными* особенностями. Однако тутъ приходится быть осторожнымъ въ примѣненіи термина „переживанія“. Въ каждую данную эпоху позднѣйшей доисторической и исторической жизни человѣчество представляло большее или меньшее число различныхъ національныхъ типовъ, которые укрѣплялись, стушевывались или измѣнялись, такъ что національный характеръ литературныхъ произведеній и формъ культурной жизни одной и той-же націи представляетъ достаточныя различія въ разные періоды. Въ каждой изъ этихъ національныхъ особенностеіі можно найти и переживаніе предшествовавшихъ эпохъ ея эволюціи, и заимствованія, вольныя и невольныя, отъ другихъ націй, и комбинаціи новыхъ задачъ, выдвигаемыя новыми эпохами, комбинаціи, различныя для каждой націи вслѣдствіе различія условій, при которыхъ онѣ имѣли мѣсто. Поэтому гораздо удобнѣе различать особенности разныхъ націй въ опредѣленную эпоху и ихъ взаимодѣйствіе въ каждую изъ этихъ эпохъ, чѣмъ съ достаточною вѣроятностью устанавливать въ послѣдовательномъ ряду эпохъ прочные національные элементы, сохранившіеся неизмѣнными въ продолженіи болѣе или менѣе значительнаго времени. Гипотеза *національныхъ переживаній* остается большею частью гипотезою, къ которой дозволительно прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Сравнивая, напримѣръ, литературу французскихъ chansons de geste и псевдо-классицизма XVII в., трудно не признать за натяжку встрѣчающіяся сближенія между риторами галло-римской эпохи и современниками Людовика XIV (см S Reinach. „Bronzes figurés de la Gaule romaine" (1895). То же можно сказать, если сравнимъ культурныя формы Скандинавіи временъ викинговъ и эпохи протестантизма и т. под.

Указавъ, такимъ образомъ, предосторожности, которыя необходимы, какъ для того, чтобы не относить къ переживаніямъ то, что составляетъ *жизненный элементъ* общественной и личной жизни, такъ и для того, чтобы не распространять этотъ терминъ внѣ его правомѣрной области, покажемъ, въ главныхъ чертахъ, что́ именно въ разные періоды исторіи можно разсматривать, какъ элементъ переживанія доисторической жизни, элементъ всегда являвшійся помѣхою правильному ходу историческаго прогресса.

Здѣсь намъ представляются слѣдующіе вопросы:

Въ какихъ общихъ формахъ мы наблюдаемъ переживанія доисторической культуры въ историческое время?

Въ какихъ различныхъ типахъ дикарей могутъ эти общія формы обнаруживаться въ историческое время, и каково могло и можетъ быть отношеніе передовой интеллигенціи данной исторической эпохи къ этимъ различнымъ типамъ дикарей?

На сколько историческія свидѣтельства и наблюденія современниковъ позволяютъ утверждать, что эти общія формы переживаній и эти основные типы дикарей дѣйствительно встрѣчались въ разные періоды исторіи?

Наконецъ, помимо этихъ общихъ заключеній о переживаніяхъ доисторическаго времени въ исторіи, не представляютъ-ли нѣкоторыя формы культуры спеціальныхъ явленій этого рода?

Относительно общихъ формъ переживаній доисторической культуры въ историческое время мы ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ: общія черты отличія доисторической жизни отъ исторической обусловлены *лѣнью мысли*. Въ ней коренится, во первыхъ, господство *обычая* надъ всѣми другими двигателями личной и коллективной дѣятельности; во вторыхъ, преобладаніе въ личныхъ побужденіяхъ *изнѣженности* этихъ побужденій и общихъ настроеній; въ третьихъ, продолжительное существованіе такихъ культурныхъ формъ, которыя доставляютъ особи лишь минимумъ комфорта даже при возможности добыть этотъ комфортъ.

ГЛАВА II

ТРИ ТИПА ПЕРЕЖИВАНІЯ ДИКОСТИ

Неисторическіе народы. — Пасынки цивилизаціи. — (Примѣры пониженія культуры). — Вліяніе присутствія пасынковъ цивилизаціи.—Дикари высшихъ культуръ. — (Примѣры) —Вліяніе присутствія этихъ дикарей.—Борьба противъ этого элемента дикости.

Господство обычая.

Каковы-же различные типы, которые могли выработаться въ историческое время на почвѣ этихъ переживаній лѣни мысли и царства обычая, измѣнчивости побужденій и отсутствія элементарнаго жизненнаго комфорта?

Это, прежде всего, *цѣлые племена и народы*, существующіе въ эпохи исторической жизни человѣчества, но оставшіеся внѣ исторіи. Это, затѣмъ, *пасынки цивилизаціи* и *дикари высшей культуры*, составляющіе огромное большинство тѣхъ самыхъ историческихъ націй, которымъ удалось выработать въ своей средѣ интеллигенцію, сдѣлавшую эти націи —націями историческими.

Существованіе въ человѣчествѣ этихъ трехъ типовъ переживанія доисторическаго дикаря составляетъ во всѣхъ случаяхъ помѣху прогрессу человѣческаго общества.

Пока довольно значительная доля человѣчества состоитъ изъ *неисторическихъ* народовъ, до тѣхъ поръ и самыя передовыя націи встрѣчаютъ помѣху своему развитію. Присутствіе сосѣдей дикарей вынуждаетъ довольно часто (по дѣй-

ствительной или кажущейся необходимости) цивилизованные народы прибѣгать, по отношенію къ этимъ сосѣдямъ, къ пріемамъ, нетолько несогласнымъ съ задачами цивилизаціи, но даже прямо-деморализующимъ цивилизованные народы. Взаимодѣйствіе народовъ неисторическихъ и историческихъ вызываетъ сплошь да рядомъ не только явленія повышенія низшей культуры, но весьма характеристическіе симптомы пониженія культуры высшей. Пока задачи универсалистической цивилизаціи не сдѣлаются доступными всѣмъ народамъ, до тѣхъ поръ объ этой цивилизаціи нельзя сказать, что она устранила весьма существенныя препятствія своему установленію.

Пасынки цивилизаціи несли и несутъ на себѣ всю тяжесть труда, вырабатывающаго и поддерживающаго всѣ формы цивилизаціи, которыя добыло и добываетъ человѣчество; но внѣшнія препятствія, особенно борьба за существованіе, лишали и лишаютъ цѣлые классы личностей возможности участвовать въ продуктахъ этихъ цивилизацій не менѣе того, какъ отъ нея были отрѣзаны жители какого-либо уединеннаго острова океана. Присутствіе въ цивилизованныхъ обществахъ этихъ *пасынковъ цивилизаціи* вызываетъ, съ одной стороны, значительное сомнѣніе относительно силы этой цивилизаціи, а, съ другой, представляетъ для нея постоянную опасность, такъ какъ случайная катастрофа, которая можетъ дать временно преобладаніе большинству, чуждому не по своей винѣ потребности развитія, способно тѣмъ самымъ понизить болѣе или менѣе значительно уровень общественной цивилизаціи и замедлить, если не остановить вовсе, ходъ прогресса страны.

Такъ было съ античнымъ міромъ, когда эпоха діадоховъ и римскаго владычества подорвала силу центровъ греческой цивилизаціи, въ которыхъ группировалась прежде прогрессивная интеллигенція, сравнительно очень малочисленная, тогда какъ отъ этой цивилизаціи оставалось отрѣзаннымъ огромное большинство рабовъ, сельскихъ жителей, городскихъ центровъ, менѣе выгодно поставленныхъ по отношенію къ прогрессу, и варваровъ, притекавшихъ къ территоріи античной цивилизаціи. Это большинство оставалось при гораздо низшей культурѣ и доставило почву для преобладанія послѣдней при смѣнѣ античнаго міра средними вѣками. Такъ было и на Руси, когда политическое преобладаніе, перейдя изъ Кіева въ Ростовъ и въ Москву, заглушило даже тѣ слабые зачатки цивилизаціоннаго преданія, которые пришли на югъ Руси изъ Византіи и вызвало ту московскую средневѣковую культуру, которая была однимъ изъ самыхъ характеристическихъ проявленій застоя въ работѣ мысли

Пока существуютъ въ историческихъ обществахъ эти *пасынки цивилизаціи*, у которыхъ политическій и экономическій строй отрѣзали возможность сознать наслажденіе развитіемъ и потребность въ немъ, до тѣхъ поръ всѣ эти общества не устранили еще изъ своей жизни переживанія дикости первобытныхъ людей, переживанія тѣмъ болѣе возмутительныя, и являющіяся тѣмъ болѣе рѣзкими противорѣчіями прогрессивнымъ явленіямъ, чѣмъ выше формы цивилизаціи, до которой достигло въ томъ-же обществѣ интеллигентное меньшинство. Всемірныя выставки могутъ свидѣтельствовать о чудесахъ техники; тонкость психологическаго анализа у романистовъ и драматурговъ можетъ вызывать изумленіе; прелесть гармоническихъ комбинацій въ симфоніяхъ композиторовъ можетъ быть неотразима; геніальные ученые могутъ доходить до самыхъ поразительныхъ открытій въ области механическихъ эквивалентовъ разныхъ физическихъ, химическихъ и біологическихъ процессовъ, въ мірѣ микроорганизмовъ или въ трансформаціи добавочной цѣнности. Но всѣ эти завоеванія цивилизованнаго меньшинства не измѣняютъ ни на одну іоту того факта, что первобытная дикость продолжаетъ обнаруживать свои самыя опасныя переживанія въ обществѣ, гдѣ, рядомъ съ этими завоеваніями, цѣлые классы лишены самаго элементарнаго комфорта въ жизни, лишены всякой возможности почувствовать даже потребность интеллектуальнаго, эстетическаго и нравственнаго развитія и не могутъ сознательно воспользоваться для полезнаго вліянія на формы политической жизни тѣми юридическими правами, которыя фиктивно обезпечены за ними закономъ. На исторической интеллигенціи лежитъ постоянная обязанность самой рѣшительной борьбы противъ тѣхъ экономическихъ и политическихъ формъ общественнаго строя, которыя фатально созидаютъ цѣлые классы подобныхъ пасынковъ цивилизаціи, не по своей винѣ остающихся внѣ исторической жизни. И, рядомъ съ этимъ, на той-же интеллигенціи лежитъ другая обязанность: неутомимо дѣйствовать педагогически на это большинство, чтобы возбудить въ немъ потребность развитія, которая ввела-бы его дѣйствительно въ историческую жизнь въ то самое время, когда политическія и экономическія реформы уничтожатъ фатальныя преграды, устраняющія пасынковъ цивилизаціи отъ этой жизни.

Но доисторическій періодъ представляетъ еще болѣе поразительныя переживанія въ средѣ историческихъ народовъ въ *дикаряхъ высшей культуры*. Это — люди, имѣющіе полную

внѣшнюю возможность выработать въ себѣ наслажденіе развитіемъ и потребность его, но, по *внутреннимъ* условіямъ, лишенные способности къ этой выработкѣ Это — люди, которые безъ малѣйшаго усилія приспособляются къ обычнымъ формамъ жизни и обычнымъ пріемамъ мысли. Это — рабы обычая, никогда не ставящіе себѣ вопроса, что въ обычаѣ хорошо или дурно. Ихъ мысль остается при потребностяхъ, существовавшихъ у доисторическаго человѣка. Культура общества, ихъ окружающаго, развила въ нихъ потребность къ комфорту, незнакомому дикарямъ культуры низшей, и потому внѣшность ихъ жизни иная; но за этой внѣшностью лежатъ въ сущности тѣ самыя заботы и та самая лѣнь мысли, которыя побуждаютъ дикаря низшей культуры подвергаться мучительному процессу татуировки, опиливать зубы, строить изъ волосъ цѣлое зданіе, украшать одежду побрякушками и жилище трофеями охоты и битвъ. Историческая цивилизація окружаетъ дикаря высшей культуры продуктами религіи, наукъ, философіи, нравственности и сложными общественными формами; его воспитаніе ознакомило его съ ихъ проявленіями; его общественное положеніе заставило его включить эти продукты въ большей или въ меньшей мѣрѣ въ свой жизненный обиходъ и въ обстановку своего комфорта. Но онъ все-таки относится къ нимъ, какъ дикарь. Онъ вовсе не чувствуетъ потребности въ тѣхъ элементахъ, которые составляютъ ихъ развивающее начало. Они нужны ему лишь потому, что такъ *принято* въ его обществѣ.

Дикарь высшей культуры ходитъ въ храмъ Изиды, Зевса, въ церковь св. Сульпиція или въ Исаакіевскій соборъ потому, что ходятъ другіе. Онъ учится атлетическимъ упражненіямъ въ Греціи, знакомится въ древнемъ Римѣ со всѣми частностями обряда и формулъ жертвоприношенія гаруспициевъ, слушаетъ комментаріи Ѳомы Аквината въ XIII в; держитъ экзамены изъ физіологіи или изъ римскаго права въ XIX-мъ, потому, что надо же выбрать карьеру и такъ дѣлаютъ съ этой цѣлью другіе Онъ присутствуетъ при процессіяхъ въ честь Аммона, участвуетъ въ элевзинскихъ таинствахъ или слушаетъ въ театрѣ Аоинъ стихи Софокла, аплодируетъ въ Колизеѣ при боѣ гладіаторовъ, ползетъ на колѣняхъ къ святилищу Дѣвы Маріи или на Печерскъ въ Кіевѣ, аплодируетъ Рашели, Гамбеттѣ или Ренану въ Парижѣ и реветъ на митингахъ тори въ Лондонѣ противъ „гом-руля“, не давая себѣ даже отчета, почему онъ дѣлаетъ это. Его память обогащается, его общественныя отношенія усложняются Онъ способенъ такъ же искусно вести дѣла на биржѣ и такъ же терпѣливо выжидать крупную экономическую или политическую добычу, какъ австралійскій дикарь искусно охотится на кэнгуру и терпѣливо ждетъ въ засадѣ врага цѣлые дни Онъ способенъ оцѣнить выгоду техническаго продукта, ниск[illegible]ько не интересуясь

ни вопросомъ, рядомъ какихъ соображеній получилась техника, дающая этотъ продуктъ, ни еще менѣе тѣмъ, какіе законы природы лежатъ въ основѣ этой техники? Онъ остается при первобытной лѣни мысли Онъ ощущаетъ потребность лишь въ тѣхъ умственныхъ процессахъ, которые никогда не побудили и не могутъ побудить человѣка перейти къ исторической жизни. Предметы, относящіеся къ области высшихъ наслажденій, ему доступны лишь, какъ элементы общественнаго обычая, и ему совершенно все равно, таковы-ли они или иные Для него не существуетъ самаго элементарнаго представленія о потребности развитія мысли путемъ ея постепеннаго уясненія и усовершенствованія ея методовъ. о потребности развитія жизни личной внесеніемъ въ нее большей послѣдовательности; о потребности развитія общежитія путемъ воплощенія справедливости въ общественныя отношенія, путемъ укрѣпленія и расширенія общественной солидарности Съ тѣмъ вмѣстѣ не существуютъ для него и нравственныя побужденія. которыя нераздѣльно связаны съ потребностью развитія Для этихъ то современныхъ дикарей высшей культуры печатаются, напримѣръ, въ Парижѣ, книжки въ родѣ Paris-Parisien съ готовыми фразами о всѣхъ предметахъ, которые типическій „парижанинъ" даннаго сезона „долженъ видѣть", и на всѣ случаи, о которыхъ онъ „долженъ знать"

Дикарей высшей культуры было всегда много во всѣхъ историческихъ цивилизаціяхъ, много и теперь. По своему общественному положенію они составляли и составляютъ одно изъ сильныхъ препятствій укрѣпленію и расширенію той самой исторической жизни, которая доставила имъ всѣ средства ихъ вліянія на общество, но въ своей сущности осталась имъ недоступною. Они располагали и располагаютъ наибольшею долей экономическихъ благъ общества. Они образуютъ главный элементъ общественнаго мнѣнія. Они составляли и составляютъ большинство придворныхъ кликъ, сословныхъ, наслѣдственныхъ, избирательныхъ собраній и совѣтовъ. Къ ихъ привычкамъ мысли большею частью приспособлялись и приспособляются литература и искуство. Они занимали и занимаютъ за немногими исключеніями вліятельныя мѣста въ коллегіяхъ жрецовъ, въ іерархіи духовенства, въ судебномъ сословіи, на каѳедрахъ университетовъ, въ ученыхъ обществахъ и академіяхъ. Экземпляры дикарей высшей культуры мы встрѣчаемъ всего чаще на мѣстахъ визирей, министровъ, президентовъ республикъ, на самодержавныхъ и конституціонныхъ тронахъ. Безъ пониманія роли этихъ дикарей въ прошедшей и въ настоящей исторіи она становится неразрѣшимою загадкою. Присутствіе при историческихъ событіяхъ людей, неспособныхъ участвовать въ исторической жизни, но вліяющихъ на нее своимъ общественнымъ положеніемъ, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ теченіе этой жизни.

Они парализуютъ дѣйствіе самыхъ благодѣтельныхъ общественныхъ формъ, опошляютъ самыя замѣчательныя завоеванія мысли въ области наукъ, искуствъ, нравственности, заглушаютъ своею склонностью къ рутинѣ и своимъ отвращеніемъ отъ живой новизны наибольшую долю инициативы истинно развитой интеллигенціи, и слишкомъ часто лишаютъ всякаго значенія общественныя реформы, обѣщавшія замѣчательный прогрессъ. Умноженіе дикарей этого разряда и переходъ въ ихъ руки большей доли общественнаго вліянія составляетъ постоянную помѣху прогрессивнымъ процессамъ въ обществѣ и постоянную опасность для сознательной цивилизаціи обратиться въ рутинную культуру.

Поэтому борьба противъ этого элемента дикости въ высшихъ культурахъ есть одна изъ важнѣйшихъ, но въ то-же время труднѣйшихъ обязанностей исторической интеллигенціи. Это уже не борьба путемъ общихъ законодательныхъ или административныхъ мѣропріятій или путемъ революціоннаго давленія, потому что дикари высшей культуры не представляютъ сословія или класса. Передъ интеллигенціею — неорганизованное скопленіе *особей*, чуждыхъ потребности развитія, скопленіе, въ средѣ котораго слѣдуетъ выработать совокупность *личностей*, стремящихся къ этому развитію; а оно можетъ остаться чуждымъ большинству при всѣхъ общественныхъ реформахъ или потрясеніяхъ. Съ этою формою дикости лишь въ малой мѣрѣ можно бороться и путемъ педагогіи, потому что *этимъ* дикарямъ недостаетъ не свѣдѣній, а осмысленія этихъ свѣдѣній и перехода знанія въ жизненное убѣжденіе. Они склонны лишать жизненнаго содержанія всякое новое знаніе, всякую работу мысли Противъ нихъ приходится бороться лишь личнымъ примѣромъ и личнымъ внушеніемъ, постоянно подрывая критикою ихъ вліяніе на новыя поколѣнія, устраняя ихъ рутинное преобладаніе и, въ немногихъ случаяхъ, пробуждая ту или другую изъ этихъ доисторическихъ особей къ личной, исторической жизни. Эти послѣдніе случаи очень рѣдки. Наибольшія усилія здѣсь могутъ быть направлены лишь на то, чтобы растущее поколѣніе потомковъ этихъ дикарей высшей культуры получило, подъ вліяніемъ интеллигенціи, больше шансовъ перейти въ ряды послѣдней, подобно тому какъ низшія расы и варварскія націи дали въ своемъ потомствѣ поколѣнія, пробудившіяся къ исторической жизни и вступившія въ нее энергическими дѣятелями на ряду съ потомствомъ націй историческихъ.

Только что указанные три типа дикости одинаково ведутъ къ господству *обычая* въ жизни личностей и въ общественныхъ формахъ, при чемъ и позже, когда личность начинаетъ усвоивать наслажденіе развитіемъ и ощущать въ немъ потребность, и когда въ обществѣ интересы и убѣжденія являются болѣе или менѣе господствующими двигателями событій, долго еще болѣе или менѣе значительная доля индивидуальной и коллективной дѣятельности продолжаетъ совершаться подъ вліяніемъ личной привычки или соціальнаго обычая, и еще долѣе, можетъ быть, личная инициатива выступаетъ подъ формою обычая, а „старина“ и „пошлина“ составляютъ общеуважаемый аргументъ въ полемикѣ даже между самыми передовыми представителями интеллигенціи. Негръ-магометанинъ исполняетъ предписанія ислама, видя въ нихъ обычай столь-же древній и непарушимый, какъ обрядъ фетишизма, совершаемый его сосѣдомъ, не затронутымъ проповѣдью Корана. Для жатвы крестьянинъ глухой мѣстности употребляетъ стальной серпъ или косу, какъ обычное орудіе, относясь къ тому или другой совершенно такъ-же, какъ палеолитическій человѣкъ относился къ своей стрѣлѣ съ каменнымъ наконечникомъ. „Приличная“ жизнь для крупнаго буржуа Парижа, прошедшаго черезъ университетъ, налагаетъ на него столь-же ненарушимыя требованія—хотя и очень недавнія—въ новѣйшую эпоху, какія налагалъ на его предка, галло-римлянина эпохи Юліана, обычай уподобляться римлянину и отличаться отъ родственника-кельта. „Законъ“ для средневѣковаго европейца и русскаго былъ долго ни чѣмъ инымъ, какъ записаннымъ „обычаемъ“, и противуполагался „уставу“ и „договору“, какъ ограждающимъ сознанные интересы. Новому времени принадлежитъ различеніе „легальности“ отъ общественнаго мнѣнія (собственно почти всегда — мнѣнія кружка или общественнаго союза, къ которому принадлежитъ та или другая особь). Жить „по закону“ означало и означаетъ для очень многихъ — подчиняться царству *обычая*, т. е. руководствоваться переживаніями строя мысли дикаря, человѣка доисторическаго періода. Средніе вѣка, въ памятникахъ, ими оставленныхъ, даютъ намъ даже наглядные образцы того, какъ могли возникать и устанавливаться обычаи, даже въ тотъ періодъ, когда сознанные интересы, какъ побужденія, отвоевывали себѣ все большее мѣсто въ жизни народовъ. Частный случай создавалъ прецедентъ. При повтореніи такихъ-же или сходныхъ обстоятельствъ этотъ прецедентъ

становился указаніемъ, или по лѣни мысли, или потому, что онъ былъ выгоденъ для лица болѣе сильнаго. И немедленно возникалъ обычай, „кутюма“, противъ которыхъ было уже очень трудно бороться, особенно лицамъ соціально-слабымъ. Огромное число захватовъ въ средніе вѣка совершилось именно путемъ отдѣльнаго прецедента, обратившагося въ обычное право соціально-сильной личности. Это и вызвало ту враждебность противъ „кутюмъ“, которая такъ помогла побѣдѣ и юристовъ, съ ихъ „писаннымъ разумомъ“, и абсолютизма, съ его бюрократическимъ строемъ, не знавшимъ прецедентовъ.

ГЛАВА III

МОДЫ И ИХЪ ИНИЦІАТОРЫ.

—

Измѣнчивость побужденій — Появленіе и исчезаніе модъ.—Рефлексы разнаго рода. — Обычай и мода — (Эпохи позаимствованія). — Инициаторы модъ.

—

Но лѣнь мысли не только вызвала въ дикарѣ коллективную наклонность къ жизни по обычаю Она обусловливаетъ еще неспособность обдумать и оцѣнить всякое новое возникающее побужденіе. А потому столь-же существенный признакъ дикости составляетъ неосмысленная *измѣнчивость* въ личныхъ побужденіяхъ въ предѣлахъ обычая, одинаковая непослѣдовательность при появленіи и при исчезаніи *модъ*, охватывающихъ большее или меньшее число особей. Это явленіе психологіи коллективной подлежало и подлежитъ нашему наблюденію во всѣ историческія эпохи, оставившія послѣ себя достаточно-полныя свидѣтельства общественной жизни. Оно представляетъ нѣкоторыя аналогіи и съ другими, болѣе рѣдкими, но болѣе бросающимися въ глаза психологическими процессами въ коллективностяхъ. Такъ всего правильнѣе, повидимому, сблизить съ этимъ-же явленіемъ неразсудительнаго подчиненія модѣ тѣ внезапныя увлеченія энтузіазмомъ или жестокостью, высокимъ или звѣрскимъ аффектомъ, которое можно иногда наблюдать въ *толпѣ;* въ подобные моменты толпа обращается внезапно въ солидар-

ное цѣлое на почвѣ эмоціональнаго процесса, но эта эмоціональная солидарность не вноситъ во взволнованную толпу всѣхъ тѣхъ признаковъ общественнаго организма, которые дозволили въ разныя эпохи прочное сплоченіе родовъ, націй, государствъ и идейныхъ коллективностей. Другое аналогичное явленіе представляетъ то общее поднятіе общественнаго духа или упадокъ его и симптомы повальнаго унынія, которые наблюдаются какъ у народовъ неисторическихъ (большею частью вымирающихъ), такъ отъ времени до времени и въ странахъ, находящихся въ полномъ процессѣ исторической жизни, но съ тѣмъ характеристическимъ признакомъ, что и современники этого коллективнаго настроенія не сознаютъ для него достаточной причины, и историки эпохи могутъ лишь съ гипотетическими натяжками уяснить себѣ подобную причину или угадать ее.

Появленіе и исчезаніе модъ представляютъ на всѣхъ ступеняхъ культуры психологическій вопросъ, довольно сложный. Трудно установить съ какою-бы то ни было претензіей на достовѣрность, какимъ образомъ господствующее среди дикарей побужденіе во всемъ подчиняться національному обычаю, позволяло въ первое время возникать и смѣняться новымъ модамъ чуть-ли не во всѣхъ областяхъ культурной жизни; однако наблюденіе нынѣшнихъ дикарей низшей культуры принуждаетъ заключить, что появленіе и болѣе или менѣе продолжительное существованіе модъ, впослѣдствіи смѣнявшихся другими, есть явленіе, способное имѣть мѣсто въ весьма раннихъ и элементарныхъ культурахъ Эта неразсудительная измѣнчивость побужденій и дѣйствій сближаетъ дикаря съ ребенкомъ всѣхъ культуръ. Можетъ быть дозволительно для приблизительнаго рѣшенія этого вопроса обратиться къ процессамъ органическихъ рефлексовъ, свойственныхъ всему живому, какъ это приходится дѣлать для всей огромной области дѣйствій, чуждыхъ всякой разсудительности, но тѣмъ не менѣе не обусловливаемыхъ ни общественнымъ обычаемъ, ни индивидуальною привычкою

Рефлексы имѣютъ мѣсто во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, какъ индивидуальной такъ и коллективной. Но коллективные рефлексы могутъ получать болѣе или менѣе соціологическій характеръ смотря по своей прочности и по тому обстоятельству, на сколько они сознаны, какъ общіе всѣмъ особямъ, въ которыхъ они единовременно имѣютъ мѣсто. Съ этой точки зрѣнія, коллективные рефлексы представляютъ три группы, очень различныя по ихъ значенію.

Одни рефлексы остаются индивидуальными (какъ, напримѣръ, настроеніе и аплодисменты, вызванные ораторомъ или актеромъ, вниманіе, возбужденное какимъ-либо fait divers и т. под.), могутъ вовсе не повторяться и тогда не имѣютъ никакихъ культурныхъ послѣдствій. При другихъ условіяхъ рефлексы, съ одной стороны, пріобрѣтаютъ болѣе прочности, съ другой—вызываютъ болѣе сложный комплексъ дѣйствій, способный быть не только единовременнымъ для многихъ особей, но еще быть сознаннымъ, какъ коллективное дѣйствіе; эти рефлексы могутъ, по внушенію и по подражательности, распространиться на большее или меньшее число особей. Именно этимъ путемъ образуются разнообразныя моды на всѣхъ ступеняхъ культуры, а затѣмъ, въ историческое время, и модныя направленія работы мысли; къ этой-же группѣ рефлексовъ, при возбужденіи болѣе сильныхъ аффектовъ, принадлежатъ наблюдаемыя не разъ въ доисторическое время и въ исторіи, и только что упомянутыя, болѣе или менѣе обширныя проявленія коллективныхъ увлеченій толпы. Наконецъ, третья группа упомянутыхъ рефлексовъ, усвоивая при нѣкоторыхъ условіяхъ еще большую прочность, получаетъ уже опредѣленную соціологическую роль: она или вырабатывается въ неразсудительный инстинктъ, передается наслѣдственно и представляетъ огромную область *переживаній* культуры и установившагося обычая; или-же связывается—вѣрно или ошибочно—въ личностяхъ, пробужденныхъ къ исторической жизни, съ потребностью развитія, съ личными и общественными идеалами, и становится историческимъ двигателемъ для личности, для группы интеллигенціи или для цѣлаго общественнаго организма.

Оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ явленія подобнаго рода, которыя не оставляютъ за собою послѣдствій и, съ другой стороны, незначительное число тѣхъ изъ нихъ, которыя вырабатываются въ историческихъ двигателей, мы имѣемъ двѣ весьма обширныя области унаслѣдованныхъ *обычаевъ* и измѣняющихся *модъ*, одинаково восходящія къ доисторическимъ формамъ культуры, и одинаково представляющія цѣлые ряды переживаній. Если жизнь по обычаю представляетъ характеристическую черту человѣческихъ группъ, остающихся за предѣлами исторіи и какъ неисторическіе народы, и какъ пасынки цивилизаціи, и какъ дикари высшей культуры, то легкомысленное или просто безсмысленное перескакиванье отъ одной моды въ области формъ общежитія

къ другой, отъ одного эстетическаго вкуса къ другому, или даже отъ одного пріема философской мысли къ другому — особенно свойственно именно дикарямъ высшихъ культуръ. Забота о томъ, чтобы не отстать отъ другихъ во внезапномъ распространеніи моднаго покроя жилета, моднаго украшенія на шляпѣ, моднаго поклоненія прославленному романисту или маэстро — иногда, дѣйствительно, великимъ, хотя столь-же часто ничтожнымъ, — моднаго вольтеріанизма въ 1780 году или пессимизма и struggle-for-life'изма въ 1895 — представляютъ совершенно подобное-же явленіе въ новой европейской цивилизаціи, какое мы наблюдаемъ у папуасовъ при ихъ разнообразныхъ — не только по родовымъ группамъ, но и индивидуально — постройкахъ удивительныхъ формъ ихъ шевелюры, или у сибирскихъ шамановъ въ ихъ соперничествѣ въ области магическихъ пѣсенъ и пріемовъ.

Черты измѣнчивости у народовъ, переходящихъ отъ доисторическаго быта къ историческому подъ вліяніемъ чужестранныхъ культуръ и заимствованій изъ послѣднихъ, получаютъ иногда характеръ историческаго двигателя. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ историковъ, быстрая смѣна побужденій и настроеній въ средніе вѣка составляетъ едва-ли не основной мотивъ раздоровъ и непрочности феодальнаго строя, а эту смѣну приходится приписать сильному вліянію на культурныя явленія данной эпохи въ данной странѣ бо́льшаго или меньшаго переживанія въ той или другой сосѣдней нации античныхъ преданій, болѣе или менѣе прочнаго установленія въ этой нации церковнаго обычая, или-же большей или меньшей прочности въ ней доисторическаго строя жизни.

Въ процессѣ появленія и распространенія модъ можно даже замѣтить любопытное явленіе: выработку въ средѣ дикарей высшей культуры, и именно въ сферахъ, цѣликомъ относящихся къ переживаніямъ дикости, своего рода *иниціаторовъ модъ*. Едва-ли это явленіе не приходится объяснить слѣдующимъ образомъ: въ историческомъ обществѣ существуетъ интеллигенція, выработавшая въ себѣ не только стремленіе къ развитію, но и сознательный индивидуализмъ, склонность къ иниціативѣ; самое присутствіе этихъ цивилизующихъ иниціаторовъ оказываетъ неустранимое вліяніе на большинство культурныхъ дикарей, неспособныхъ ни создать себѣ развивающій идеалъ жизни, ни тѣмъ менѣе внести его въ свою дѣятельность; однако многіе изъ нихъ способны къ перемѣнчивости. Только что упомянутое вліяніе и оказывается въ томъ, что, въ средѣ большинства культурныхъ дикарей, вырабатываются постоянно личности, сознательно стремящіяся создавать изъ себя *модные типы* особей,

которыя дѣлаются иниціаторами модныхъ теченій и увлеченій. Одни создаютъ прическу, которая на цѣлый сезонъ господствуетъ на балахъ европейскихъ столицъ; другіе придумываютъ новый — болѣе или менѣе безсмысленный — терминъ бульварнаго жаргона или припѣвъ пошлой шансонетки, на слѣдующій годъ никому уже не интересный; третьи оказываютъ уже болѣе вредное вліяніе: ихъ „декадентство“ и черты „конца вѣка“, ими представляемыя, отражаются, какъ заразительная проказа больнаго общества, и въ искусствѣ, и въ философіи. Близорукіе цѣнители готовы приравнять этихъ творцовъ модныхъ типовъ культуры и мысли чуть-чуть не великимъ уяснителямъ развивающихъ идеаловъ, пониманія содержательной красоты и нравственнаго подвига. Но всѣ эти цари и царицы модъ, законодатели бульварнаго жаргона, прививатели проказы безсмыслія къ произведеніямъ художественной или объединяющей мысли носятъ на себѣ одну неизгладимую печать: формы жизни или мысли, восходящія къ ихъ иниціативѣ, всѣ безъ исключенія не имѣютъ ничего общаго съ задачами развитія и прогресса, ни въ смыслѣ расширенія и уясненія сознательныхъ процессовъ въ личности, ни въ смыслѣ расширенія и укрѣпленія солидарности между людьми. Иниціатива въ области модъ всегда обнаруживаетъ стремленіе противудѣйствовать здоровому развитію личности и общества, парализовать иниціативу историческихъ личностей и свести процессъ цивилизаціоннаго прогресса на процессъ безсмысленной смѣны формъ, не вышедшихъ изъ области культурной дикости. Прогрессивной интеллигенціи приходится бороться противъ вырожденія, вызываемаго *этою* формою переживанія доисторическаго періода, съ такимъ-же упорствомъ, съ какимъ она должна уменьшать число пасынковъ цивилизаціи и дикарей высшихъ культуръ путемъ пробужденія растущихъ поколѣній къ потребности развитія.

Обычай и мода составляютъ источники двухъ различныхъ переживающихъ психическихъ типовъ дикаря въ историческіе періоды. Но ихъ роль въ процессѣ переживаній вообще слишкомъ значительна, чтобы она не оставила слѣдовъ и въ интеллигенціи позднѣйшихъ періодовъ, подобно тому, какъ побужденіе солидарности на счетъ личнаго развитія и личнаго развитія на счетъ солидарности напоминаютъ о себѣ въ смѣняющихся эпохахъ попытокъ созданія новыхъ прочныхъ культуръ и эпохахъ переходныхъ. Именно въ однѣхъ обществахъ и нашихъ мы наблюдаемъ преобладаніе такихъ группъ интеллигенціи, которыя, разъ усвоивъ планъ дѣйствій и пріемовъ тактики въ виду развитія, потребность котораго ими руководитъ, склонны особенно-упорно держаться этого плана и этихъ пріемовъ, даже при ихъ устареніи, при чемъ тотъ

и другіе становятся для нихъ чѣмъ-то сходнымъ съ *обычаемъ*, не подлежащимъ критикѣ (таковъ нѣмецкій типъ современной интеллигенціи, даже и соціалистической) Въ другихъ-же обществахъ и націяхъ приходится констатировать, при каждомъ усвоенномъ фазисѣ борьбы за развитіе, стремленіе не столько выработывать возможно полнѣе всѣ пріемы борьбы возможные и удобные на этомъ фазисѣ, но какъ можно быстрѣе и энергичнѣе переходить къ новому фазису съ его новыми задачами, хотя-бы еще не имѣющими достаточно прочной почвы для своей правильной постановки, такъ что система пріемовъ борьбы за развитіе напоминаетъ до нѣкоторой степени систему *моды* у дикарей высшей культуры (таковъ французскій типъ интеллигенціи, опять таки наблюдаемый и въ средѣ соціалистическаго движенія). Оба типа могутъ представить и дѣйствительно представляютъ весьма полезные для историческаго прогресса элементы исторической интеллигенціи, пока они не подавляютъ работы критической мысли и не обращаются въ явленія патологическія

ГЛАВА IV

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПРОЯВЛЕНІЕ ТРЕХЪ ТИПОВЪ ПЕРЕЖИВАНІЯ ДИКОСТИ

Причины существованія неисторическихъ народовъ.—(Аналогичныя явленія у историческихъ народовъ)

Происхожденіе пасынковъ цивилизаціи.—(Свидѣтельства о ихъ существованіи).—Всеобщая исторія

Причины существованія дикарей высшей культуры. — Свидѣтельство объ ихъ существованіи и вліяніи въ древнѣйшихъ цивилизаціяхъ; въ эпоху пробужденія критической мысли; въ средніе вѣка, въ новой цивилизаціи.

Можетъ быть полезно остановиться на вопросѣ: какія причины вызвали въ дѣйствительности въ человѣчествѣ, уже выработавшемъ въ нѣкоторыхъ своихъ группахъ интеллигенцію, вступившую въ историческую жизнь, тѣ три типа переживанія дикости, о которыхъ было только что сказано? и на основаніи какихъ прямыхъ свидѣтельствъ памятниковъ, или какихъ выводовъ изъ безспорныхъ данныхъ мы можемъ утверждать существованіе дикарей того или другого типа рядомъ съ группами развивающейся и развивающей интеллигенціи?

Причиною существованія цѣлыхъ неисторическихъ народовъ или въ данной странѣ сплошныхъ группъ населенія, живущихъ неисторическою жизнью, въ то время, какъ у сосѣдей или въ другихъ болѣе или менѣе сплошныхъ группахъ историческая жизнь уже началась, является прежде всего или географическое разобщеніе народовъ или разоб-

щеніе культурныхъ кастъ и классовъ, принадлежащихъ одной и той-же націи, но болѣе или менѣе чуждыхъ другъ другу на основаніи существующаго обычая Такъ во всѣ эпохи, когда техника сношеній между группами людей стояла на сравнительно-низкой ступени, на близкихъ между собою островахъ или на островахъ, близкихъ отъ материка, и на этихъ материкахъ могли существовать племена, стоявшія на очень различныхъ ступеняхъ культуры, слѣдовательно и племена, вполнѣ дикія, хотя и сосѣдствовавшія съ болѣе или менѣе далеко ушедшими впередъ центрами цивилизаціи. На большихъ островахъ Малайскаго архипелага, на Формозѣ, на обоихъ полуостровахъ Индостана, предъ нами, рядомъ съ народами, вошедшими въ комплексъ историческихъ цивилизацій, встрѣчались и встрѣчаются племена (особенно горцы), отрѣзанныя обычаемъ — источникомъ враждебности — отъ своихъ цивилизованныхъ сосѣдей. Совершенно подобное-же обособленіе представляютъ колоніи нынѣшнихъ европейцевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ частяхъ свѣта среди туземцевъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени культуры. Тамъ, гдѣ кастовой обычай провелъ болѣе или менѣе неизгладимую черту между разными частями населенія, живущаго вмѣстѣ, вырабатывается сходное съ предыдущимъ обособленіе, совершенно независимое отъ непосредственно-экономическаго давленія однихъ на другихъ, или отъ отсутствія у однихъ психической воспріимчивости къ началамъ цивилизаціи, воспринятымъ другими. Всюду здѣсь передъ нами разобщеніе по существующему обычаю между двумя сплошными группами людей, каждая изъ которыхъ допускаетъ въ особяхъ, ее составляющихъ, весьма различныя экономическія условія жизни и психическія наклонности. Всюду здѣсь дѣятельность интеллигенціи ограничивается лишь немногими центрами общественнаго (въ особенности государственнаго) цѣлаго или исключительными кастами, такъ что коллективный организмъ, въ его цѣломъ, представляетъ какъ-бы колоніи личностей, болѣе или менѣе затронутыхъ исторической жизнью, среди гораздо болѣе значительнаго населенія, въ составъ котораго входятъ элементы, живущіе при весьма различныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ, но всѣ одинаково вовсе не затронутые или затронутые въ очень слабой степени потребностью развитія и общественными процессами, вызываемыми этою потребностью.

Нѣсколько подобное отношеніе представляли, вѣроятно, касты брах-

мановъ среди населенія древнихъ индусовъ, точно такъ-же группы жреческаго сословія въ Египтѣ стояли рядомъ съ безграмотными массами, къ которымъ принадлежали не только безправные феллахи, но и придворные фараоновъ, то-же можно сказать о сельскомъ населеніи Аркадіи и самой Аттики даже въ лучшую эпоху Греціи; о нѣкоторыхъ аббатствахъ или о какихъ-либо вполнѣ исключительныхъ центрахъ цивилизаціонныхъ стремленій въ средневѣковой Европѣ; еще болѣе исключительные образчики сознательныхъ начетчиковъ, вдумывавшихся въ то, что они читали, представила Московская Русь и т. под Нынѣшнія поселенія европейскихъ колонизаторовъ среди неисторическихъ племенъ представляютъ уже особенности во первыхъ, представители европейской культуры имѣютъ большею частью предъ собою не только неисторическія племена, но еще группы, усвоившія элементы иныхъ, болѣе слабыхъ, но все-таки историческихъ цивилизацій, во вторыхъ, сами европейцы-колонизаторы разныхъ націй суть при этомъ въ очень небольшемъ числѣ инціаторы развитія, а, въ большинствѣ, культурные дикари иныхъ формъ культуры.

Всѣ эти центры цивилизаціи были какъ бы уединенными островами среди массы населенія, которое не имѣло ничего общаго съ историческою жизнью, совершенно независимо отъ экономическихъ и юридическихъ условій быта разныхъ элементовъ этого населенія

Уже въ области борьбы между болѣе или менѣе ясносознанными интересами (преимущественно экономическими) приходится искать причины происхожденія втораго, упомянутаго выше, типа дикаря, именно *пасынковъ цивилизаціи*. У нихъ отсутствіе участія въ исторической жизни обусловлено вполнѣ опредѣленно въ большинствѣ случаевъ печальными экономическими условіями ихъ существованія и эксплуатаціей ихъ труда господствующими классами, иногда-же и юридическими мѣрами, воспрещавшими ихъ участіе въ элементахъ цивилизаціи Большею частью эта форма переживанія доисторическаго человѣчества въ средѣ историческихъ цивилизацій обнаруживается отсутствіемъ правильнаго удовлетворенія самыхъ основныхъ потребностей личности Неправильное питаніе, жалкое жилище, грубая одежда, отсутствіе самыхъ элементарныхъ условій комфорта жизни, отсутствіе возможности выработать въ особи нормальную аффективную жизнь, нормальное влеченіе къ эстетическимъ наслажденіямъ, отсутствіе досуга для пробужденія потребностей развитія при непосильной работѣ—все это сближало и сближаетъ не только доисторическаго человѣка, но и огромное обездоленное большинство эксплуатируемаго населенія во всѣ минувшіе историческіе періоды до нашего времени съ современными дикарями низшей культуры.

Въ рисункахъ на стѣнахъ великолѣпныхъ египетскихъ построекъ мы видимъ, какъ пасынки цивилизаціи фараоновъ подъ палкою надсмотрщиковъ тащатъ на своихъ плечахъ каменные колоссы для построекъ, гро-

мадность которыхъ удивляетъ современнаго ученаго техника, и тѣ-же самыя переживанія дикости представляетъ и должно было представлять эксплуатируемое населеніе, которое ютилось въ хижинахъ и мазанкахъ около дворцовъ Навуходоносоровъ, около храмовъ Индостана, около укрѣпленныхъ сокровищницъ микенскаго періода, гдѣ хранились золотыя украшенія царей догомеровской эпохи Подъ изящной цивилизаціей небольшаго числа аоинскихъ гражданъ, восхищавшихся стихами Софокла и діалектикою Сократа, и около тріумфаторовъ, которые везли въ Капитолій добычу, награбленную у всѣхъ народовъ тогдашняго цивилизованнаго міра, свидѣтельства современниковъ указываютъ намъ переживаніе первобытной дикости среди рабовъ, работавшихъ въ государственныхъ рудникахъ и каменоломняхъ, для того, чтобы Платоны имѣли досугъ создавать царство идей, Архимеды — открывать истины механики; и позже, среди рабовъ, прикованныхъ въ римскихъ эргастулахъ, и предоставленныхъ, какъ вещь, произволу гражданъ Рима, которые вырабатывали систематическое право—„писанный разумъ“ Сосуществованіе довольно жалкой цивилизаціи немногихъ и переживанія въ массахъ культуры, лишенной всякаго комфорта, представляется уже менѣе противурѣчивымъ среди закрѣпощеннаго населенія земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ Средніе Вѣка, когда воздвигались романскіе и готическіе соборы, и въ этихъ соборахъ съ каѳедръ проповѣдывалось ученіе Сына Божія, будто-бы провозгласившаго братство всѣхъ людей Подобныхъ-же пасынковъ цивилизаціи, обреченныхъ на культуру дикарей, рисовали Лабрюйеры во Франціи въ то время, когда по аллеямъ Версальскаго парка гуляли „толпы напудренныхъ маркизъ“, когда Расинъ создавалъ влюбленныхъ Ахиллесовъ, а Декартъ, Спиноза и Локкъ вырабатывали философію новаго времени Во имя борьбы съ этими возмутительными переживаніями дикости среди эксплуатируемыхъ классовъ населенія получаетъ революціонную форму протестъ „просвѣтителей“ XVIII-го вѣка Однако бури конца этого вѣка, расшатавшія въ нѣкоторыхъ странахъ юридическую форму этихъ переживаній, не только не уничтожили въ XIX-омъ вѣкѣ ихъ форму экономическую, но, напротивъ, создали тотъ „свободный“ пролетаріатъ, который сдѣлался въ наше время почвою соціалистическаго движенія И цѣлая громадная литература чуть-ли не во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра рисуетъ передъ нами многочисленное населеніе эксплуатируемыхъ и обездоленныхъ массъ, обреченныхъ на условія жизни, не допускающія для нихъ пробужденія потребности развитія и наслажденія имъ Это — „печерные люди“, это — „золоторотцы“ центровъ торговли на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, это—граждане столицъ передовыхъ странъ западной Европы, живущіе въ трущобахъ, „недостойныхъ названія человѣческихъ жилищъ“, это — личности, поглощенныя отупляющимъ трудомъ по 14 и по 16 часовъ въ сутки, и при всемъ этомъ обреченныя на „хроническое голоданіе“ Это, наконецъ, въ Россіи огромное большинство деревенскаго населенія, еще недавно состоявшее въ значительной долѣ изъ крѣпостныхъ, оставленное и помѣщикомъ-крѣпостникомъ, и духовными учителями — единственными *возможными* учителями русскаго народа въ продолженіе десяти вѣковъ — безъ школъ, безъ грамоты, безъ всякаго даже элементарнаго побужденія къ развитію и къ исторической жизни

Переживанія этого рода, свидѣтельствующія о дикости въ странахъ высшей культуры, такъ многочисленны, что историкъ мысли человѣчества со стыдомъ долженъ сознаться

что онъ пишетъ лишь исторію незначительнаго меньшинства людей, которымъ выгодныя и исключительныя условія позволили пробудиться къ наслажденію развитіемъ и къ работѣ надъ нимъ, тогда какъ „всеобщая исторія", охватывающая, дѣйствительно, всѣ человѣческія особи, *не можетъ* даже быть, собственно, исторіей, а представляетъ едва-ли не сплошь лишь разсказъ о смѣнѣ культуръ, ничѣмъ не выше стоящій описанія нравовъ муравьевъ или кротовъ; и это не потому, что человѣчество въ его большинствѣ не обладаетъ способностью къ исторической жизни, но лишь потому, что господствующее меньшинство, въ виду эксплуатаціи чужаго труда въ свою пользу, употребляло постоянно (сознательно или безсознательно) всевозможныя усилія для того, чтобы трудящееся большинство оставалось на той ступени дикости, которая обусловлена его ролью *пасынковъ цивилизаціи*

Причиною существованія въ обществѣ, которое, въ своемъ цѣломъ, жило и живетъ историческою жизнью, весьма многочисленныхъ особей, принадлежащихъ къ *дикарямъ высшей культуры*, можно почти безспорно считать именно только что указанныя явленія разобщенія между кастами и сословіями, вызванныя *обычаемъ* и осужденія большинства эксплуатируемаго населенія на роль *пасынковъ цивилизаціи*. Забота объ охраненіи этого обычнаго разобщенія и о предупрежденіи всякой попытки со стороны эксплуатируемаго населенія выйти изъ положенія пасынковъ цивилизаціи почти неизбѣжно парализовала въ особяхъ господствующихъ классовъ психическую возможность наслаждаться развитіемъ и чувствовать его потребность, слѣдовательно и войти въ составъ исторической интеллигенціи. Люди, которые находились въ условіяхъ, допускавшихъ досугъ, не препятствовавшихъ наслажденію развитіемъ, не только могли оставаться чуждыми этому наслажденію и не вырабатывать въ себѣ потребность въ немъ, но, подъ вліяніемъ среды, гдѣ эта потребность и это наслажденіе отсутствовали въ большинствѣ, почти неизбѣжно вырабатывали и сами въ себѣ пренебреженіе къ нимъ и склонность противудѣйствовать ихъ появленію, усиленію и внесенію ихъ въ личную и въ коллективную жизнь.

Для древнѣйшихъ формъ исторической жизни труднѣе установить существованіе этого третьяго типа дикарей въ средѣ цивилизаціи, такъ какъ памятники доставляютъ намъ лишь общія черты культуры, продуктами которой пользуется и интеллигенція, создающая исторію, пользуются и ди-

кари того типа, который имѣется въ виду здѣсь, и образцы котораго приводятся выше*). Сохранились отъ этого времени преимущественно тѣ продукты мысли, которые наиболѣе характеризуютъ интеллигенцію, да и тѣ въ числѣ сравнительно небольшомъ, такъ что многочисленныя поколѣнія дикарей высшей культуры разныхъ эпохъ сходили со сцены, не оставивъ слѣдовъ своего существованія. Однако о ихъ вліяніи позволительно заключить съ достаточною вѣроятностью на слѣдующихъ основаніяхъ. Во первыхъ, цивилизаціи перваго историческаго слоя (въ древнемъ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ древнемъ Индостанѣ, въ Китаѣ, въ догреческомъ періодѣ Рима и т. под.) оставили намъ не только очевидные продукты значительной работы философской и въ особенности эстетической мысли. Рядомъ съ этими продуктами дѣятельности интеллигенціи того времени мы имѣемъ весьма значительныя и достовѣрныя свидѣтельства о совсѣмъ иныхъ формахъ личной и общественной жизни. Эти формы (преимущественно въ области переживанія колдовства и фетишизма, въ грубости и жестокости нравовъ и т. под.) трудно себѣ объяснить иначе, какъ существованіемъ неосмысленнаго обычая, противъ котораго и передовая мысль исторической интеллигенціи не въ состояніи была бороться. При безцеремонномъ распоряженіи господствующихъ классовъ силами массъ въ этотъ періодъ, переживаніе подобныхъ формъ могло имѣть мѣсто лишь при томъ условіи, что господствующіе классы въ этихъ обществахъ заключали въ себѣ лишь малое число интеллигенціи, но, напротивъ, состояли преимущественно изъ дикарей высшей культуры, которые пользовались ея продуктами, вносили въ обиходъ этой жизни эти продукты, но въ сущности оставались чуждыми исторической жизни и ея вліяніямъ.

То-же самое заключеніе приходится сдѣлать и для періода пробужденія критической мысли и ея дѣятельности въ смыслѣ выработки науки, научной философіи, представленія объ универсализмѣ и раціональной нравственности, именно для періода греческой цивилизаціи и распространенія вліянія эллинизма на римскую культуру и на восточные народы. Это заключеніе распространяется и на группу семитовъ, которая выработала пророковъ Палестины; но всѣмъ существующимъ даннымъ, огромное большинство даже высшаго слоя племени осталось глухимъ и къ той, не особенно зна-

*) См. выше, стр. 9 и сл

чительной долѣ критической мысли (въ ея приложеніяхъ къ личной и коллективной нравственности), которую мы встрѣчаемъ въ лучшихъ произведеніяхъ пророковъ. Еще болѣе убѣдительное указаніе на существованіе въ періоды античной критической мысли преобладающаго большинства дикарей высшей культуры доставляютъ намъ слѣдующіе факты: мы имѣемъ передъ собою цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній въ области искуства, философіи, науки, безспорно свидѣтельствующихъ о присутствіи интеллигенціи дѣятельной и далеко ушедшей въ работѣ разныхъ отраслей мысли. Тогда выработались личности, свѣдѣнія о жизни которыхъ, какъ ни отрывочны, однако достаточны, чтобы утверждать ихъ принадлежность къ подобной интеллигенціи. Однако, вслѣдъ затѣмъ, мы видимъ не только общее съуженіе области работъ критической мысли, но прямое пониженіе ея уровня, при преобладаніи мысли мистической и даже доисторическаго шаманства и анимизма, что окончательно ведетъ къ смѣнѣ періода античной критической мысли несравненно болѣе отсталою въ цѣломъ комплексѣ ея работъ мыслью средневѣковою. Эта всеобщая катастрофа въ ходѣ цивилизаціи была-бы невозможна, если-бы поколѣнія, давшія Демокритовъ и Эпикуровъ, Евклидовъ, Архимедовъ и Гипарховъ, Софокловъ и Лукреціевъ, Тацитовъ, Эпиктетовъ или хотя-бы Боэціевъ и т. под — не заключали въ своей средѣ преобладающаго количества дикарей высшей культуры, существовавшихъ при развитіи античной философіи, античной науки, античной нравственности, но, по сущности своихъ привычекъ мысли и жизни, нисколько не затронутыхъ критическими пріемами, усвоенными передовою интеллигенціею. Лишь это обстоятельство можетъ служить объясненіемъ факту, что одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей фольк-лора могъ сказать о древней Греціи: „Ни одинъ народъ не обнаружилъ болѣе тонкой критической мысли, какъ древніе греки; тѣмъ не менѣе ни одинъ народъ не оставилъ и болѣе нелѣпыхъ разсказовъ о своихъ божествахъ и не имѣлъ болѣе безсмысленныхъ обычаевъ, чѣмъ они; и это даже въ эпоху, когда они создавали свои самыя образцовыя скульптурныя произведенія и свои самыя изящныя продукты поэзіи“.

Для среднихъ вѣковъ уже не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ мы имѣемъ достаточный матеріалъ какъ относительно продуктовъ мысли этого періода, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ на общество, такъ и относительно тѣхъ

продуктовъ ея, въ которыхъ можно признать слѣды борьбы за критическіе пріемы мысли и за осмысленное пониманіе задачъ жизни. Послѣднія оказываются эпизодическими и исключительными явленіями и даже въ тѣхъ памятникахъ, которые нельзя не отнести къ этой области, мы почти безъ исключенія открываемъ элементы, восходящіе къ доисторическимъ пріемамъ мышленія, къ неосмысленному обычаю, къ низшимъ эстетическимъ вкусамъ и наслажденіямъ, къ элементарнымъ правиламъ поведенія, едва-ли не вовсе чуждымъ критическимъ пріемамъ нравственности. Преобладаніе обрядовъ и колдовства въ религіозной мысли этого времени (привлекавшей тогда въ свою область наиболѣе многочисленныя и лучшія индивидуальныя силы), преобладаніе некритическаго мышленія даже у передовыхъ личностей, весьма низкая ступень эстетическаго творчества, какъ въ отношеніи формы, такъ и въ отношеніи идейнаго содержанія — позволяютъ заключить, что средневѣковой міръ представляетъ только что не сплошное общество дикарей высшей культуры, въ средѣ которыхъ самыя развитыя и энергическія личности составляли крайне-рѣдкое исключеніе, да и то лишь въ нѣкоторыхъ, не особенно обширныхъ доляхъ своей дѣятельности Эти немногія проявленія исторической жизни такъ необычны, что историку мысли чаще представляется затрудненіе въ объясненіи факта, какимъ образомъ эти проявленія имѣли мѣсто, чѣмъ въ пониманіи того, почему они были такъ рѣдки

Для новой цивилизаціи матеріалъ еще богаче. Здѣсь встрѣчается изслѣдователю затрудненіе другаго рода. Дикари высшей культуры новаго времени представляютъ еще особенный слой этой культуры, который приходится отличать отъ особей, принадлежащихъ по жизни и по мысли цѣликомъ къ доисторическому періоду или къ періоду обособленныхъ цивилизацій, гдѣ мы находимъ лишь особые зародыши критической мысли. Дикари высшей культуры новаго времени внесли въ свой жизненный обиходъ и философскую терминологію періода универсалистическихъ религій, и школьную терминологію продуктовъ науки; однако эта усвоенная и практикуемая ими терминологія въ ихъ работѣ мысли играетъ нисколько не болѣе развивающую роль, чѣмъ знаніе всѣхъ словъ, интонацій и ритуальныхъ дѣйствій заклинанія у колдуна-негра, или чѣмъ виртуозность въ области жаргона бульвардьеровъ и въ царствѣ модныхъ шляпъ и покроя жилетовъ или юбокъ у царей и царицъ модъ въ европей-

скихъ столицахъ. Литература и театральныя представленія, имѣющія наибольшій успѣхъ, прославленные (хотя и мало читаемые) труды нѣкоторыхъ ученыхъ академиковъ и профессоровъ, философовъ и въ особенности богослововъ, рутинная и деморализующая дѣятельность большинства государственныхъ дѣятелей, руководящихъ судьбами народовъ, многочисленные типы и даже цѣлые слои особей, которыя, имѣя полную возможность пользоваться для своего развитія всѣми источниками высшей цивилизаціи, поражаютъ наблюдателя проявленіями физическаго и умственнаго вырожденія и полнымъ безсмыслiемъ своей жизни — все это дѣлаетъ столь очевиднымъ присутствіе въ современномъ обществѣ — именно въ господствующихъ его классахъ — громаднаго числа дикарей высшей культуры, что на этомъ нѣтъ основанія даже останавливаться.

Такимъ образомъ во всѣ историческіе періоды приходится или предполагать со значительною вѣроятностью или даже совершенно опредѣленно констатировать существованіе, рядомъ съ небольшимъ меньшинствомъ интеллигенціи, и преобладающаго большинства личностей, продолжающихъ жить въ доисторическомъ періодѣ эволюціи человѣка. На интеллигентномъ меньшинствѣ лежала обязанность распространить около себя сферу проявленія жизни исторической. Но предоставленная исключительно собственнымъ силамъ, интеллигенція, по своей малочисленности, едва-ли имѣла-бы возможность исполнить это дѣло. Ей до извѣстной степени помогали процессы работы мысли — особенно мысли технической и творчества общественныхъ формъ—неизбѣжно совершавшіеся какъ-бы автоматически, подъ вліяніемъ культурнаго обычая. Они неизбѣжно пробуждали и въ средѣ пасынковъ цивилизаціи, и въ средѣ дикарей высшей культуры, хотя-бы отчасти и весьма смутно, потребность развитія. Въ этихъ неисторическихъ средахъ появились особи, которыя представляли переходъ къ интеллигенціи, доставляли ей помощниковъ и невольныхъ союзниковъ, и служили удобною почвою для расширенія области дѣятельности интеллигенціи каждаго періода, расширенія, безъ котораго охраненіе элементовъ жизни исторической было-бы едва-ли возможно.

ГЛАВА V

ПРЕОБЛАДАНІЕ И РАЗВИТІЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ТЕХНИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ.

—

Техника и общественныя формы — (Способы удовлетворенія другихъ потребностей) — Жизненные элементы.—Земледѣліе и металлургія.—Причины явленій въ этой области.—Другія отрасли производства.
Обмѣнъ и торговля.

—

Рядомъ съ указанными переживаніями общихъ характеристическихъ чертъ доисторическаго періода, и въ частностяхъ культуры народовъ историческаго времени можно отмѣтить нѣкоторыя болѣе частныя переживанія. Мы въ этой главѣ остановимся лишь на тѣхъ, которыя относятся къ области техническихъ успѣховъ и къ явленіямъ экономической жизни.

Мы оставимъ въ сторонѣ тѣ явленія, которыя относятся къ способамъ удовлетворенія другихъ основныхъ потребностей человѣка по слѣдующимъ причинамъ. Половыя влеченія, заботы о молоди и склонность къ общежитію представляютъ въ значительной мѣрѣ явленія повторяющіяся, а не эволюціонныя, и относятся, поэтому, въ большей части случаевъ, гдѣ эти потребности обнаруживаются, скорѣе къ *жизненнымъ элементамъ* культуры, а не къ переживаніямъ. Переживанія въ области потребности нервнаго возбужденія удобнѣе разсмотрѣть ниже, вмѣстѣ съ спеціальными формами проявленія этой потребности Что касается до обширной области политическихъ формъ и явленій, выростающихъ изъ потребности охраны личной и коллективной безопасности, то относящіяся сюда явленія доисторическаго періода, наблюдаемыя и позже, особенно въ древнѣйшій историческій періодъ, составляютъ настолько жизненный элементъ государственной жизни этого періода, а позже эти

переживанія настолько тѣсно переплетаются съ переживаніями періода обособленныхъ цивилизацій и проявляются настолько чаще въ этой послѣдней формѣ, что почти невозможно безъ натяжки выдѣлить первый элементъ изъ позднѣйшихъ комбинацій

Культурныя переживанія въ области потребностей, обусловливающихъ разростаніе и видоизмѣненія экономической жизни народовъ, получаютъ для изслѣдователя тѣмъ большій интересъ, что экономическія явленія составляютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ основу, на которой и въ зависимости отъ которой развиваются всѣ остальныя Конечно, и тутъ весьма многое, что́ мы наблюдаемъ какъ въ доисторическій, такъ и въ историческіе періоды, приходится отнести не къ переживаніямъ, а къ жизненнымъ элементамъ того или другаго періода Таковы: значеніе рынковъ для распредѣленія и передвиженія населенія, выработка ростовщическаго и торговаго капитала, переходъ власти къ тѣмъ группамъ личностей, которымъ событія историческаго процесса благопріятствовали въ направленіи скопленія въ ихъ рукахъ имуществъ (сначала въ формѣ обладанія стадами и землей, позже въ формѣ перехода чрезъ ихъ руки товаровъ и мѣновыхъ знаковъ) и т. под. Однако трудно уже отнести къ жизненнымъ элементамъ историческихъ періодовъ остановку многихъ отсталыхъ формъ производства на доисторической ступени, когда, рядомъ съ этимъ, мы имѣемъ нѣкоторыя другія отрасли производства, достигающія значительныхъ успѣховъ даже въ эпохи, дозволяющія колебаться, при рѣшеніи вопроса, имѣемъ-ли мы дѣло съ историческимъ или съ доисторическимъ обществомъ. Едва-ли не самый характеристическій примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи сравненіе техники земледѣлія и металлургіи.

Наблюденія современныхъ неисторическихъ народовъ съ одной стороны, съ другой рисунки на египетскихъ памятникахъ, свидѣтельства писателей эпохи процвѣтанія античной греко-римской цивилизаціи, безспорныя и многочисленныя данныя, относящіяся ко всему продолженію среднихъ вѣковъ, прямыя наблюденія среди народовъ новой Европы, указываютъ, во первыхъ, что къ доисторическому періоду восходятъ всѣ главныя и самыя существенныя пріобрѣтенія земледѣльческой техники (едва-ли даже не до изобрѣтенія искуственнаго орошенія); во вторыхъ-же, на то обстоятельство, что, усвоивъ эти доисторическія пріобрѣтенія, въ огромномъ большинствѣ населенія цивилизованныхъ странъ всѣхъ періодовъ, земледѣлецъ оставался, въ области техническаго

производства, при самыхъ первобытныхъ пріемахъ, или-же усовершенствованіе этихъ пріемовъ и орудій, для нихъ необходимыхъ, шло крайне медленно Хотя уже въ эпоху Гезіода мы встрѣчаемъ довольно-сложныя орудія для вспахиванія земли, и о „плугѣ“ упоминается въ „Русской Правдѣ“, но еще въ 1572 г совѣты улучшить это доисторическое орудіе не встрѣчали сочувствія въ Западной Европѣ; Герберштейнъ сообщаетъ о волненіи въ населеніи при административной попыткѣ замѣнить деревянную соху желѣзнымъ плугомъ; лишь въ концѣ XVIII-го вѣка мысль ученыхъ техниковъ направилась на усовершенствованіе плуга, и еще не мало мѣстностей, гдѣ лопата и соха остались до новѣйшаго времени главными орудіями земледѣльческаго труда. Трехпольное хозяйство возводится въ новой Европѣ лишь ко времени каролинговъ. Позднѣйшая-же, еще болѣе усовершенствованная техника въ земледѣліи, есть дѣло лишь самого послѣдняго времени.

Совершенно иное мы встрѣчаемъ въ области металлургіи. Горное дѣло составляло важную отрасль государственнаго хозяйства въ первыхъ-же древнихъ обособленныхъ державахъ. Обработка металловъ, особенно драгоцѣнныхъ, является раннею заботою народовъ на низшихъ ступеняхъ обособленной цивилизаціи. Въ сокровищницахъ крѣпостей періода такъ называемой „микенской“ цивилизаціи мы находимъ безспорныя доказательства, что эта обработка достигла весьма значительныхъ успѣховъ, а еще очень сомнительно, слѣдуетъ-ли отнести эту древнюю культуру опредѣленнаго типа къ историческому времени. Разсказы о волшебномъ оружіи, которое олимпійцы дарили миѳическимъ героямъ, о продуктахъ миѳической индустріи Гефеста и циклоповъ указываютъ въ томъ-же направленіи. Обработка желѣзныхъ издѣлій сдѣлала замѣчательные успѣхи и среди мелкихъ негритянскихъ племенъ Африки. По всѣмъ даннымъ работы государственныхъ рабовъ Греціи въ рудникахъ производились пріемами, отъ которыхъ недалеко ушли подобныя-же работы тому около столѣтія до открытія новыхъ могучихъ двигателей. Экономическую-же роль горнаго дѣла (включая сюда и добываніе соли), какъ въ подготовленіи союзовъ одного ремесла, такъ и въ подготовленіи капиталистическаго строя, приходилось изслѣдователямъ отмѣтить уже при изученіи экономической жизни среднихъ вѣковъ. На сколько можно сказать, что въ техникѣ земледѣлія мы встрѣчаемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ переживаніе доисторическихъ

пріемовъ обработки земли, на столько-же можно утверждать, что изготовленіе металлическихъ издѣлій постоянно держалось на уровнѣ высшихъ пріемовъ техники каждой эпохи и, какъ экономическій двигатель, занимало въ общественномъ строѣ высшую роль, которую дозволяла ему взять на себя общая комбинація соціальныхъ условій въ эту эпоху.

Объясненія этому различію въ двухъ отрасляхъ производства, повидимому, не особенно затруднительны.

Металлы сразу, при открытіи ихъ обработки, доставили господствующему меньшинству и монополію оружія, далеко превосходившаго деревянное, каменное и роговое оружіе большинства, и средства для украшенія жизни (въ одеждѣ, въ жилищѣ, въ обстановкѣ вообще), которыя, при переживаніи доисторическихъ процессовъ въ области психическихъ явленій, возвышали достоинство личности господствующаго класса и выдѣляли ее изъ подчиненной массы. Долгое время собственно движимое богатство состояло въ обладаніи предметами изъ болѣе драгоцѣнныхъ металловъ и хорошимъ оружіемъ изъ менѣе драгоцѣнныхъ, показныя-же стороны богатства требовали сперва найбольшей массивности, а затѣмъ и наиболѣе изящной формы для этихъ драгоцѣнностей и для этого оружія. Поэтому, техническая мысль, подъ вліяніемъ спроса на хорошія металлическія издѣлія со стороны господствующихъ (т. е. состоятельныхъ) классовъ, все время направлялась на эту технику и на улучшенія этого производства во всѣхъ отношеніяхъ. Когда золото и серебро обратились въ исключительные мѣновые знаки, сохраняя при этомъ свою собственную цѣнность, это экономическое явленіе вызвало еще новое умственное упражненіе, опять-таки принадлежащее къ высшимъ процессамъ работы мысли даннаго времени. Научная мысль, въ томъ состояніи, до котораго она тогда достигла, занялась вопросомъ объ искусственномъ полученіи драгоцѣнныхъ металловъ, сначала (въ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ греческомъ мірѣ) соединяя магическіе пріемы съ опытными, впослѣдствіи вырабатывая чисто-эмпирическую технику алхимиковъ конца среднихъ вѣковъ, эпохи возрожденія и начала новой цивилизаціи. Въ посдѣднія эпохи этой эволюціи то-же экономическое явленіе вызвало и другую отрасль работы критической мысли; именно теорію меркантилизма, пытавшуюся построить систему государственныхъ мѣръ и законодательствъ на фактѣ, считавшимся очевиднымъ, что богатство страны заключается въ томъ, чтобы ея правительство обладало наибольшимъ возмож-

нымъ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ Постоянно-высокое въ каждой эпохѣ положеніе металлургіи и постоянно-дѣятельная работа мысли въ направленіи къ расширенію пониманія роли металловъ въ культурной обстановкѣ жизни, ихъ роли въ составѣ вещественнаго міра и въ функціяхъ общественнаго строя, обусловливались тѣмъ, что общество, во всѣ періоды его эволюціи, состояло, какъ уже указано передъ этимъ, изъ меньшинства, эксплуатировавшаго пасынковъ цивилизаціи въ свою пользу, и тѣмъ, что это меньшинство находило свой, все болѣе сознанный имъ, интересъ въ работѣ мысли надъ улучшеніемъ металлургическаго дѣла и надъ лучшимъ пониманіемъ основъ этой техники.

Земледѣліе, напротивъ, до самого послѣдняго времени представляло господствующимъ классамъ интересъ преимущественно по его экстенсивности, но вовсе не по улучшенію его техническихъ пріемовъ. — Оно служило основой существованія обществъ, но скорѣе ставило господствующіе классы, имъ не занимавшіеся, въ зависимость отъ большинства, состоявшаго изъ земледѣльцевъ, чѣмъ давало непосредственное средство первымъ господствовать надъ вторыми (подобно металлическому оружію) -Оно не давало никакой пищи показной сторонѣ индивидуальнаго достоинства господствующей личности Напротивъ, какъ занятіе, почти исключительно усвоенное бѣдняку или рабу, оно вызывало склонность направлять работу мысли (какъ технической, такъ и теоретической) на что-угодно иное, только не на технику земледѣлія Люди, имѣвшіе досугъ мыслить, изобрѣтать и вырабатывать пониманіе явленій внѣшняго міра и человѣческаго общества, и не придавали работѣ своей мысли этого направленія Земледѣлецъ — пасынокъ цивилизаціи—кормилъ своимъ трудомъ и жрецовъ Египта или Халдеи, и философовъ или геометровъ Греціи, и богослововъ, ломавшихъ головы надъ тонкостями схоластики, и строителей готическихъ соборовъ, и мореплавателей Генуи и Ганзы, и открывателей Америки, и отыскивателей философскаго камня, и создателей дифференціальнаго исчисленія, и основателей обширныхъ мануфактуръ Англіи, Франціи или Фландріи, — но ничто въ работахъ и въ общественныхъ заботахъ этой высшей интеллигенціи смѣняющихся періодовъ исторіи не побуждало земледѣльца не оставаться, въ большинствѣ случаевъ, при формѣ земледѣльческихъ орудій, представлявшихъ переживанія допсторической технической культуры. Крупное землевладѣніе, игравшее такую вліятельную эконо-

мическую и политическую роль въ эпоху каролинговъ и при подготовленіи феодальнаго строя въ Западной Европѣ, расширило область земледѣльческой обработки почвы, но не имѣло повода сдѣлать эту обработку болѣе интенсивною и, слѣдовательно, перевести ее на высшую ступень техники Развитіе фермерства вызвало кое-гдѣ нѣкоторое улучшеніе этой техники Но лишь тогда, когда машинное производство и успѣхи индустріи въ другихъ отрасляхъ открыли глаза капиталистамъ на возможность извлечь *свою* выгоду изъ приложенія научной мысли къ техникѣ земледѣлія, лишь тогда кое-гдѣ земледѣліе отряхнуло съ себя на столько традиціи доисторическихъ пріемовъ, что въ настоящее время можно предвидѣть для недалекаго будущаго такое-же измѣненіе его пріемовъ, которое теперь противуположили нынѣшнія громадныя прядильныя фабрики древнему веретену Однако, и при необходимомъ направленіи капиталистическаго предпринимательства въ наше время и на сельское хозяйство, въ нынѣшнихъ формахъ этого предпринимательства остались слѣды существеннаго противуположенія земледѣлія, какъ промысла бѣднаго большинства, тѣмъ отраслямъ индустріи, въ которыхъ (какъ особенно въ горномъ производствѣ и въ металлургіи) всего успѣшнѣе проявляется и стремленіе капитала къ увеличенію прибыли предпринимателя, и невольное сплоченіе капиталомъ рабочихъ въ союзы, вызывающіе классовое сознаніе послѣднихъ. Земледѣліе, напротивъ, остается и въ капиталистическій періодъ отраслью производства, антагонистическою капиталистическому хозяйству вообще Карлъ Марксъ могъ сказать: „Чуждой силою и препятствіемъ, при затратахъ капитала на землю, является земельная собственность, или противъ капиталиста выступаетъ землевладѣлецъ. Землевладѣніе оказывается при этомъ препятствіемъ, которое не допускаетъ никакой новой затраты капитала на земляхъ, до сихъ поръ не воздѣланныхъ или не сданныхъ въ аренду, безъ того, чтобы не взыскать дань, т. е не потребовать ренту... Оно (употребленіе денежнаго капитала на покупку земли) противурѣчитъ въ дѣйствительности капиталистическому способу производства“.

Совершенно подобные факты болѣе или менѣе долгаго переживанія доисторическихъ пріемовъ можно прослѣдить и во многихъ другихъ отрасляхъ производства. Едва-ли объясненіе имъ можно искать внѣ указаннаго выше обстоятельства, что уже въ первобытныхъ историческихъ обществахъ выработалось противуположеніе насынковъ цивилизаціи, на

трудъ которыхъ были основаны всѣ стороны этой цивилизаціи, господствующимъ классамъ, эксплуатировавшимъ этотъ трудъ и обладавшимъ исключительно возможностью интеллектуальнаго развитія. Неизбѣжнымъ и фактическимъ слѣдствіемъ этого классоваго дѣленія былъ фактъ, что во всѣхъ отрасляхъ техники допсторическіе пріемы переживали и преобладали до тѣхъ поръ, пока господствующіе классы не видѣли *своего* интереса въ улучшеніи техники и формъ производства и обмѣна. Но какъ только подобный интересъ былъ ими сознанъ, немедленно эмпирическая изобрѣтательность а за тѣмъ и научное мышленіе являлись покорнымъ слугою деспотовъ, могучихъ феодаловъ, богатыхъ аристократовъ и городскихъ патриціевъ, наконецъ, просто капиталистовъ разнаго рода; и успѣхи въ замѣнѣ допсторическихъ пріемовъ болѣе раціональными шли большею частью параллельно съ ростомъ указаннаго сознанія.

Такъ какъ явленія обмѣна, вырабатывавшія разныя формы торговли, были источниками одной изъ двухъ первыхъ формъ капитализаціи, слѣдовательно одною изъ самыхъ прочныхъ опоръ могущества господствующихъ классовъ, то не удивительно что въ этой экономической области мы встрѣчаемъ и самое быстрое вымираніе допсторическихъ пріемовъ. Въ историческое время уже очень рѣдки и исключительны смѣшенія практики торговли съ практикой прямаго разбоя, употребленіе скота, мѣховъ и т. п., какъ орудій обмѣна и какъ единицы цѣнности, отсутствіе для послѣднихъ цѣлей металлическихъ денегъ, наконецъ, отсутствіе тѣхъ или другихъ договорныхъ пріемовъ для обезпеченія торговцевъ. Торговое дѣло принадлежитъ къ самымъ раннимъ отраслямъ культуры, въ которыхъ неосмысленный обычай и религіозный обрядъ уступаютъ разсчету интересовъ и вызываютъ вслѣдствіе этого соотвѣтствующія измѣненія общественныхъ формъ.

Всѣ прочія отрасли экономической культуры въ историческое время если и обнаруживаютъ во многихъ случаяхъ явленія, сближающія высшія культуры съ низшими, то рѣдко дозволяютъ опредѣленное рѣшеніе вопроса: имѣемъ-ли мы передъ собою жизненный элементъ позднѣйшаго общественнаго строя, обусловленный всѣми прочими явленіями его жизни, или-же переживаніе прежняго, удержавшееся на позднѣйшей ступени эволюціи народа лишь въ силу сохранившагося обычая, иногда связаннаго съ религіознымъ вѣрованіемъ?

ГЛАВА VI

ПЕРЕЖИВАНІЕ ФОРМЪ РОДОВОГО СТРОЯ

Родовой строй. — Семья и государство — Появленіе идеальнаго элемента — Обращеніе родового строя въ переживанія.

Многочленность постъпенія — Институты — Классовое дѣленіе — Новая эра — Классификація родства. — (Нѣкоторые термины)

Слѣды матріархата — (Примѣры)

Древнѣйшая семья

Зависимость формъ общежитія отъ психическихъ процессовъ

Перейдемъ къ творчеству общественныхъ формъ вообще и къ переживаніямъ, которыя можно подмѣтить въ этой отрасли работы мысли (сперва весьма мало сознательной, а затѣмъ, въ продолженіи почти всей минувшей исторіи — эмпирической) Здѣсь дозволительно, повидимому, допустить слѣдующее: въ доисторическое время удобное функціонированіе общественнаго организма, его прочность и возможность для него дальнѣйшей эволюціи обусловливались болѣе или менѣе совершенною выработкою въ немъ *родового* союза; въ виду этого требованія задачамъ родового строя подчинялись и тѣ формы государства, какъ легальной связи родовъ, которыя мало по малу развивались въ родовой средѣ. Въ древнѣйшее историческое время семья и государство суть двѣ основныя соціальныя формы, взаимодѣйствіе, скрѣпленіе и распаденіе которыхъ характеризуютъ ступень эволюціи общества; лишь какъ посторонніе видоизмѣняющіеся элементы въ нее входятъ, съ одной стороны, переживанія родового строя, подрываемаго и политическими задачами государства,

и эгоистическими интересами семьи, съ другой—позднѣйшие продукты идейныхъ теченій, создающіе союзы кастовые и сословные, союзы экономическіе, союзы вѣрующихъ, союзы для перестройки общества по идеаламъ нравственнымъ и соціальнымъ и т под. Въ этомъ позднѣйшемъ фазисѣ и семья, и государство обращаются лишь въ средства для иныхъ цѣлей, сознаются, какъ переходныя общественныя формы, и относительно ихъ возникаетъ вопросъ· какъ онѣ должны измѣниться, или какія общественныя формы должны заступить ихъ мѣсто для осуществленія цѣлей и идеаловъ, выработанныхъ новымъ соціальнымъ организмомъ?

Съ этой точки зрѣнія переживаніями доисторическаго періода въ историческое время можно считать всѣ остатки родового строя — въ противуположеніи его семейнымъ интересамъ и государственнымъ цѣлямъ — встрѣчаемые нами на послѣдующихъ ступеняхъ политической эволюціи, особенно же такіе, которые подчиняютъ самостоятельность семьи требованіямъ родового единства и ограничиваютъ безусловное господство правительственной власти или легальныхъ формъ традиціоннымъ вліяніемъ идеи родства, идущаго за предѣлы трехъ непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній. Въ историческое время, внѣ идейныхъ теченій, вырабатывающихъ новые сознательные союзы, чуждые обычаю и традиціи, едва-ли не справедливо допустить, что нормальное творчество общественныхъ формъ преслѣдуетъ двойной идеалъ. Это, съ одной стороны, вполнѣ самостоятельная семья, руководящаяся въ своей дѣятельности исключительно своимъ эгоистическимъ интересомъ и потому доводящая до минимума идею родства, столь могучую и обширную въ своемъ функціонированіи въ доисторическое время Это, съ другой, государство, создающее власть и законъ, знающее только отдѣльныхъ особей, обязательно подчиненныхъ этой власти и этому закону Государство допускаетъ самую семейную связь лишь въ той мѣрѣ, въ какой семья безусловно подчиняется власти и закону и на сколько она способствуетъ прочности и удобному функціонированію государственнаго союза Семья подчиняется государству лишь въ силу своихъ эгоистическихъ интересовъ, которые считаетъ лучше охраненными при существованіи крѣпкаго политическаго союза, чѣмъ внѣ его; и вызываетъ его потрясеніе, какъ только считаетъ свои интересы расходящимися съ задачами государства или недостаточно имъ охраненными Въ попыткахъ примирить эгоистическіе интересы семьи (огра-

ниченной въ ея типѣ мужемъ, женою и ихъ дѣтьми) съ безусловнымъ подчиненіемъ особей юридическимъ порядкамъ состоитъ наибольшая доля эмпирической эволюціи творчества общественныхъ формъ въ основныхъ характеристическихъ чертахъ минувшей исторіи.

Но вотъ къ этой эволюціи примѣшивается элементъ идейный, какъ задача понять условія соціальнаго организма и перестроить его на основаніи этого пониманія и нравственнаго идеала Тогда немедленно семья и государство теряютъ свое преобладающее значеніе въ общественномъ союзѣ Передъ нами, рядомъ съ характеристическими чертами періода, возникли зародыши уже иного будущаго Передъ этими зародышами новаго общественнаго организма, еще не выдупившагося, семья и государство играютъ ту-же роль организмовъ старѣющихъ и вымирающихъ, какую, при ихъ ростущемъ преобладаніи, игралъ родовой строй. Та и другое еще не обратились въ переживанія Они еще входятъ жизненными историческими элементами въ строй, существующій до нашего времени Ихъ еще нельзя устранить совсѣмъ, какъ все то, что существуетъ лишь во имя обычая Но внимательному наблюдателю приходится отмѣтить признаки ихъ постепеннаго вытѣсненія другими, теперь еще зародышными, идейными теченіями; разъ эти теченія укрѣпились, они обратятъ нынѣшнія формы семьи и государства въ переживанія; прогрессивнымъ-же дѣятелямъ, въ предвидѣніи этого неизбѣжнаго будущаго, остается работать надъ доведеніемъ и семеннаго эгоизма и государственной власти во всѣхъ случаяхъ до возможнаго минимума.

Подобно этому процессу эволюціи, имѣющему мѣсто въ настоящее время, совершался въ родовомъ строѣ, подготовлявшемъ и подготовившемъ исторію въ переходный періодъ ея кануна, процессъ обращенія его во всѣхъ его остаткахъ въ переживаніе, когда передовая интеллигенція историческаго времени, еще не выработавши способности творчества общественныхъ формъ на почвѣ *сознательныхъ* идейныхъ стремленій, направляла свою мысль на *эмпирическое* созданіе наилучшихъ возможныхъ въ каждую эпоху формъ государства и семьи. Такими переживаніями въ историческое время и можно считать всѣ явленія, которыя вносятъ въ строй позднѣйшей семьи и позднѣйшаго государства элементы родственной связи, идущей за предѣлы тѣсной семьи, и элементы власти, обусловленные этой связью. Въ иныхъ случаяхъ это переживаніе родового быта вообще можно еще

болѣе специализировать, какъ переживаніе болѣе древняго материнства или позднѣйшаго патріархата.

Переживанія этой области приходится признать довольно многочисленными во всѣ историческія эпохи, особенно-же въ странахъ, которыя заимствовали извнѣ формы высшей культуры и элементы прогресса цивилизаціи Тамъ унаслѣдованные и прочно-сросшіеся съ общественными привычками элементы родовой отвѣтственности, кровной мести, гордости происхожденіемъ не могли быть легко искоренены заимствованными извнѣ модами, переходившими въ новый, менѣе прочный слой обычая личной отвѣтственности, государственнаго суда, преимущественно-бюрократическаго уваженія къ чину и къ должности и т п ; и общество долго пыталось устроиться такимъ образомъ, чтобы эти противурѣчивые элементы могли уживаться рядомъ. Подобныя переживанія элементовъ родового союза присутствуютъ въ рядѣ учрежденій, охраненныхъ закономъ и еще чаще обычаями и культурными привычками, хотя эти учрежденія, съ одной стороны, ослабляютъ могущество государственной власти, съ другой, противурѣчатъ эгоистическимъ интересамъ тѣсной семьи, и тѣмъ болѣе подрываютъ процессъ творчества новыхъ идеиныхъ, общественныхъ формъ Эти переживанія отражаются въ эволюціи идеаловъ личнаго достоинства, въ которыхъ типы достойнаго гражданина и семьянина не только допускаютъ, рядомъ съ собою и въ смѣшеніи съ собою, типъ родовитаго человѣка, но иногда подавляются послѣднимъ, который входитъ довольно внушительнымъ элементомъ и въ представленіе о личномъ достоинствѣ, и въ эволюцію позднѣйшихъ общественныхъ формъ До самаго послѣдняго времени можно отмѣтить переживанія, сюда относящіяся.

Таковы долго существовавшіе въ законодательствѣ передовыхъ народовъ институты, опредѣленно обусловленные представленіемъ о „родовой помощи“, о „родовой защитѣ“ и о „родовой мести“, особенно-же, въ области вещнаго права, институты родовой собственности, или правъ членовъ рода на наслѣдство движимости или недвижимости. Не малое время удерживались въ формахъ судебнаго разбирательства и въ религіозныхъ обрядахъ прямыя указанія на единство рода. Между тѣмъ всѣ эти обычные и легальные институты, поддерживаемые во многихъ случаяхъ коэрситивною силою государства, аффектомъ, не менѣе сильнымъ, чѣмъ аффектъ семенный, новыми возникающими обществен-

ными идеалами, болѣе или менѣе ограничивали функцію государства, подрывали интересы тѣсной семьи и вносили элементы распаденія въ новые критическіе идеалы общественнаго строя. Слѣдовательно, въ нихъ едва-ли можно видѣть что-либо иное, чѣмъ переживанія родоваго быта въ эпохи, когда нормальное творчество общественныхъ формъ могло имѣть мѣсто лишь въ виду задачъ государственности, интересовъ семьи или въ виду внесенія въ жизнь личности и общества такихъ идейныхъ элементовъ, которые не имѣли ничего общаго съ представленіемъ о кровномъ родствѣ

Такова классовая группировка родовитыхъ людей, которые, въ то-же время, были, большею частью, и обладателями значительной части имуществъ страны (особенно поземельныхъ) и монополистами вліятельныхъ должностей въ государствѣ, при чемъ родословная играла въ нѣкоторыхъ случаяхъ преобладающую роль при полученіи должностей, а законы о наслѣдствѣ поддерживали скопленіе богатствъ въ потомствѣ родовитыхъ людей, хотя подобная родовая аристократія и подобное мѣстничество представляли большею частью важное затрудненіе безпрепятственному функціонированію государственной власти и даже прочности государства въ борьбѣ съ противниками; мажораты-же и опасенія неравныхъ браковъ были въ прямомъ противорѣчіи съ предполагаемою солидарностью всѣхъ членовъ тѣсной семьи; наконецъ, поддержка родовыхъ традицій, какъ элементовъ новыхъ идеаловъ общежитія, никогда не могла быть оправдана здравою критикою этихъ идеаловъ

Таковы долго удерживавшіяся въ преданіи древнихъ націй и кастъ сказанія объ общихъ ихъ предкахъ, вслѣдствіе переживанія убѣжденія, что существующая фактически связь между людьми не могла не быть связью кровною; а позже, когда созданіе подобныхъ миѳовъ не соотвѣтствовало уже достигнутой ступени упражненія мысли, перенесеніе на новыя формы связи между людьми терминовъ и оборотовъ рѣчи, имѣющихъ смыслъ лишь съ точки зрѣнія родового или семейнаго союза: усвоиваемыя, какъ ласкательство, названіе отца, матери, брата, дяди, дѣда; институтъ кровнаго братства, обрядъ взаимнаго причастія кровью, обрядъ не только устанавливавшій тѣсную связь между личностями, но распространявшійся иногда и на брачный союзъ, и на договоръ между племенами и народами*)

*) Ср „Оп пст м“ стр. 992 и слѣд

Таковы въ литературѣ, въ искуствѣ и въ нравахъ элементы сохраненія въ памяти длинныхъ родословныхъ — а во многихъ случаяхъ и ихъ придумыванія — при чемъ подобныя родословныя составляли особенное достоинство личностей, которыя могли гордиться ими; возведеніе рода предковъ аѳинянъ или ѳиванцевъ къ богамъ и къ полубогамъ Греціи, сына Божія къ Давиду (такъ что даже религіозная мысль окрашивалась въ многихъ представленіями о родствѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ), новыхъ европейскихъ династій къ героямъ и къ историческимъ личностямъ античнаго міра; наконецъ, цѣлая поэтическая литература прославленія предковъ и т. под.

Такова тщательная классификація близкаго и дальняго родства, обусловившая — и до сихъ поръ обусловливающая, даже въ передовыхъ государствахъ, — права наслѣдства, едвали не въ прямомъ противоположеніи съ ясно понимаемыми задачами государства, такъ какъ разбирательство вопросовъ о родствѣ, въ виду наслѣдованія, вызываетъ огромное количество расходовъ, значительную трату времени и силъ, усложняетъ судебную функцію общества и мѣшаетъ усиленію государственныхъ средствъ, уменьшая число случаевъ выморочныхъ имуществъ.

Во многихъ современныхъ историческихъ, юридическихъ и социологическихъ трудахъ можно встрѣтить выраженія которыя идутъ какъ бы въ разрѣзъ съ только что приведенными положеніями, но едва-ли это разногласіе не обусловлено лишь иными употребленіемъ однихъ и тѣхъ же терминовъ. Укажу лишь на роль родового, семейнаго и государственнаго элемента въ Средніе Вѣка. Разборъ этого вопроса усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первую половину Среднихъ Вѣковъ весьма значительную роль играютъ формы общественнаго союза, промежуточныя между родомъ и семьей, между прочимъ *большая семья* или *родственный союзъ* обособленныхъ малыхъ семей, Sippe, которая сохранила много связующихъ началъ прежняго рода, но въ которой обособленность малыхъ семей, съ ихъ конкурренціею мелкихъ семейныхъ интересовъ заявляетъ уже себя вполнѣ опредѣленно, однако очень разнообразно въ разныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ. Тѣ изслѣдователи, которые не считаютъ нужнымъ строго различать явленія, восходящія къ традиціи родового союза (т. е отрицающіе, подавляющіе или значительно-ограничивающіе экономическую конкурренцію между домохозяевами или между малыми семьями) и явленія, подготовляющія новыя европейскія отношенія между семьями (т. е стремящіяся къ доведенію этой конкурренціи до крайнихъ предѣловъ легальности) могутъ обозначать терминомъ „семейныхъ“ вліяній и мотивовъ то что здѣсь разсматривается какъ традиціи исключительно „родовыя“. Съ этой точки зрѣнія ни связи „товарищества (compagnonage)“, ни клятвенныя и договорныя связи, которыя легли въ основаніе древнѣйшаго сеньеріальнаго строя, не были пріемами созданія новой искуственной „семейной“ связи, а, напротивъ связи „родовой“, устранявшей отчасти конкурренцію между

мелкими группами семей, тогда какъ позднѣйшій феодализмъ, съ его чисто-территоріальною подкладкою и съ его экономическою борьбою на всѣхъ ступеняхъ за выгоды землевладѣльцевъ, былъ удобною почвою для развитія и для укрѣпленія тенденціи семеннаго обособленія

Перечисленныя здѣсь переживанія родового строя въ періодъ общественнаго творчества, направленнаго на выработку наилучшей формы государства и семьи, и еще другія, на которыхъ невозможно здѣсь остановиться, перешли къ историческимъ народамъ преимущественно отъ ихъ предковъ патріархальнаго періода родового строя, но мы встрѣчаемъ иныя переживанія, восходящія явно къ періоду материнства.

Сюда относятъ изслѣдователи новаго времени всѣ обычныя и легальныя постановленія историческихъ народовъ, гдѣ дядья по матери играютъ такую-же роль, какъ въ послѣдствіи отцы въ большинствѣ странъ; всѣ случаи наслѣдованія по женской линіи, классификаціи родственныхъ связей по матери; поселенія мужа въ семьѣ жены; случаи обычнаго многомужія, левирата, кувады, наконецъ всѣ случаи, когда женщинамъ была предоставлена какая-нибудь замѣтная роль въ общественныхъ дѣлахъ Съ меньшею увѣренностью сюда можно отнести крупное значеніе, приданное въ миѳологіяхъ разныхъ народовъ женскимъ божествамъ.

Ср „Оп" 972 и слѣд, 1513 и слѣд, 1555 и слѣд — Среди древнѣйшихъ племенъ Китая мужъ долженъ былъ въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени прожить въ семьѣ родителей жены Многомужіе господствуетъ въ Тибетѣ и во многихъ племенахъ буддистовъ и брахманистовъ Индостана, вошло и въ индусскую эпопею У баскокъ до самой революціи женщины участвовали въ общественныхъ тѣлахъ и подавали голоса, тамъ встрѣчается и обычай кувады У хамитовъ сѣверной Африки исламъ не устранилъ существованія „дѣтей матери" рядомъ съ „дѣтьми отца" Среди семитовъ не только туземцы Аравіи лишь отчасти захваченные исторической жизнью сохранили многіе обычаи, тѣсно связанные съ переживаніями материнства, но почти безспорныя свидѣтельства о подобныхъ переживаніяхъ сохранились и въ священныхъ книгахъ евреевъ (въ разсказѣ объ Авимелехѣ — которому братья *по матери* помогаютъ избить братьевъ *по отцу*,—о Деборѣ , судившей подъ пальмами и начальствовавшей въ битвѣ и т под) и въ новѣйшихъ обычныхъ формахъ европейскихъ оффиціальныхъ актовъ въ которыхъ упоминаемое лицо обозначается какъ „сынъ такой то" —Свидѣтельства древнихъ писателей (Цезаря, Страбона и т. под) побуждаютъ думать, что то же относится къ кельтамъ Поведеніе Гудруны въ „Нибелунгахъ" указываетъ на переживаніе представленій періода материнства въ средневѣковыхъ циклахъ германской поэзіи, точно такъ же какъ судъ надъ Орестомъ и сказаніе о Мелеагрѣ свидѣтельствуютъ о подобномъ переживаніи въ литературѣ самого блестящаго періода Греціи Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украйны мать считается до сихъ поръ роднѣе дѣтямъ, чѣмъ отецъ. На Кавказѣ эти переживанія довольно многочисленны

Весьма вѣроятно, что въ формахъ семьи историческаго времени встрѣчаются многіе остатки семьи первобытной, въ томъ видѣ, какъ она въ самомъ началѣ выдѣлилась изъ родового союза, но эти формы въ первое время едва-ли справедливо отнести къ переживаніямъ, такъ какъ вопросы о выработкѣ отдѣльныхъ семей изъ родового цѣлаго и объ установленіи опредѣленныхъ отношеній между двумя развивающимися общественными организмами (семьею и государствомъ) составляютъ жизненные вопросы первой исторической эпохи. Въ послѣдствіи-же, когда въ эволюціи общественной жизни стали играть роль, все болѣе преобладающую, идейныя начала сознанныхъ интересовъ (личныхъ, семейныхъ, государственныхъ и классовыхъ), а, затѣмъ, и нравственныя убѣжденія, тогда всѣ переживанія обычныхъ формъ семьи (доисторическія и историческія) составили такое нераздѣльное цѣлое, что лишь съ нѣкоторою натяжкою можно приступить къ раздѣленію его элементовъ.

Можно было-бы поставить вопросъ: почему изъ техническихъ и вообще культурныхъ явленій доисторическаго періода, удержались въ историческое время какъ переживанія тѣ, а не другія? Выше сдѣлана была попытка объяснить это для нѣкоторыхъ областей техники, именно для производствъ, болѣе или менѣе затрогивавшихъ интересы господствующихъ классовъ. Въ весьма многихъ случаяхъ переживаній объясненіе ихъ, при нынѣшнемъ состояніи знаній, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ гадательнымъ. Наконецъ, можно констатировать не малое число и такихъ переживаній, объясненіе которыхъ въ области культуры представляется зависимымъ отъ переживаній нѣкоторыхъ *психическихъ* процессовъ доисторическаго дикаря въ особяхъ историческаго времени.

ГЛАВА VII

ПСИХИЧЕСКІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ

—

Различные фазисы психическои эволюции дикаря
Переживание тупости восприятия
Переживание слабости задерживающихъ центровъ —(Примѣръ)
Переживание подражания и внушенія.
Приличія и стыдъ.
Проявленіе страстности — (Личныя патологическія явленія). — Категоріи страстности —(Ревность).—Жестокость и высшая культура
Спорныя теоріи. — (Преступный человѣкъ —Гешальность и неврозъ.—Теорія вырожденія д-ра Якоби —Женскій психическій типъ)

—

Психическіе процессы дикаря, отличающіе его отъ члена интеллигенціи историческаго времени, не составляютъ одного цѣлаго, но охватываютъ нѣсколько весьма различныхъ фазисовъ На низшей ступени эволюціи дородового дикаря*) предъ нами существо, особенно характеризованное тупостью воспріятій, ребяческою смѣною настроеній безъ достаточной причины и безсиліемъ задерживающихъ центровъ. Уже выше стоитъ и относится къ позднѣйшему фазису дикарь, настолько воспріимчивый къ подражанію или къ возбужденію аффекта, что его характеризуетъ способность поддаваться внушенію болѣе энергичныхъ личностей, увлеченію коллективнымъ аффектомъ при большей способности сдерживать рефлексы внѣ подобныхъ внѣшнихъ вліяній. Эти явленія обнаруживаются прежде всего въ связи съ первымъ пробужденіемъ представленія о достоинствѣ особи, въ формѣ

*) Ср. „Опыт м.“ стр. 912 и слѣд., 1501 и слѣд

соблюденія приличій, нарушеніе которыхъ понижаетъ это достоинство. Еще позже, при усложненіи культуры — тѣмъ не менѣе остающейся неисторическою — среди дикарей развиваются типы, характеризованные страстностью, патологическими процессами памяти, воли, самосознанія; опредѣленно вырабатывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ склонность къ жестокости; изъ поколѣнія въ поколѣніе переходятъ симптомы дегенераціи. Это же самое усложненіе культуры, обусловливая раздѣленіе господствующихъ и эксплуатируемыхъ классовъ, вырабатываетъ и нѣсколько психическихъ типовъ, соотвѣтствующихъ этому раздѣленію: таковъ психическій типъ *пасынка цивилизаціи*, безпомощно-подавленнаго борьбою за существованіе и примирившагося со своимъ положеніемъ; таковъ, въ переходное время къ историческимъ цивилизаціямъ, въ классахъ, пользующихся всѣми выгодами сравнительно-высшей культуры, типъ *культурнаго дикаря*, живущаго при внѣшнихъ условіяхъ, вполнѣ дозволяющихъ ему быть въ рядахъ подготовляемой исторической интеллигенціи, но психически недоступнаго самому элементарному наслажденію развитіемъ; таковъ, наконецъ, проходящій черезъ всѣ періоды борьбы сознанныхъ интересовъ, типъ—можетъ быть патологическій — сознательнаго эксплуататора-хищника, выработавшаго въ себѣ наслажденіе страданіемъ другихъ и приниженіемъ ихъ достоинства. Почти для всѣхъ особей этихъ психическихъ типовъ, выработанныхъ на различныхъ ступеняхъ эволюціи доисторическаго человѣка, можно найти соотвѣтственныя переживанія въ большемъ или меньшемъ числѣ въ историческомъ обществѣ и въ современной цивилизованной средѣ; для низшихъ фазисовъ эти примѣры можетъ быть рѣдки, какъ цѣльныя психическія особи, но безпрестанно обнаруживаются, какъ отдѣльные элементы характера въ весьма распространенныхъ типахъ.

Такъ едва-ли не приходится отнести къ унаслѣдованной первобытной тупости воспріятій тѣ многочисленные примѣры — даже среди натуръ, въ другихъ отношеніяхъ, воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ—равнодушнаго отношенія къ ежедневнымъ нравственнымъ безобразіямъ или даже прямо варварствамъ, которыя представляли отношенія рабовладѣльцевъ Америки и крѣпостниковъ Россіи къ подневольному населенію у огромнаго большинства представителей интеллигенціи этихъ рабовладѣльцевъ и крѣпостниковъ. Точно такъ-же, въ другой области общественныхъ безобразій, до сихъ поръ вызывающей систематическое прославленіе, въ

массовомъ убійствѣ войнъ, мы встрѣчаемъ, конечно, личностей, которыя съ большимъ или меньшимъ отвращеніемъ, но сознательно подчиняются предполагаемой необходимости войны; встрѣчаемъ и другихъ, которыхъ опьяняетъ психически безсмысленный коллективный аффектъ битвы: однако, рядомъ съ ними, огромная доля двухъ армій разсчитанно совершаетъ обрядъ взаимнаго избіенія, при чемъ совершаетъ его безъ отвращенія и безъ страсти, какъ одну изъ обыденныхъ случайностей жизни, оставаясь большею частью на столько-же тупыми къ дѣйствію, въ которомъ эти люди участвуютъ, какъ низшій дикарь-антропофагъ къ тому, гложетъ-ли онъ кость поросенка или человѣка

Впрочемъ примѣры переживаній въ области психическихъ явленій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, если и довольно часты.—особенно для высшихъ перечисленныхъ фазисовъ—то, при ихъ изслѣдованіи, приходится каждый разъ быть очень осторожнымъ, такъ какъ лишь тщательный анализъ позволяетъ каждый разъ отличить, что́, въ подобныхъ явленіяхъ относится къ переживаніямъ дикости, что — къ повторяющимся болѣзненнымъ процессамъ въ личной или въ общественной эволюціи; что́, наконецъ, къ болѣе или менѣе нормальнымъ жизненнымъ элементамъ позднѣйшей эволюціи, въ которыхъ повторяются *ранніе* психическіе процессы, но лишь вслѣдствіе повторенія самихъ условій ихъ происхожденія.

Такъ проявленія слабости сдерживающихъ центровъ представляется, вообще говоря, въ историческомъ обществѣ какъ указаніе недоразвитости, дегенераціи или временнаго *патологическаго* состоянія; однако, когда цѣлою толпою овладѣваетъ неудержимый взрывъ хохота предъ уличнымъ происшествіемъ, въ сущности не только не забавнымъ, а, скорѣе, возмутительнымъ — при чемъ даже склонность къ подражанію не имѣетъ времени проявиться—тогда трудно не отнести подобное явленіе (напримѣръ, во взрослыхъ гражданахъ Великобританіи при грубой horse-play), къ переживанію чисто-ребяческаго или ранняго доисторическаго періода общественной жизни въ несдержанномъ рефлексѣ.

Въ подобныхъ неудержимыхъ припадкахъ смѣшливости мнѣ лично сознавались личности, принадлежавшія чуть ли не во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ къ самымъ развитымъ и передовымъ, при чемъ они сохраняли совершенно ясное сознаніе, что смѣшливость была вполнѣ неумѣстна и рефлексъ слѣдовало сдержать.

Еще разнообразнѣе причины явленій, совершаемыхъ по

подражанію или подъ вліяніемъ внушенія Сюда, прежде всего, относятся въ историческое время самые могучіе импульсы прогрессивной и вполнѣ осмысленной дѣятельности: всегда малочисленные инициаторы въ области мысли и жизни при этомъ являются центрами цивилизаціонныхъ внушеній: послѣдніе быстро воспринимаются самыми интеллигентными членами общества (очень часто, тѣмъ не менѣе, лишенными способности къ инициативѣ); лишь вслѣдъ затѣмъ переходятъ на менѣе воспримчивыя натуры; еще позже вызываютъ подражаніе, иногда моду, и такимъ образомъ даютъ начало историческому теченію Этотъ разрядъ проявленія силы внушенія и подражанія принадлежитъ къ самымъ нормальнымъ и жизненнымъ элементамъ исторической жизни всѣхъ эпохъ и народовъ. Однако, рядомъ съ этимъ, мы имѣемъ во всѣ эпохи и во всѣхъ мѣстностяхъ особей слабыхъ волей, которыя *патологически* неспособны противиться подчиненію волѣ или примѣру другой, болѣе сильной и болѣе энергичной натуры; здѣсь передъ нами многочисленные *повторяющіеся* (но уже вовсе не эволюціонные) случаи дѣятельности по чужой мысли и чужой волѣ, случаи, которые столь-же мало принадлежатъ къ нормальнымъ и жизненнымъ элементамъ исторической жизни, какъ всякія другія случайныя болѣзни и эпидеміи Здѣсь форма внушенія и невольной подражательности переходитъ, рядомъ едва замѣтныхъ постепенностей, отъ проявленія большей или меньшей степени *безхарактерности*, въ область тѣхъ внушеній (спеціально такъ называемыхъ), которыя въ послѣдніе полвѣка составляютъ загадочный и еще недостаточно-отграниченный предметъ изслѣдованій психіатровъ и невропатологовъ; переходитъ, наконецъ, въ область тѣхъ вполнѣ невольныхъ подражаній, которыя наблюдатели сибирскихъ инородцевъ окрестили терминомъ *миряри* и *мерячества* А затѣмъ еще далѣе, въ области господства модъ, о которомъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ (стр. 14 и сл.), мы имѣемъ подчиненіе чужой инициативѣ и чужому примѣру, которое нельзя отнести ни къ личной патологіи, ни къ жизненнымъ элементамъ прогрессирующаго общества: это — проявленія склонности къ подражанію и къ дѣйствіямъ по чужому внушенію, источникъ которыхъ едва-ли не всего правильнѣе отнести къ переживанію нѣкоторыхъ психическихъ явленій отъ доисторическаго періода

Какъ переходное психическое явленіе историческаго времени, коренящееся въ слѣдованіи обычаю и модѣ, но скра-

шиваемое въ позднѣйшія эпохи уже аффективнымъ процессомъ, приходится разсматривать требованія *приличія* и чувство *стыда* въ случаѣ нарушенія этихъ требованій. Во многихъ случаяхъ это явленіе такъ близко къ господству неосмысленнаго обычая или временной моды, что ихъ трудно различить и вѣрнѣе разсматривать все это какъ переживанія культурныя. Тѣмъ не менѣе въ высшихъ фазисахъ своей эволюціи аффективный элементъ въ требованіяхъ приличія все ростетъ, стыдъ обнаруживается какъ самоосужденіе и какъ предшествующая ступень нравственной критики. Въ этой формѣ то и другое можетъ обратиться въ жизненный элементъ позднѣйшаго и высшаго сознательнаго общежитія.

Подобныя указаннымъ выше усложненія представляютъ позже случайныя проявленія страстности у особей, и выработка натуръ, основную черту характера которыхъ составляетъ эта страстность. Эволюція исторической жизни обусловливаетъ на первыхъ-же ея ступеняхъ всѣ нормальныя общественныя явленія сознанными интересами и разсчетомъ цѣлесообразной дѣятельности въ виду этихъ интересовъ; нѣсколько позже весь дальнѣйшій прогрессъ имѣетъ источникомъ выработку убѣжденнаго меньшинства, борющагося за свои идеалы. Въ эти періоды все то, что возводится къ страстному влеченію, чуждому и сознаннымъ интересамъ, и обязательнымъ требованіямъ убѣжденія, приходится признать или патологическимъ явленіемъ или результатомъ переживанія.

Повторяющіяся у нѣкоторыхъ особей всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ патологическія явленія памяти, воли и самосознанія чужды исторической какъ и всякой другой эволюціи.

Къ переживаніямъ эпохъ, когда сознанные интересы и тѣмъ болѣе продуманныя убѣжденія или вовсе не имѣли мѣста или играли самую ничтожную, зародышную роль, приходится отнести большую часть тѣхъ *увлеченій толпы* (преимущественно изучаемой какъ „преступная“) въ направленіи варварскихъ инстинктовъ или коллективнаго энтузіазма, которыя въ разные періоды исторіи имѣли мѣсто или помимо всякихъ интересовъ и убѣжденій, или даже въ прямомъ противурѣчіи съ ними. Точно такъ-же *страстныя натуры* всѣхъ историческихъ эпохъ могутъ быть отнесены къ тремъ различнымъ категоріямъ. Если ихъ страстность обусловлена борьбою за сознанные интересы или за убѣжденія, то она составляетъ жизненный элементъ всякой исторической эпохи. Въ другомъ случаѣ эта страстность все бо-

лѣе приближается къ неотвязной идеѣ и наконецъ обращается въ одну изъ формъ *мании*, составляя повторяющееся всюду патологическое явленіе, не имѣющее вовсе отношенія къ какой-либо исторической эволюціи. Лишь внѣ этихъ двухъ категорій страстности нормальной и страстности чисто-патологической стоятъ тѣ страстныя натуры, у которыхъ этотъ психическій элементъ представляетъ отличительную характеристику, помимо борьбы за какіе-либо интересы или убѣжденія, но можетъ сосуществовать съ прочими вполнѣ-нормальными функціями: въ этой третьей категоріи страстныхъ натуръ дозволительно признать переживанія эпохи дикости, уже прошедшей низшіе свои фазисы, но не достигшей до момента преобладанія разсчета или преданности жизненному идеалу.

До извѣстной степени спорный вопросъ можетъ представить отнесеніе къ переживаніямъ аффекта *ревности*. Съ одной стороны, среди стадныхъ млекопитающихъ этотъ аффектъ такъ обыченъ, что многіе изслѣдователи готовы въ немъ признать переживаніе даже не доисторическаго а зоологическаго періода. Но подобное признаніе требуетъ допущенія, что родовому материнскому быту всюду предшествовало стадное состояніе человѣка при господствѣ ревнивыхъ самцовъ. Если это и могло имѣть мѣсто кое-гдѣ, то едва-ли изслѣдованія настоящаго времени о періодѣ материнства дозволяютъ обобщить эту гипотезу. При господствѣ материнскаго родоваго строя половая ревность не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ явленіемъ случайнымъ, находящимся въ противорѣчіи съ обычаемъ, а потому отъ этого періода ревность и переживаніемъ быть не могла. Совершенно иные психическіе мотивы опредѣляютъ установленіе быта патріархальнаго и частной или семейной собственности. Тогда за женщину семьи какъ за всѣ элементы ея собственности, возникала упорная борьба, и охраненіе женщины отъ похоти чужаго стало элементомъ страстнаго аффекта. Однако это не была позднѣйшая половая ревность, такъ какъ семья или мужъ совершенно спокойно, въ разныхъ странахъ, передавали добровольно семьянку или жену уважаемому гостю. На этой позднѣйшей (уже въ значительной мѣрѣ исторической) почвѣ, въ эпоху развитія индивидуализма, личныхъ аффектовъ, эгоистическаго элемента въ половой любви и т. под., выработалась, какъ историческая категорія, половая ревность въ ея позднѣйшей формѣ, въ которой она и продолжаетъ обнаруживаться какъ переживаніе одного изъ историческихъ фазисовъ эволюціи человѣческой психики, чтобы подвергнуться за тѣмъ, по всей вѣроятности, судьбѣ всѣхъ историческихъ категорій.

Какъ одна изъ формъ страстности является и *жестокость*, при чемъ ей могутъ дать начало всѣ категоріи страстности: и чисто-патологическія ея проявленія, и страстность, какъ переживаніе одного изъ фазисовъ дикости, и даже аффективныя окрашиванія болѣе или менѣе ясно сознаннаго интереса, болѣе или менѣе критически продуманнаго убѣжденія. Жестокость можетъ быть обращена и на тѣхъ, кто вызыва-

етъ патологическое отвращеніе маніака, и на тѣхъ, къ кому, по переживающему обычаю, будто-бы *слѣдуетъ* быть жестокимъ, или на тѣхъ, въ комъ страстный человѣкъ видитъ враговъ своихъ интересовъ или убѣжденій. Избіеніе всѣхъ рабовъ римскаго патриція, убитаго однимъ изъ нихъ, по юридическому обычаю: наслажденіе казнями маніака Ивана Грознаго; ауто-да-фэ Торквемады и систематическое отправленіе на гильотину подозрительныхъ комитетомъ общественнаго спасенія,—были проявленіями жестокости, проистекающей изъ весьма различныхъ страстныхъ побужденій; но лишь первый изъ этихъ примѣровъ можно отнести (да и то не съ полной увѣренностью) къ переживаніямъ обычая, вызваннаго у доисторическаго человѣка страстною ненавистью къ чужому, какъ къ врагу, но проявлявшагося у римскаго юриста лишь въ формѣ, утратившей всякій слѣдъ страстнаго порыва

При изученіи явленій безразсудной жестокости и ихъ переживаній слѣдуетъ всегда удержать въ памяти, что они наблюдаются въ самомъ безобразномъ видѣ не на низшихъ ступеняхъ дикости а при позднѣйшихъ фазисахъ доисторической культуры и всего ярче характеризованы именно въ своихъ переживаніяхъ въ цивилизаціяхъ, которыя трудно не отнести къ историческимъ Такъ у неисторическихъ народовъ эта жестокость проявляется особенно у баттовъ и у нѣкоторыхъ краснокожихъ, въ обоихъ случаяхъ у племенъ, культура которыхъ всѣми изслѣдователями признается сравнительно высшей. У монголовъ, строителей одного изъ обширнѣйшихъ государствъ міра мы находимъ преданіе, сохраненное арабскимъ историкомъ. о томъ, какъ въ 70 котлахъ варили связанныхъ вождей тайджіутовъ. Въ китайскихъ повѣствованіяхъ (гораздо позже Лао Цзы и Кхун-Цзы) мы встрѣчаемъ совершенно безстрастный разсказъ о томъ, какъ истребили всю семью политическаго мятежника избили 800 женщинъ въ его дворцѣ какъ пламя горящаго жира его брошеннаго трупа освѣщало окрестности а толпа пожирала куски тѣла его соумышленника Составители послѣднихъ пѣсень „Одиссеи", ихъ слушатели и читатели восхищались—а пожалуй и теперь не возмущаются — разсказомъ о томъ, какъ герой поэмы повѣсилъ рабынь за ихъ легкомысленное поведеніе и какъ эти несчастныя игрушки сладострастныхъ „жениховъ" „немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли". Наконецъ, къ *нашему* времени и къ одной изъ передовыхъ странъ Европы относятся всѣмъ извѣстные факты о хладнокровномъ истребленіи сразу 30.000 побѣжденныхъ мятежниковъ Парижской коммуны объ изысканныхъ пыткахъ и мученіяхъ. которымъ спокойно подвергали политическихъ каторжниковъ или даже просто провинившихся солдатъ и въ Новой Каледоніи, и въ Алжирѣ (по новѣйшимъ слухамъ эти жестокости были еще превзойдены въ настоящемъ (1897) году въ Испаніи по отношенію къ арестованнымъ анархистамъ); наконецъ, о тѣхъ возмутительныхъ пріемахъ распространенія европейской цивилизаціи, которые употребляютъ представители французской республики въ концѣ XIX в въ Сенегалѣ. въ Тонкинѣ и т. д., при чемъ едва вѣришь глазамъ, читая о томъ, какъ „пилили" раненыхъ; какъ казнь продолжалась

45 минутъ. какъ, по показанію *личнаго свидѣтеля*. веселая публика французовъ и француженокъ присутствовала для развлеченія въ началѣ 90-хъ годовъ при казни нѣсколькихъ мятежниковъ, сопровождая паденіе каждой отрубленной головы хлопаньемъ пробокъ шампанскаго. какъ вымучиваютъ показанія анамитовъ пытками. какъ допросы вызываютъ самоубійства и самоискалѣченія въ самыхъ ужасныхъ формахъ, и это спокойно допускается, и т д.

Сказанное здѣсь о весьма различныхъ источникахъ, обусловливающихъ какъ страстное дѣйствіе такъ и дѣйствіе по внушенію или изъ подражательности, позволяетъ отнестись скептически къ нѣкоторымъ спорнымъ теоріямъ, существующимъ по этому предмету. Такова, напримѣръ, недавняя и до сихъ поръ защищаемая теорія *преступнаго человѣка*, какъ представляющаго переживанія дикости, или какъ особеннаго антропологическаго типа; такова-же—впрочемъ, встрѣтившая мало сочувствія — теорія дегенераціи цѣлыхъ населеній, какъ сопутствующей неизбѣжно выработкѣ ими немногихъ высшихъ типовъ интеллигенціи; наконецъ, такова и теорія, очень давно догматически выставляемая, но едва-ли представлявшая во все продолженіе своего существованія какія-либо попытки рациональнаго доказательства, именно теорія существеннаго различія психическихъ типовъ мужчины и женщины. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ можетъ быть на столько-же истины, на сколько ее было-бы въ утвержденіи, что то или другое проявленіе дѣятельности по чужому внушенію или по страстности можетъ быть въ разныхъ случаяхъ отнесено къ той или другой категоріи изъ указанныхъ передъ этимъ источниковъ (къ переживанію доисторическихъ психическихъ процессовъ, къ личной патологіи или къ нормальному процессу эволюціи), хотя было-бы совершенно невѣрно дальнѣйшее утвержденіе, будто-бы та или другая изъ этихъ категорій охватываетъ, съ исключеніемъ двухъ другихъ, *всѣ* проявленія подражательности и страстности.

Теорія *Ломброзо* и его послѣдователей въ обѣихъ главныхъ своихъ формахъ (преступности человѣка. какъ переживанія дикости и какъ явленія дегенераціи) вызвала такую обширную и энергическую полемику, что повторять здѣсь аргументаціи противъ нея едва ли не было бы излишнимъ Здѣсь можно ограничиться слѣдующимъ. было допущено выше, что въ нѣкоторой части явленій, совершаемыхъ по подражанію или по страстности присутствуетъ элементъ доисторическаго переживанія, въ другихъ же—патологическій элементъ личной дегенераціи тогда какъ есть и такія, которыя обусловлены нормальнымъ процессомъ развитія Поэтому приходится и въ фактахъ преступности признать возможность вліянія всѣхъ этихъ трехъ мотивовъ Слѣдовательно. едва ли не было-бы научнѣе отказаться отъ объясненія огуломъ всѣхъ случаевъ. приводимыхъ такъ-называемой „антропологической школой юристовъ“ въ за-

шину своихъ гипотезъ но для каждаго изъ этихъ „преступныхъ" случаевъ отдѣльно поставить вопросы встрѣчаются ли здѣсь элементы, которые могутъ быть возведены къ повторяющимся во всѣ времена случаямъ патологическихъ процессовъ человѣческой психики? Встрѣчаемъ-ли мы тутъ другіе элементы, которые можно отнести къ переживанію доисторическихъ побужденій? Наконецъ, есть ли въ данномъ случаѣ и такіе элементы, которые всего правдоподобнѣе объяснить нормальнымъ вліяніемъ мотивовъ возникающихъ неизбѣжно на каждой ступени общественной эволюціи подъ вліяніемъ фазисовъ этой самой эволюціи (родовыхъ понятій о достоинствѣ, борьбы за интересы классовой борьбы, борьбы за барышъ борьбы за убѣжденіе и т пот)? Каждый изъ этихъ мотивовъ можетъ входить элементомъ въ такія дѣйствія, которыя положительный законъ или господствующее мнѣніе признаютъ *преступными* какъ и во всякія другія всего же чаще передъ нами совокупное вліяніе нѣсколькихъ подобныхъ мотивовъ одновременно

Едва-ли не сходную съ этою оцѣнку можно предложить и для другаго преступнаго положенія далеко не новаго, но усвоеннаго тою-же антропологическою школою юристовъ именно что геній — неврозъ, и что психическая дѣятельность геніальнаго человѣка аналогична съ процессомъ мысли помѣшаннаго Во всякой геніальной психической дѣятельности присутствуетъ элементъ страстности и элементъ усиленной концентрировки вниманія на опредѣленномъ пунктѣ работы мысли. Но геніальная мысль въ то же время именно тѣмъ и характеризована что страстность ея направлена на уясненіе мысленной комбинаціи (иногда весьма сложной) а не на ея спутываніе (что встрѣчается сплошь да рядомъ при процессѣ мысли слабомъ или патологическомъ); а также тѣмъ что концентрировка происходитъ на существенномъ пунктѣ, а не на второстепенномъ (какъ бываетъ у большинства просто талантливыхъ людей) или даже на совершенно случайномъ (какъ большею частью у психопатовъ) Слѣдовательно все то что сказано выше въ текстѣ о страстности, принадлежитъ къ геніальной мысли. Однако тамъ-же мы видѣли что страстность лишь въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ патологична, и что ея процессъ лишь въ этихъ случаяхъ сближается съ неотвязною мыслью помѣшаннаго Въ такомъ случаѣ для насъ обязателенъ вопросъ: насколько же позволительно напирать на аналогію съ послѣдней страстной мысли геніальнаго человѣка которая, въ прямой противуположности съ нею, по своей уясняющей силѣ и по вниманію, направленному именно на существенные пункты (ускользающіе отъ маньяковъ), входитъ двигателемъ въ наиболѣе нормальный процессъ мышленія?

Теорія доктора Якобія формулирована имъ въ слѣдующихъ выводахъ: „Въ населеніи каждой страны устанавливается постоянный притокъ его изъ селъ въ города изъ небольшихъ городовъ въ большіе притокъ, приносящій въ послѣдніе всѣ живыя силы страны Результатомъ является подборъ талантовъ, способностей энергическихъ и умныхъ личностей въ пользу городовъ и въ ущербъ селамъ, вслѣдствіе чего интеллектуальный уровень городовъ все возвышается а селъ — падаетъ Но параллельно съ ростомъ талантовъ, способностей, энергіи ростетъ въ городскихъ населеніяхъ и невропатическій элементъ, проявляясь въ весьма различныхъ формахъ и фатально приводя къ психопатіямъ, къ крупнымъ неврозамъ къ смертности дѣтей, окончательно—къ безплодію и къ исчезанію расы Авторъ пытается доказать этотъ „результатъ подбора" для случаевъ когда подборъ происходитъ подъ вліяніемъ „общественныхъ привилегій, политическаго и экономическаго неравенства"

что вызываетъ невѣжество и нищету въ низшихъ слояхъ, помѣшательства, преступность и безплодіе въ высшихъ. Затѣмъ онъ распространяетъ этотъ „неизбѣжный результатъ" на подборъ подъ вліяніемъ „умственныхъ и нравственныхъ преимуществъ доставленныхъ уже не условіями общественной жизни, а природою", формулируя этотъ результатъ, какъ разныя формы „вырожденія" въ городахъ какъ „невѣжество тупость и глупость" въ селахъ „Всякій геніальный и талантливый человѣкъ — говоритъ авторъ — представляется капиталомъ, накопленнымъ многими поколѣніями Но этотъ капиталъ, однажды воплощенный въ личность человѣка, не возвращается уже въ общее имущество человѣчества онъ для послѣдняго потерянъ такъ какъ извлеченъ изъ обращенія и его единственный продуктъ есть помѣшательство бѣдность и вырожденіе потомства скоро—къ счастью—исчезающаго и вымирающаго, но не безъ того чтобы это потомство внесло вырожденіе и смерть въ семьи, вступившія съ нимъ въ союзъ. . Ничто не происходитъ изъ ничего и всякій процессъ производства предполагаетъ процессъ потребленія. Наука, искуство идеи, для того чтобы родиться и развиться, потребляютъ поколѣнія и народы Нація истощаются въ процессѣ производства, какъ неунавоживаемая почва". Всюду „преимущества общественнаго положенія", какъ „преимущества духовныя", приводятъ „къ одному и тому-же печальному явленію исчезанія семей и расъ, уплачивающихъ физическимъ и нравственнымъ вырожденіемъ даже своею жизнью за индивидуальную высоту одного изъ ихъ членовъ. Человѣкъ живетъ въ своемъ потомствѣ жить въ немъ, это — реальное безсмертіе, точно такъ-же матеріальное какъ и нравственное единственное истинное безсмертіе или, по крайней мѣрѣ, единственное вѣрное, но стараясь возвыситься надъ общимъ уровнемъ, мы тѣмъ самымъ осуждаемъ на смерть нашу расу, и обмѣниваемъ истинное безсмертіе безсмертіе физіологическое на то условное безсмертіе, которое называютъ знаменитостью, мы уплачиваемъ жизнью будущихъ поколѣній и нашимъ собственнымъ существованіемъ въ безконечномъ рядѣ вѣковъ за нѣсколько строкъ въ біографическихъ словаряхъ.. Будущность принадлежитъ посредственностямъ"

Прежде всего замѣтимъ что у автора находимъ то же сближеніе геніальности съ неврозомъ, о которомъ только что было говорено. Достаточно вдуматься въ пріемы этого резюмэ, чтобы убѣдиться въ ихъ парадоксальности Во первыхъ, остается неизвѣстнымъ, почему человѣкъ „живетъ въ своемъ потомствѣ" и оказывается въ этомъ случаѣ реально безсмертнымъ". Затѣмъ метафорическія сопоставленія истощенія почвы съ истощеніемъ расъ, дающихъ большее или меньшее число умственныхъ завоеваній и энергическихъ проявленій воли, и экономической безвозвратной траты съ неизбѣжнымъ вымираніемъ особей, усвоившихъ знанія и убѣжденія, выработывавшіяся нѣсколькими поколѣніями, въ числѣ которыхъ реальные предки этихъ особей составляли лишь меньшую долю — можетъ быть и красивы, но убѣдительны лишь для того, кто не видитъ никакой разницы въ процессѣ химическомъ (вполнѣ извѣстномъ), экономическомъ (уже гораздо болѣе сложномъ и спорномъ) и въ процессѣ траты біологической вещества и энергіи на открытіе или усвоеніе новой математической теоремы, на созданіе или воспріятіе новой гармонической комбинаціи звуковъ, на внушительную рѣчь апостола, поднимающаго толпу на подвигъ для мистической цѣли (процессъ, о которомъ мы еще не имѣемъ даже приблизительно яснаго представленія) Но эти парадоксальныя метафоры еще не подрывали-бы

значенія построенія автора, если бы были выполнены два другія условія 1) если-бы фактическая подкладка выводовъ была вполнѣ достаточна для этихъ выводовъ и 2) если-бы никакихъ другихъ, столь-же вѣроятныхъ объясненій приведеннымъ фактамъ нельзя было-бы представить Но, прочтя трудъ доктора Якобія (весьма занимательный), нельзя не сознаться, что фактическая подкладка недостаточна даже въ наиболѣе выработанной части этого труда (патологическія вырожденія династій римскихъ цезарей), а тѣмъ болѣе въ подборѣ данныхъ для самаго спорнаго изъ пунктовъ имъ затронутыхъ („неизбѣжное" вырожденіе потомковъ замѣчательныхъ умовъ и историческихъ героевъ) Между тѣмъ, если-бы даже эмпирически и была установлена въ достаточномъ числѣ случаевъ связь между силою ума и энергіей воли предковъ, съ одной стороны, и вырожденіемъ и вымираніемъ ихъ потомковъ, съ другой, оставалось бы еще доказать существованіе *причинной* связи въ этихъ случаяхъ Второе упомянутое условіе еще менѣе выполнено Можно привести не одну, а множество гипотезъ для объясненія указаннаго авторомъ явленія. гипотезъ, которыя нисколько не были-бы менѣе правдоподобны какъ теорія истощенія человѣчества производствомъ замѣчательныхъ личностей, своею смертью истребляющихъ капиталъ, потребленный на ихъ производство. Ограничиваясь тѣмъ, что высказано на предыдущихъ страницахъ, постоянно существующая опасность подавленія меньшинства интеллигенціи большинствомъ дикарей высшей культуры. постоянно существующая вѣроятность, что потомство замѣчательныхъ личностей войдетъ въ составъ этого большинства—представляетъ, повидимому, весьма достаточное объясненіе значительной части явленій, приводимыхъ авторомъ. Вырожденіе привилегированныхъ династій и сословій становится съ этой точки зрѣнія нисколько не необычнымъ фактомъ. а господство „посредственности" всюду, гдѣ дикарямъ высшей культуры удается подавить интеллигенцію, есть даже явленіе логически необходимое. Авторъ даже не пытается доказать, что и тамъ, гдѣ интеллигенція отстояла себя и стала двигателемъ исторіи, неизбѣжно или даже вѣроятно вырожденіе. Нѣкоторыя свидѣтельства, на которыя ссылается авторъ. допускаютъ слѣдующее объясненіе вниманіе изслѣдователя, привлеченное фактомъ появленія нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей въ данной мѣстности, могло вызвать склонность субъективно оцѣнить слишкомъ низко среду ихъ окружающую и потому допустить вырожденіе тамъ, гдѣ есть лишь самое обыкновенное противуположеніе большинства дикарей высшей культуры незначительному меньшинству исторической интеллигенціи, способной выработать нѣсколько первостепенныхъ личностей

Къ женскому вопросу авторъ имѣетъ въ виду вернуться въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же ограничимся замѣчаніемъ, что разница между индивидуальными психическими типами мужчинъ, взятыхъ отдѣльно, и женщинъ, взятыхъ тоже отдѣльно, едва ли не превосходитъ далеко ту разницу, которую представляютъ въ психическомъ отношеніи средніе экземпляры одного и того-же культурнаго слоя разныхъ половъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ или обычай дозволяетъ поламъ имѣть культурное и психическое общеніе Если-же оно такъ, то можно-ли говорить о видовой или родовой особенности психическихъ типовъ женскаго или мужескаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ ботаникъ или зоологъ говоритъ о видовыхъ или родовыхъ особенностяхъ изслѣдуемыхъ организмовъ?

ГЛАВА VIII

ПСИХИЧЕСКІЕ ТИПЫ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫМИ

—

Вліяніе культурныхъ типовъ.

Сознательный хищникъ — Типы недоразвитые. — Недовольство безъ протеста — Протестъ пасынковъ цивилизаціи. — Недостатокъ инициативы въ интеллигенціи — (Необходимая предосторожность). — Поддержка переживаній. — Различіе процессовъ въ разныхъ областяхъ мысли.

—

Указанные въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ факты культурныхъ переживаній доисторическаго періода въ группахъ пасынковъ цивилизаціи и дикарей высшей культуры не могли не выработать въ рядѣ поколѣній психическихъ типовъ, соотвѣтствующихъ этимъ культурнымъ переживаніямъ.

Здѣсь совсѣмъ особо, можетъ быть, слѣдуетъ поставить одинъ типъ, едва-ли не восходящій къ зоологическимъ предкамъ человѣка (а не къ доисторическому періоду человѣчества), но обнаруживающійся достаточно ярко во всѣ періоды борьбы сознанныхъ интересовъ, не только не чуждый критической мысли, но употребляющій ея пріемы въ довольно значительной мѣрѣ и процвѣтающій до нашего времени, не смотря на свой древній источникъ, какъ чуть-ли не вполнѣ нормальный элементъ современной экономической конкурренціи. Это — типъ сознательныхъ хищниковъ, въ которыхъ вырабатывается умственная сила, совершенно разобщенная отъ чувства симпатіи и солидарности, и для кото-

рой общественность есть лишь средство достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. Выработку психической жизни хищныхъ млекопитающихъ можно возвести къ этому типу, такъ какъ эти звѣри, поставленные передъ животнымъ міромъ, вообще слабѣйшимъ чѣмъ они, направляли свою мысль преимущественно на цѣли нападенія и имѣли менѣе нужды прибѣгать къ орудію общежитія для поддержанія своего рода. Переживанію этого психическаго типа среди людей высшихъ культуръ и даже передовыхъ цивилизацій способствовала борьба интересовъ и классовая борьба въ историческое время, при чемъ сознательные процессы въ человѣкѣ могли получить замѣчательное развитіе при полномъ и сознательномъ отрицаніи не только пониманія идейной солидарности, но даже слабаго чувства ея. Это зоологическое переживаніе, развившееся на почвѣ пріемовъ критической мысли, всего пріятнѣе было-бы признать патологическимъ, если-бы изученіе фактовъ не склоняло къ убѣжденію, что здѣсь передъ нами совершенно нормальный элементъ конкурренціи, обусловливаемой патологическимъ общественнымъ строемъ, элементъ, противъ котораго борьба возможна лишь путемъ разрушенія этого самаго патологическаго строя.

Совсѣмъ иную группу представляютъ психическіе типы, выработавшіеся на почвѣ сосуществованія въ историческихъ обществахъ трехъ указанныхъ уже культурныхъ типовъ — пасынковъ цивилизаціи, дикарей высшихъ культуръ и интеллигенціи. Таковы, именно въ эпохи пробужденія критической мысли и протестовъ ею вызываемыхъ, во первыхъ, психическіе типы пасынковъ цивилизаціи, сознавшихъ возмутительность условій своей жизни, но тѣмъ не менѣе неспособныхъ подняться до протеста противъ этихъ условій. Въ средѣ дикарей высшей культуры мы имѣемъ, во вторыхъ, типы, которые не только лишены способности наслаждаться развитіемъ и чувствовать въ немъ потребность, но не доросли даже до общаго неопредѣленнаго чувства недовольства существующею рутиною общественной жизни. Наконецъ, въ третьихъ, въ сферѣ интеллигенціи, таковы деморализующіе типы союзниковъ общественнаго зла по вялости и бездѣятельности своей воли: эти люди пробудились къ потребности развитія и къ наслажденію ею; они сознаютъ до нѣкоторой степени тѣ вредныя условія жизни, которыя мѣшаютъ и имъ, и ихъ единомышленникамъ, удовлетворить этой потребности: однако они не обладаютъ при этомъ достаточною энергіей воли, чтобы перейти отъ этого

сознанія къ дѣятельному убѣжденію: они преувеличиваютъ въ воображеніи свое безсиліе бороться противъ подавляющей массы дикарей высшей культуры и успокоиваются лишь на бездѣятельномъ протестѣ противъ существующаго, на пассивномъ отвращеніи къ развращающей средѣ, на болѣе или менѣе пессимистическомъ міросозерцаніи; тѣмъ самымъ они, по своей инерціи и по отсутствію воли, становятся *фактически* союзниками защитниковъ той самой рутины обычая и той самой среды, которыя имъ внушаютъ отвращеніе Во всѣхъ этихъ категоріяхъ участниковъ въ Формахъ высшей цивилизаціи, среди которой работаетъ уже критическая мысль, — категоріяхъ, составляющихъ препятствіе раціональному приложенію послѣдней, — приходится признать переживанія психическаго строя, выработаннаго доисторическимъ періодомъ и комбинировавшагося съ новыми задачами общества. Послѣднія внесли чувство недовольства въ психическій строй и пасынковъ цивилизаціи, и интеллигента, лишеннаго воли воплощать свое критическое сознаніе въ жизнь. Но доисторическій міръ, не дозволявшій никому даже думать о протестѣ противъ обычая, продолжаетъ давить, какъ переживаніе, на психическую жизнь этихъ людей иной эпохи. Они страдаютъ новымъ недовольствомъ, но для нихъ — по недостатку пониманія у однихъ, по недостатку воли у другихъ — такъ-же немыслимъ дѣятельный протестъ, борьба за лучшее, какъ былъ немыслимъ для ихъ предковъ доисторическаго времени мятежъ противъ обычая. Это переживаніе составляетъ источникъ острыхъ страданій психическихъ, усиливающихъ страданія культурныя. для тѣхъ, кого эксплуатируетъ цивилизація, и для тѣхъ, которыхъ она пробудила къ жаждѣ высшихъ наслажденій, не выработавъ въ нихъ воли бороться за эти наслажденія. Но подобное переживаніе составляетъ совершенно естественный, нормальный элементъ психической жизни дикаря высшей культуры: ненормальность настроенія возникаетъ тутъ лишь съ того момента, когда и въ этомъ дикарѣ пробуждается недовольство наличною рутиною жизни. хотя и при отсутствіи всякой потребности развитія; подобное недовольство есть уже симптомъ болѣе или менѣе близкаго, болѣе или менѣе мучительнаго пробужденія къ исторической жизни.

Психическіе типы пасынковъ цивилизаціи, страждущихъ сознаніемъ своего приниженнаго положенія въ обществѣ, должны были появиться весьма рано въ историческое время, если даже они не выработались въ поздній періодъ ро-

дового быта. Это можно заключить изъ ряда мятежей эксплуатируемаго класса, ряда, который восходитъ ко времени самыхъ первыхъ историческихъ свидѣтельствъ, при чемъ нельзя не допустить, что фактическому мятежу должно было, въ большей части случаевъ, предшествовать накопленіе недовольства, какъ ни мало ясности мы можемъ ему приписать; и лишь изрѣдка мы можемъ себѣ представить мятежъ массъ, какъ совсѣмъ необдуманное увлеченіе толпы, подобное тѣмъ, о которыхъ здѣсь уже не разъ упоминалось.

Однако сравнительная рѣдкость подобныхъ мятежей, даже въ эпохи появленія критической мысли, вызываетъ убѣжденіе, что надъ типомъ недовольнаго пасынка цивилизаціи преобладаетъ всегда по числу психическій типъ такого-же пасынка цивилизаціи, но примирившагося со своей судьбою или вовсе не возмущающагося противъ нея. Точно такъ-же въ средѣ культурныхъ дикарей всѣхъ эпохъ всегда численно преобладаетъ психическій типъ такихъ, которые, вполнѣ приспособившись къ общественной рутинѣ, были недоступны никакому недовольству, даже самому неопредѣленному. Наконецъ можно, повидимому, признать вѣроятнымъ (хотя для этого собранныхъ историками свидѣтельствъ весьма недостаточно), что въ интеллигенціи всѣхъ историческихъ эпохъ гораздо бо́льшую часть составляли и составляютъ люди, которые глубоко страдали отъ сознанныхъ ими золъ окружающей ихъ среды, однако были неспособны, по недостатку воли, бороться противъ этихъ золъ, и лишь подъ вліяніемъ внѣшняго толчка, исходящаго отъ энергической личности какого-либо инициатора (далеко не всегда наиболѣе интеллигентнаго и передового) переходили отъ своего недѣятельнаго протеста и деморализующаго нытья о безъисходности социальнаго положенія, къ опредѣленной тактикѣ борьбы противъ общественнаго зла, тактикѣ, которая, во многихъ случаяхъ, оказывалась совсѣмъ не такою безнадежною, какъ она передъ тѣмъ казалась большинству этихъ пессимистовъ.

Нельзя впрочемъ, не сдѣлать здѣсь оговорку. Въ нашу эпоху, когда отсутствіе воли составляетъ чуть ли не господствующую психическую эпидемію именно въ прогрессивныхъ лагеряхъ, едва-ли не всякій изслѣдователь невольно склоненъ перенести результатъ наблюденій современниковъ на предшествующіе періоды, когда, можетъ быть, подобная эпидемія захватывала менѣе жертвъ

Слѣдовательно, историку мысли приходится констатировать слѣдующее общее явленіе. Нѣкоторыя культурныя переживанія доисторическаго періода вырабатывали въ каж-

домъ историческомъ народѣ три указанные общественные элемента (пасынковъ цивилизаціи, дикарей высшей культуры и интеллигенцію, стремящуюся отвоевать въ свою сферу мысли и жизни оба первые элемента); они-же обусловливали и переживаніе трехъ низшихъ психическихъ типовъ, соотвѣтствующихъ каждому изъ этихъ элементовъ; эти-же психическіе типы одинаково направляли работу своей мысли и формы своей жизни къ поддержкѣ и къ усиленію явленій, бывшихъ нормальными лишь въ доисторическій періодъ. Тогда, для поддержки строя, во всѣхъ своихъ элементахъ опиравшагося на обычай, было жизненнымъ элементомъ и отсутствіе протеста эксплуатируемыхъ противъ эксплуатаціи, и отсутствіе у огромнаго большинства всякаго недовольства противъ существующаго рутиннаго обычая; интеллигенція-же, съ ея требованіями, еще не существовала. Но въ эпохи пробужденія критической мысли всѣ три только-что упомянутые типа (невозмущающихся пасынковъ цивилизаціи, вполнѣ порабощенныхъ общественною рутиною дикарей высшей культуры, и лишенныхъ воли дѣйствовать членовъ интеллигенціи) не могли быть не только жизненными элементами развитія личности, упроченія и расширенія солидарности, но выступали какъ прямыя помѣхи всякаго прогресса. Передъ дѣятельною частью интеллигенціи возставали неотложныя задачи: вызывать возмущеніе пасынковъ цивилизаціи противъ общественныхъ формъ, обусловливающихъ ихъ эксплуатацію, и противъ ея представителей; пробуждать въ средѣ дикарей высшей культуры если не потребность развитія — къ которой они были неспособны — то, по крайней мѣрѣ, общее недовольство наличною рутиною жизни; наконецъ, противудѣйствовать въ средѣ интеллигенціи развитію деморализующей эпидеміи отсутствія воли къ жизненной борьбѣ за идеалы, уже отвоевавшіе себѣ признаніе въ мысли Противудѣйствіе этимъ психическимъ переживаніямъ было не менѣе важно для исторической интеллигенціи всѣхъ эпохъ, какъ и борьба противъ культурныхъ переживаній, о которыхъ говорилось въ предыдущихъ главахъ.

Но всѣ эти области переживанія доисторическаго человѣка въ историческое время относятся къ выработкѣ культурной среды и психическихъ наклонностей, которыя доставляли почву для продуктовъ мысли, обусловленныхъ въ то-же время и новыми задачами, возникавшими въ разныя эпохи. Въ этихъ продуктахъ очень разнообразно комбинировались

вліянія доисторической почвы, культурной и психической, и вліяніе новыхъ задачъ, при чемъ разница комбинацій зависѣла и отъ той области работы мысли, которой принадлежали разсматриваемые продукты. Иной результатъ мы наблюдаемъ въ эстетическомъ творчествѣ, имѣвшемъ возможность, болѣе или менѣе нормально ставить свои требованія и въ эпоху мамонта, и въ эпоху Эсхила, и въ эпоху Марсельезы; иной — въ религіозной фантазіи, бывшей жизненнымъ элементомъ общественной жизни лишь въ доисторическій періодъ; и опять иной — въ области философіи и знанія, едва-ли не всецѣло (по способу работы мысли) принадлежавшей историческому времени. Поэтому переживанія въ каждой изъ этихъ областей работы мысли удобнѣе разсматривать особо.

ГЛАВА IX

ПЕРЕЖИВАНІЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЛАСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

—

Различные фазисы эволюціи эстетической мысли

Украшеніе жизни. — Забава и высшее украшеніе жизни. — Орнаментовка и поиски наслажденій — (Примѣры переживаній въ этой области). — Развитые орнамента и забавы

Наслажденія общія съ животными — (Наслажденіе обжорствомъ — Половыя наслажденія) — Опьяненіе и экстазъ — Аскетизмъ — Идеализація обычныхъ психическихъ наклонностей

Наслажденіе общежитіемъ — Игрища и общественныя увеселенія — (Примѣры переживаній въ этой области) — Соціальная роль наслажденія общежитіемъ.

Наслажденіе игрою представленій

Пробужденіе нормальныхъ требованій эстетической мысли — Коллективное творчество — Роль пасынковъ цивилизаціи и народное искусство. — (Двѣ эпохи высшаго эстетическаго творчества) — Жизненные элементы позднѣйшаго эстетическаго творчества

—

Изъ всѣхъ областей мысли, пробуждающихъ потребность въ развитіи, мысль эстетическая, повидимому, обозначается со своими характеристическими особенностями всего ранѣе, и затѣмъ ея дѣятельность, по своей широтѣ и могуществу, подлежитъ наименьшимъ колебаніямъ. Почти неизбѣжно, вслѣдствіе своего существованія въ столь различные періоды жизни человѣчества, эстетическое творчество въ своей эволюціи должно представлять весьма различные фазисы, и если дѣло идетъ о переживаніяхъ болѣе ранняго изъ этихъ фазисовъ въ періодъ наступленія и преобладанія формы

творчества болѣе поздней, то приходится сперва разобрать, какіе элементы эстетическаго творчества обозначаютъ послѣдовательныя ступени неисторической и исторической жизни общества.

Самымъ общимъ изъ этихъ элементовъ приходится признать, вообще говоря, стремленіе къ удовольствію или къ *украшенію жизни* Оно восходитъ не только къ доисторическому, но прямо къ зоологическому періоду, къ первымъ проявленіямъ потребности въ нервномъ возбужденіи у существа, одареннаго нервною системою или даже разсѣяннымъ нервнымъ элементомъ Оно, въ своемъ наиболѣе обширномъ смыслѣ, охватываетъ не только всѣ процессы, которые имѣютъ болѣе или менѣе отношеніе къ дѣятельности художника, но всѣ низшія и высшія формы наслажденія, не исключая отсюда ни самыхъ безобразныхъ и противуестественныхъ влеченій маніака, ни наслажденія знаніемъ и пониманіемъ у ученаго и у философа, ни наслажденія нравственнымъ подвигомъ и жизненнымъ служеніемъ идеалу у героя общественнаго дѣла Здѣсь о *переживаніяхъ* собственно не можетъ быть и рѣчи. Стремленіе украсить жизнь есть самый *жизненный элементъ* всѣхъ ступеней эволюціи существъ, одаренныхъ нервною системою, и ихъ коллективныхъ организмовъ.

Украшеніе жизни, какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ фазисахъ культуры, представляется въ двухъ различныхъ формахъ. Это, во первыхъ, творчество индивидуальныхъ измѣненій внѣшности особи и ея жизненной обстановки (тѣло раскрашиваютъ, татуируютъ; къ нему привѣшиваютъ различные предметы; придумываютъ разнообразныя прически; изобрѣтаютъ уродованія, которыя въ глазахъ общества имѣютъ привлекательный характеръ; вводятъ въ употребленіе одежды разнообразнаго покроя и цвѣта, и украшенія, приспособляемыя къ этимъ одеждамъ и т. под.; измѣняютъ, въ виду большей привлекательности, формы оружія, орудій труда, домашней утвари, наконецъ жилища, и группируютъ, въ виду болѣе изящнаго впечатлѣнія, предметы природы, окружающіе это жилище). Это, во вторыхъ, творчество забавъ и увеселеній, индивидуальныхъ и коллективныхъ, въ виду непосредственнаго наслажденія различными нервными возбужденіями. Тотъ и другой способъ украшенія жизни восходитъ къ зоологическому міру: этотъ міръ представляетъ человѣку красивое опереніе птицъ или окрашиваніе мотыльковъ, созданныя природою для нѣкоторыхъ животныхъ въ виду таинственныхъ пріемовъ борьбы за существованіе,

до сихъ поръ не вполнѣ разгаданныхъ и которые человѣку приходилось замѣнить подобными-же украшеніями придуманными; наблюдается у иныхъ птицъ странная склонность собирать блестящіе предметы и возводить какъ-бы увеселительныя зданія; зоологическій міръ вырабатываетъ, наконецъ, область *игръ животныхъ*, которая въ самое послѣднее время становится предметомъ все болѣе тщательныхъ розысканій и обѣщаетъ, повидимому, доставить довольно важные вклады въ науку сравнительной психологіи путемъ сравненія этихъ игръ съ играми человѣка-ребенка и съ увеселеніями дикаря. Тотъ и другой способъ украшенія жизни въ то-же самое время распространяется и на самыя раціональныя формы высшей цивилизаціи: къ заботѣ объ украшеніи тѣла можно отнести сознательное направленіе физическаго воспитанія молодежи обоего пола на выработку наиболѣе нормальныхъ формъ тѣла, на доставленіе движеніямъ особи при каждомъ упражненіи наиболѣе ловкихъ и изящныхъ пріемовъ: или сюда-же относится направленіе вкусовъ общества въ обыденной жизни на наибольшую красоту и цѣлесообразность въ соединеніи съ изяществомъ въ покроѣ одежды и въ домашней обстановкѣ. Къ задачамъ высшей цивилизаціи относится и выработка въ личности способности наслаждаться все болѣе развивающими — а потому и высшими — пріемами забавы. Создается цѣлая область искуства — архитектура въ самомъ обширномъ смыслѣ этого термина, при чемъ представленіе о ея идеалахъ расширяется до стремленія обратить группировку жилищъ, садовъ, парковъ и естественныхъ особенностей каждой мѣстности въ наиболѣе изящный ландшафтъ, возвышающій настроеніе человѣка своимъ возбуждающимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ самые элементарные пріемы украшенія жизни путемъ того, что можно вообще назвать *орнаментовкою* и того, что входитъ въ область *поисковъ за наслажденіями* выступаютъ на разныхъ ступеняхъ развитія личности и общества съ весьма различными задачами. Стремленіе украсить жизнь остается на всѣхъ своихъ фазисахъ жизненнымъ элементомъ для личности и для общества, но модные способы этого украшенія въ данную эпоху могутъ представлять не только не развивающее начало для *этой* эпохи, но прямое и вредное переживаніе въ ней способовъ украшенія жизни, принадлежащихъ давно-минувшему фазису.

Такія переживанія можно наблюдать въ разныя историческія эпохи во многихъ случаяхъ и какъ пріемы орнамен-

товки доисторическаго періода и какъ наслажденія первобытныхъ дикарей, обратившіяся въ позднѣйшее время въ наслажденіе дикарей высшей культуры; наша эпоха въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія При этомъ можно еще констатировать, что въ области орнаментовки тѣла и одежды эволюція въ историческія эпохи была и осталась крайне незначительна

По отношенію къ орнаментовкѣ, какъ обычаи, такъ и моды разныхъ классовъ и группъ историческихъ націй представляютъ многочисленныя и характеристическія свидѣтельства въ подтвержденіе сказанному Такъ, роскошь, весьма часто соединенная съ безвкусіемъ въ костюмахъ, присвоенныхъ разнымъ учрежденіямъ, придворнымъ чинамъ, въ особенности военнымъ вошла на столько въ обычаи что во всѣ историческія эпохи—и въ наше время въ томъ числѣ—кажется многимъ даже страннымъ если глава самостоятельной державы не обвѣшивается блестящими украшеніями орденскихъ знаковъ художники вмѣстѣ съ публикою испытываютъ будто бы эстетическое наслажденіе отъ картины процессій состоящихъ изъ костюмированныхъ представителей государственной власти или номинальныхъ органовъ цивилизаціи, при чемъ всего выше цѣнятся блескъ и пестрота удобство же и цѣлесообразность костюма не играютъ никакой роли Не всегда проявляется особенно изящно и въ женскихъ костюмахъ господствующихъ классовъ то царство дорого стоющихъ „тряпокъ", которое играетъ такую важную роль въ жизненныхъ заботахъ царицъ современныхъ салоновъ, какъ это было и въ предшествующія эпохи. Искать сколько нибудь развивающій элементъ въ этой случайной смѣнѣ одной нелѣпой моды другою, не менѣе нелѣпою, было-бы совершенно напрасно. Но иныя изъ этихъ модъ еще болѣе опредѣленно сближаютъ новѣйшую орнаментовку тѣла съ эстетическими вкусами низшихъ дикарей Уши сторонницъ „феминизма" нашего времени, такъ энергически воюющихъ за умственное развитіе и за политическія права женщинъ большею частью проколоты для ношенія серегъ съ такою же покорностью модѣ, какъ носы и зубы ихъ сестеръ Индійскаго океана Тому нѣкоторое время о богачкахъ Нью Іорка разсказывали, что онѣ вставляютъ алмазы въ опиленные для этого зубы Волосяныя постройки на головахъ маркизъ стариннаго версальскаго двора и женъ биржевиковъ новаго Лондона или Парижа составляли и составляютъ прямую аналогію подобнымъ же постройкамъ меланезійцевъ. Наконецъ, въ тѣ самые мѣсяцы, когда пишутся эти строки, газеты сообщаютъ, что среди господствующихъ классовъ Англіи распространяется мода на художественную татуировку (воспроизводятся будто-бы картины великихъ художниковъ) тогда какъ татуировка среди матросовъ цивилизованныхъ странъ и въ рабочемъ классѣ большихъ городовъ составляетъ уже давно явленіе вошедшее въ обычай Въ этомъ случаѣ эта мода наглядно сближаетъ особи остающіяся внѣ исторіи по тѣмъ тремъ причинамъ, которыя указаны выше Она настолько не нова въ европейской цивилизаціи что тому уже нѣсколько лѣтъ встрѣчалось печатное сообщеніе о сынѣ императрицы Индіи, зятѣ русскаго императора и нынѣ царствующемъ герцогѣ самостоятельной нѣмецкой державы, будто бы онъ выдержалъ сильный припадокъ лихорадки изъ за удовольствія украсить свое тѣло неизгладимымъ изображеніемъ змѣи и двухъ кузнечиковъ.

Украшеніе предметовъ жизненной обстановки выработало

прежде всего разнообразный *орнаментъ*, начиная съ геометрическаго орнамента, не идущаго далѣе комбинаціи прямыхъ линій (какъ наблюдаютъ почти исключительно въ Австраліи) до изящной сложности орнамента въ Полинезіи, отъ котораго не особенно далеко ушла эта отрасль украшенія предметовъ и у историческихъ народовъ

Въ области *забавъ* можно прослѣдить болѣе значительную эволюцію Первое дифференцированіе въ этой области обнаруживается въ раннее доисторическое время, какъ противуположеніе *забавы* дѣйствію обязательному, выводящему особь или группу особей изъ сферы обыденныхъ поступковъ въ другую область, которая для воображенія дикаря есть какъбы область высшая, первый толчекъ къ наслажденію развитіемъ На сколько наблюденія неисторическихъ народовъ позволяютъ заключить, эта сфера *высшаго* украшенія жизни, отличная отъ простой забавы, представляется намъ въ это время какъ сфера *религіознаго* творчества. Во многихъ случаяхъ, для изслѣдователя психики дикарей трудно отличить, что̀ передъ нимъ: форма-ли общественнаго увеселенія, или обрядъ, имѣющій цѣлью общеніе людей съ невидимыми, могучими существами, магическій пріемъ принужденія умершихъ предковъ, духовъ-властителей стихій, или боговъ съ болѣе выработанною личностью, исполнить желаніе людей, совершающихъ обрядъ. Иногда это, повидимому, и то и другое вмѣстѣ. На позднѣйшей ступени доисторическаго быта дифференцированіе уже совершилось Такимъ оно переходитъ въ историческую жизнь обособленныхъ цивилизацій, и смѣшеніе забавы съ обрядомъ, совершаемымъ съ магическою цѣлью общенія съ богами, есть уже тогда ничто иное, какъ переживаніе доисторическаго строя мысли.

Разъ эти двѣ сферы дифференцировались, немедленно въ каждой изъ нихъ, въ свою очередь, совершается эволюція, первые фазисы которой восходятъ къ раннему доисторическому времени (иногда даже къ болѣе раннему, чѣмъ достовѣрные слѣды упомянутаго дифференцированія), а позднѣйшіе составляютъ особенность не только исторической жизни, но довольно позднихъ періодовъ послѣдней.

Низшій слой наслажденій, не имѣющихъ ничего общаго съ возвышающимъ процессомъ мысли, коренится въ животныхъ инстинктахъ и эти наслажденія общи человѣку съ низшими животными. Человѣкъ ихъ лишь разрабатываетъ своею фантазіею, отсутствующею у его близкихъ или дальнихъ зоологическихъ сродниковъ. Сами эти инстинкты суть

неизбѣжные *жизненные элементы* существованія всякой группы особей, способныхъ къ нервному возбужденію. Но, въ направленіи работы фантазіи именно на сферу этихъ животныхъ инстинктовъ, заключается возможность и ненормальныхъ, патологическихъ процессовъ въ особи, и переживаній низшихъ формъ наслажденій въ періодъ, которому, вообще говоря, доступны и высшія Здѣсь можно, повидимому, различить два слоя переживаній, возникающихъ на разныхъ ступеняхъ развитія мысли; при чемъ эти слои, съ перваго взгляда, противуположны, но, въ сущности, имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ, именно преувеличенное значеніе, придаваемое низшимъ инстинктамъ личностью или обществомъ, которымъ уже доступны побужденія къ развитію вообще и къ высшимъ идеаламъ въ частности

Первый изъ этихъ слоевъ восходитъ къ самой ранней дѣятельности человѣка-животнаго Это — почти исключительное представленіе объ украшеніи жизни въ формѣ наслажденія обжорствомъ, пьянствомъ и сладострастіемъ; въ подобныхъ представленіяхъ можно прослѣдить непрерывную связь мотивовъ дѣйствія дикаря, объѣдающагося кускомъ мяса кита, по гніющему трупу котораго онъ ползетъ, съ побужденіями культурнаго raffiné, размышляющаго надъ составомъ обѣда, который онъ заказываетъ у Маргэри; связь продуктовъ фантазіи эротическаго маніака, выработавшаго въ себѣ противуестественныя наклонности, — со скабрезною пьесою парижскаго или берлинскаго café chantant'a и съ литературою тѣхъ романовъ, гдѣ женщина фигурируетъ исключительно въ роли болѣе или менѣе красивой самки, внушающей чувственное вожделѣніе

Для безобразныхъ явленій наслажденія дикаря обжорствомъ до „опьяненія“ см „Опытъ“ 795 и слѣд Но легко признать вѣрность положенія нѣкоторыхъ современныхъ социологовъ, что для значительнаго числа личностей, принадлежащихъ къ такъ называемымъ „управляющимъ классамъ“ цивилизованныхъ націй, „удовольствіемъ изъ удовольствій“ было и осталось „наслажденіе перевариваніемъ“, украшенное нѣсколькими „пріятными вкусовыми ощущеніями“ Грубыя формы обжорства, которыя мы встрѣчаемъ въ средневѣковой Европѣ, мотовство Лукулловъ античнаго міра на пиры, вызывавшее сатиры Петронія и Ювенала (и, повидимому, даже отличавшееся скорѣе цѣнностью подаваемыхъ блюдъ, чѣмъ кулинарнымъ достоинствомъ) и тонкіе обѣды, вызывавшіе и вызывающіе у Брилья-Савареновъ и у ихъ преемниковъ, Feinschmäcker'овъ, лирическій восторгъ,—въ сущности были переживаніемъ одного и того-же элементарнаго стремленія, вполнѣ доступнаго и самому грубому дикарю, именно стремленія наѣсться какъ можно болѣе, такъ чтобы этотъ процессъ доставилъ не страданіе, а удовольствіе Усовершенствовалась лишь техника способовъ удовлетворенія этому стремленію. — Наслажде-

ния половыя представляютъ также, *какъ таковыя*, формы украшенія жизни, нисколько не отличающіяся, въ сущности, у дикаря низшей или высшей культуры или даже у члена передовой интеллигенціи, съ тою лишь разницею, что эти наслажденія обнаруживаютъ у однихъ особей повторяющійся чисто-біологическій процессъ, у другихъ входятъ, какъ здоровый но второстепенный элементъ въ аффективный комплексъ гдѣ главную роль играетъ эстетическій выборъ, идейная симпатія и общее жизненное дѣло, наконецъ, у третьихъ, вырабатывая людей „половаго типа", у которыхъ процессъ мысли обычно направленъ на наслажденія этого рода, оказываются вредными и развращающими переживаніями, постепенно сближающимися со строемъ мысли эротическаго маніака

Къ области близкой наслажденію обжорствомъ приходится отнести наслажденіе опьяненіемъ, однако оно требуетъ особеннаго разсмотрѣнія. Какъ опредѣленная форма возбужденія нервовъ, оно встрѣчается во всѣ эпохи, но его приходится отнести къ вреднымъ переживаніямъ въ историческое время, вслѣдствіе того, что въ эти періоды оно утратило даже ту роль, которая была, до нѣкоторой степени, нормальна на первыхъ ступеняхъ культуры дикаря. Выше было указано, что лѣнь мысли была однимъ изъ основныхъ препятствій переходу человѣка къ исторической жизни Эту лѣнь мысли побѣждало на низшей ступени общественнаго развитія лишь экстатическое состояніе. Оно вызывалось въ очень раннее время быстрыми и шумными движеніями, ритмическими плясками и звуками, непроизвольно-ритмическою патетическою рѣчью, наконецъ увлеченіемъ игры, охоты, битвы и т. под. неразсчитанными рефлексами. Всѣ эти формы экстаза, какъ нервнаго возбужденія, имѣли мѣсто у ранняго дикаря и получили въ сознаніи человѣка опредѣленное мѣсто, какъ удовольствіе. Однако всѣ онѣ вызывали экстазъ лишь не настолько быстро, чтобы переходъ отъ обычнаго настроенія къ экстатическому совершился вполнѣ наглядно для дикаря — плохого психологическаго наблюдателя. Но именно экстазъ, быстро и наглядно возникающій и проходящій, былъ результатомъ опьяняющихъ напитковъ, вдыхаемыхъ газовъ и т. под. Для первобытнаго дикаря, въ процессѣ дѣйствія „ядовъ мысли" на мозгъ, первый періодъ ихъ дѣйствія, характеризованный ускореннымъ усвоеніемъ и ускоренною ассоціаціею представленій, получилъ первостепенную важность Тупая и лѣнивая мысль дикаря при этомъ впервые испытала наслажденіе состояніемъ, когда она внезапно становилась яснѣе и дѣятельнѣе. Человѣкъ впервые узналъ, что онъ можетъ иногда сдѣлаться психически выше, чѣмъ въ обыкновенныхъ процессахъ жизни и что въ этомъ психическомъ поднятіи существуетъ для него своеобразное наслажденіе.

Этотъ экстазъ содѣйствовалъ и общенію людей, усиливая удовольствіе его. Идеалъ болѣе быстрой и могучей общественной дѣятельности, болѣе живого и пріятнаго общенія съ другими людьми возсталъ, вѣроятно, впервые передъ грубымъ дикаремъ первоначальнаго родового быта въ формѣ пьянаго экстаза Наслажденіе процессомъ оживленія мысли и солидарнаго общенія сдѣлалось наглядно въ этомъ полуживотномъ строѣ мысли. Отсюда потребность возобновленія экстатическаго состоянія, большее вниманіе, обращенное на *иные* источники экстаза, для которыхъ пьяный экстазъ становился основнымъ типомъ Открывалась возможность, при помощи этихъ *иныхъ* источниковъ, побѣдить намѣренно лѣнь мысли, открывалась широкая перспектива наслажденія развитіемъ, интеллектуальныхъ наслажденій разнаго рода, а, слѣдовательно, и возможность исторической жизни. Тамъ, гдѣ обычное опьяненіе (возможное, по всей вѣроятности, лишь при техникѣ родового быта) не вело къ вырожденію и къ вымиранію, оно дѣлалось возможною почвою прогресса для дикаря. Но какъ только интеллектуальные источники экстаза сдѣлались доступными людямъ, а родовая солидарность скрѣпила общежитіе, вызывая и новые продукты творчества общественныхъ формъ, немедленно пьяный экстазъ оказался безусловно-вреднымъ переживаніемъ, отклоняющимъ особь отъ болѣе нормальныхъ источниковъ наслажденія развитіемъ, вносящимъ—въ фазисѣ отупѣнія, неизбѣжно слѣдующемъ за первымъ—въ интеллектуальную дѣятельность неизбѣжную атрофію и заслоняющимъ нелѣпымъ братаньемъ пьяныхъ собутыльниковъ реальную солидарность людей одинаковаго развитія и сходныхъ жизненныхъ цѣлей. Въ этой деморализующей роли яда мыслей", вызывающей фатально вырожденіе, наслажденіе пьянымъ экстазомъ проходитъ черезъ всѣ періоды исторіи, становясь прямою противуположностью роли борца противъ лѣни мысли у первобытнаго человѣка У пасынка цивилизаціи всѣхъ періодовъ этотъ экстазъ является естественнымъ украшеніемъ жизни, когда эксплуатація господствующихъ классовъ сдѣлала для этихъ пасынковъ недоступными другіе пріемы ея украшенія.

Второй слой переживаній, тоже обусловливаемый чрезмѣрною важностью, придаваемой мыслью историческаго человѣка элементарнымъ біологическимъ побужденіямъ и потребностямъ, связанъ съ нѣсколько болѣе позднимъ процессомъ мысли, именно съ упражненіемъ задерживающихъ центровъ у человѣка, съ его сознаніемъ, что онъ можетъ бо-

роться противъ инстинктовъ и побѣждать ихъ. Тогда подавленіе низшихъ инстинктовъ, даже въ ихъ здоровыхъ отправленіяхъ, представлялось подвигомъ, возвышавшимъ достоинствомъ личности; на ихъ подавленіе направилась вся работа фантазіи; продолжительное голоданье, полное отчужденіе половъ, изысканная забота о томъ, чтобы лишить себя всякаго элементарнаго комфорта, аскетизмъ въ самыхъ нелѣпыхъ формахъ — составляютъ элементъ достоинства подвижника, факира, шамана. Идейное требованіе болѣе или менѣе полнаго самообладанія и устраненія всякаго внѣшняго проявленія аффекта проявляется уже какъ модный идеалъ личнаго достоинства у краснокожаго; переходитъ, какъ обязательная форма приличнаго поведенія, къ посѣтителямъ новѣйшихъ аристократическихъ и капиталистическихъ салоновъ; а у древнихъ стоиковъ выступало, какъ философское требованіе *дѣйствительнаго* подавленія аффектовъ вообще разумомъ. Передъ нами какъ будто элементъ возвышающей работы мысли, но, въ сущности, преобладающее значеніе, которое придается подавленію низшихъ инстинктовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ, намѣренно практикующій крайній аскетизмъ (есть-ли это негритянскій колдунъ, индусскій служитель Шивы или христіанскій столпникъ, босоногій капуцинъ и т. под.), считаетъ *главнымъ* вопросомъ мысли и жизни вопросъ о низшихъ инстинктахъ, которые въ его воображеніи заслоняютъ и задачи личнаго развитія, и задачи солидарности между людьми.

Направленіе фантазіи преимущественно на наслажденія, общія человѣку съ животными, совершенно нормально до пробужденія критической мысли, и лишь послѣдняя можетъ противудѣйствовать опасности вырожденія, которая грозитъ обществу, гдѣ господствуетъ подобное направленіе фантазіи. Когда же въ данной коллективности людей критическая мысль начала работать — слѣдовательно, въ эпоху появленія болѣе или менѣе научныхъ системъ философіи и универсалистическихъ идеаловъ религіозныхъ и нравственныхъ,—тогда приходится видѣть ничто иное, какъ переживанія строя мысли допсторическаго дикаря и въ фактическихъ украшеніяхъ жизни обжорствомъ, пьянствомъ и чувственнымъ сладострастіемъ, и въ направленіи фантазіи художниковъ исключительно или преимущественно на эти формы наслажденій

Огромная доля произведеній художественныхъ, —при чемъ иныя изъ нихъ принадлежатъ къ образцовымъ продуктамъ эстетической техники — суть, по своему идейному содержа-

нію, ничто иное, какъ переживанія инстинктовъ самаго жалкаго дикаря, прославленныхъ художниками, около которыхъ кипѣла борьба за убѣжденія и за солидарность, но которые предпочитали, подъ вліяніемъ низшихъ переживающихъ побужденій, идеализировать пьянство и чувственность въ ихъ самыхъ низменныхъ формахъ Нѣсколько меньшую долю, по числу произведеній ими вызванныхъ, играетъ въ эволюціи искуства прославленіе и идеализированіе аскетизма въ его болѣе или менѣе безобразныхъ извращеніяхъ человѣческой натуры. Но слѣдуетъ помнить, что и его идеализація есть не иное что, какъ переживаніе преобладающей роли, придаваемой воображеніемъ первобытнаго человѣка удовлетворенію животныхъ инстинктовъ Какъ идейная задача въ своей эстетической разработкѣ и въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ, аскетизмъ прямо противурѣчитъ тому требованію іерархіи наслажденій съ точки зрѣнія ихъ содѣйствія или противудѣйствія развитію, которое составляетъ одно изъ первыхъ приложеній работы критической мысли къ вопросамъ жизни

Къ зоологической эпохѣ восходитъ для человѣка, какъ и для всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами — наслажденіе общеніемъ съ другими особями (помимо физіологическихъ потребностей), коллективнымъ нервнымъ возбужденіемъ, коллективнымъ аффектомъ и коллективною работою мысли При этомъ гораздо болѣе значительную роль, какъ процессамъ, подготовляющимъ въ особи нужные ей въ послѣдствіи инстинкты и наклонности, надо придать коллективнымъ играмъ, забавамъ и увеселеніямъ (коллективныя игры восходятъ даже къ зоологическому міру)*), чѣмъ позднѣйшимъ общимъ заботамъ и общему дѣлу, такъ какъ привлекательное болѣе связываетъ людей, чѣмъ полезное

Отсюда огромная роль, которую имѣютъ у неисторическихъ племенъ общественныя пляски и общественныя торжества и ихъ тѣсная связь съ первобытными вѣрованіями, до того, что съ различіемъ плясокъ у разныхъ племенъ связывается въ однѣхъ мѣстностяхъ это племенное различіе, въ другихъ — различіе вѣровзній и переходъ отъ одного вѣрованія къ другому; при этомъ очень часто пляски имѣютъ чисто-магическій характеръ, въ другихъ-же случаяхъ онѣ входятъ, какъ невыдѣлимый элементъ, въ торжество или въ обрядъ, которому въ его цѣломъ можно приписать скорѣе

*) Ср. „Оп пст м" стр. 365, 379 и др

драматическій характеръ Этотъ до-историческій элементъ пляски и драматическаго представленія, какъ въ формѣ серьезнаго обряда, такъ и обычной забавы, совершенно естественный у доисторическаго человѣка, мы встрѣчаемъ, какъ переживаніе, не только у обособленныхъ историческихъ народовъ, но и въ культурѣ универсалистической, гдѣ обрядъ стремится получить нравственный характеръ и религіозныя представленія какъ бы недопускаютъ ничего комическаго Здѣсь этотъ до-историческій элементъ, разсматриваемый отдѣльно, насъ возмущаетъ, какъ страшное переживаніе, но находитъ себѣ удобное объясненіе именно въ этомъ процессѣ переживанія, проявляясь то въ самомъ составѣ религіознаго ритуала, то въ свѣтскихъ увеселеніяхъ, которыя легко принять какъ-бы за осмѣяніе религіи, господствующей надъ всѣми отраслями общественной культуры и мысли.

Для роли пляски у доисторическихъ народовъ см „Оч " 1161 и слѣд — Въ древней Греціи произошла уже дифференцировка религіозно обрядныхъ плясокъ отъ элементовъ свѣтской забавы, но, по свидѣтельству Лукіана и другихъ писателей, пляска входила въ составъ ритуала всѣхъ греческихъ мистерій Крупную роль пляска играла и въ религіозной обрядности Индостана Для древнихъ евреевъ достаточно напомнить сказаніе о пляскѣ Давида Но пляска входила довольно долго и въ обычный ритуалъ католическихъ празднествъ во многихъ мѣстностяхъ западной Европы Существуютъ свидѣтельства, что въ Шалонѣ на Сонѣ пляска канониковъ была запрещена лишь въ 1577 г, но фактически продолжалась до конца XVIII-го вѣка, что діаконы совершали священную пляску въ церкви въ Мендѣ (Лозеръ) до конца XVII вѣка, что попытка нарушить подобный-же старинный обычай въ Оксерѣ въ 1471 г вызвала общественный протестъ Иные изслѣдователи, ссылаясь на свидѣтельство духовныхъ католическихъ лицъ, утверждаютъ, что до настоящаго времени священники собирающіеся въ Баржоль (Варъ) 16 янв совершаютъ обрядъ пляски и что церковная служба прерывается на другой день въ церкви хоровымъ пѣніемъ пѣсни о „внутренностяхъ" (tripettes), въ которой представленія о внутренностяхъ быка, убиваемаго въ этотъ день (внутренностяхъ, предоставляемыхъ молодежи въ виду плодороднія браковъ) смѣшиваются съ представленіемъ о реликвіяхъ св Маркела (тоже внутренностяхъ), посланныхъ будто-бы папою въ Баржоль Эта-же пѣсня о tripettes повторяется и во время процессіи, слѣдующей за мессою, чѣмъ чаще это повторяется, тѣмъ большаго плодородія земли ждутъ въ наступающій годъ Подобное же свидѣтельство существуетъ для Бордо, (въ вербное воскресенье), для Эхтернаха въ Бельгіи (гдѣ до 1786 года совершалась, а за тѣмъ въ 1790—1805 была возобновлена съ большою помпою процессія, въ которой участвовавшіе дѣлали поочередно 3 шага впередъ и 2 назадъ), для другихъ мѣстъ Бельгіи, для Мадрида до настоящаго времени, для Прама въ Баваріи и т. под.

Впродолженіи всѣхъ Среднихъ Вѣковъ имѣло мѣсто шутовское празднество подъ названіемъ празднества безумцевъ, невинныхъ и т под, преимущественно около дня Рождества Христова при чемъ грубое шутовство направлено было какъ-бы на осмѣяніе церковныхъ обрядовъ,

всемогущаго духовенства (при выборѣ аббата, епископа или папы безумцевъ), но и юристовъ (въ Англіи) Духовенство принимало въ этихъ шутовскихъ праздникахъ дѣятельное участіе Въ Испаніи это участіе продолжалось до XVIII вѣка. Въ иныхъ мѣстностяхъ празднество было связано въ народѣ съ обрядомъ, прямо указывавшимъ на доисторическую культуру (какъ похороны масляницы и т под) Рядомъ съ подобными явленіями, въ которыхъ большею частью приходится признать большее или меньшее участіе религіознаго элемента, съ теченіемъ времени все чаще встрѣчаются организаціи группъ, ставящихъ себѣ сознательно цѣлью свѣтское увеселеніе, тутъ уже предъ нами почва на которой могли вырабатываться болѣе здоровые и развивающіеся общественныя увеселенія, тогда какъ во всемъ предыдущемъ трудно признать что либо внѣ переживаній, вредныхъ какъ для культуры, среди которой мы констатируемъ подобныя явленія такъ и для общественнаго прогресса вообще.

Однако наслажденіе общеніемъ является почвою для самыхъ разнообразныхъ общественныхъ явленій. Здѣсь — соціальная роль и самыхъ грубыхъ общественныхъ забавъ, и самыхъ торжественныхъ религіозныхъ обрядовъ, и самыхъ внушительныхъ общественныхъ церемоній, и цѣлой области художественныхъ произведеній, сознательно или безсознательно имѣющихъ главною цѣлью коллективный процессъ мысли, аффективный или интеллектуальный. Поэтому, коллективное удовольствіе приходится разсматривать какъ *жизненный элементъ* эстетическаго наслажденія всѣхъ эпохъ; но его отношеніе къ развитію вообще было и осталось очень различно.

Оно вноситъ элементъ солидарности въ безсмысленную попойку и этотъ элементъ можетъ, при другихъ условіяхъ, дать почву болѣе разумному общественному союзу. Оно вырабатываетъ, на почвѣ простѣйшихъ явленій общежитія, сознаніе личнаго достоинства среди особей слабаго развитія, подъ вліяніемъ общенія ихъ съ личностями, принадлежащими къ интеллигенціи, способными вызвать подражаніе и оказать внушеніе въ прогрессивномъ направленіи. Оно, въ сферѣ творчества идейныхъ произведеній искуства, путемъ художественнаго угадыванія, проводитъ въ большинство, еще не достаточно воспріимчивое къ великимъ задачамъ времени въ ихъ критической формулировкѣ, сознаніе этихъ задачъ и сочувствіе къ нимъ въ художественныхъ образахъ, доступныхъ гораздо большему числу личностей, особенно въ публикѣ зрителей и читателей, заключающей уже элементъ интеллигенціи.

Однако, параллельно съ предыдущимъ, въ общественныхъ увеселеніяхъ и въ художественномъ творчествѣ, обусловливае-

мыхъ присутствіемъ въ обществѣ преобладающаго большинства дикарей высшихъ культуръ, это самое наслажденіе общеніемъ въ жизни и въ мысли, усиливаетъ вліяніе этого большинства, поддерживаетъ и въ интеллигенціи привычки общенія и забавъ, понижающихъ и мысль, и энергію этой интеллигенціи, и создаетъ цѣлый комплексъ обычаевъ и модъ въ сферѣ мысли и жизни, литературныхъ и художественныхъ произведеній, стремящихся удержать общество на уровнѣ дикарей высшей культуры, въ немъ численно господствующихъ

Ни усиленіе, ни ослабленіе стремленія къ общенію не можетъ быть, по этому, признано цѣлью прогрессивной дѣятельности интеллигенціи, но ея старанія неизбѣжно направляются на то, чтобы дать существующимъ формамъ общежитія роль, наиболѣе соотвѣтствующую задачамъ этой интеллигенціи.

Фактически, это развивающее вліяніе идейнаго элемента интеллигенціи на пріемы обычныхъ коллективныхъ наслажденій большинства остается одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ историческаго меньшинства, и исторія представляетъ гораздо болѣе примѣровъ тому, что послѣднее, въ эпохи самаго энергическаго служенія идеѣ, поддавалось въ области общественныхъ удовольствій самымъ пошлымъ и чистопатологическимъ привычкамъ большинства современниковъ, чѣмъ примѣровъ другого рода, когда историческое меньшинство, своимъ примѣромъ и вліяніемъ, побуждало современниковъ поднять идейный уровень своихъ пріемовъ украшенія жизни Отсюда, черезъ всѣ историческіе періоды проходитъ коллективное признаніе эстетически-красивыми самыхъ нелѣпыхъ модъ, а въ нѣкоторыя эпохи—и даже самыя блестящія—идеализированіе явленій, возмутительныхъ или своею жестокостью или своею противуестественностью. Отсюда — опять таки во всѣ періоды — примѣры безсмысленнаго увлеченія толпы, изрѣдка неразсудительнымъ энтузіазмомъ, чаще—безобразною жестокостью, при чемъ высшіе представители интеллигенціи оказывались столь-же мало способными противустоять безсмысленной волнѣ коллективнаго аффекта, какъ и самые жалкіе экземпляры толпы. Отсюда громадная литература и длинный рядъ зрѣлищъ, вызывавшихъ восторгъ толпы и не имѣвшихъ ни малѣйшаго слѣда эстетическаго, а тѣмъ менѣе идейнаго достоинства. Переживанія въ историческое время наслажденія именно пошлымъ элементомъ общественныхъ забавъ, свойственнаго доисторче-

скому человѣку, для котораго не существуетъ влеченія къ развитію, такъ часты и обыкновенны, что на подобное явленіе достаточно указать мимоходомъ.

Именно въ этой массѣ *не*эстетическихъ и прямо *противу*эстетическихъ увеселеній и патетическихъ возбужденій господствуетъ, какъ самое старинное наслажденіе дикаря и ребенка, наслажденіе смѣною представленій, игрою въ представленія, при чемъ осмысленность этой смѣны и этой игры занимаетъ совершенно второстепенную роль. Эти формы творчества опускаются до уродливыхъ подробностей восточной или негритянской сказки и рыцарскаго романа позднихъ среднихъ вѣковъ. Но они представляютъ въ фельетонныхъ повѣстяхъ „Petit Journal“ или „London Journal“ нисколько не болѣе осмысленный рядъ приключеній, хотя въ немъ отсутствуетъ фантастическій элементъ. Лишь изрѣдка мы встрѣчаемъ здѣсь продукты чисто-художественной фантазіи великихъ артистовъ слова, съумѣвшихъ вложить въ пестрый рядъ фантастическихъ событій или неожиданныхъ приключеній Орландо, Жильблаза, Донъ-Кихота или Имогены и живыя чувства, и трезвую мысль, и эстетическую гармонію. Въ самыхъ пошлыхъ, какъ и въ самыхъ великихъ изъ этихъ произведеній, совершенно независимо отъ ихъ художественнаго или идейнаго достоинства—оцѣнка котораго доступна лишь изощренному вкусу и развитой мысли—огромное большинство, доставившее этимъ произведеніямъ популярность, наслаждается однимъ и тѣмъ-же: интересомъ смѣны яркихъ представленій, вызывающимъ смѣну патетическихъ настроеній Для массы слушателей, взволнованныхъ разсказами сказителей и пѣвцовъ въ Бретани, въ Капрѣ, въ хижинѣ эскимосовъ*), для читателей романовъ Феваля, Габорію или Ушльки Коллинза, для плачущихъ зрителей „Closerie des Genets“, какъ для хохочущей публики Лондона, когда остроты клоуна у Шекспира смѣняютъ сцены, потрясающія своимъ патетизмомъ и величіемъ — источникъ наслажденія именно въ этой смѣнѣ. Она представляетъ для всѣхъ дикарей высшей и низшей культуры общую эстетическую почву, которая—разъ мы признали нормальность переживанія этого слоя особей въ высшей цивилизаціи — есть *для тѣхъ* нормальное явленіе и, пожалуй даже, жизненный элементъ. Но, для интеллигенціи всѣхъ историческихъ временъ, участіе въ этомъ родѣ наслажденій должно быть не-

*) См „Ос. чет м.“ стр. 1371 и сл.

избѣжно отнесено къ переживанію привычекъ мысли дикаря у человѣка, въ другихъ отношеніяхъ живущаго исторической жизнью; возможность для развитыхъ людей высшей цивилизаціи наслаждаться пошлымъ фарсомъ, чисто-случайнымъ сцѣпленіемъ необычныхъ событій — даже въ художественномъ произведеніи — волноваться патетизмомъ небывалыхъ или даже невозможныхъ положеній — есть ничто иное, какъ болѣзненное явленіе въ жизни обществъ, оно мѣшаетъ обществу развиваться не только въ направленіи яснаго пониманія міра и человѣка, въ направленіи реально-нравственныхъ идеаловъ и соціальныхъ задачъ, но мѣшаетъ еще развиваться и въ направленіи истинныхъ эстетическихъ цѣлей правдиваго угадыванія и живой передачи явленій, процессовъ и событій; а также въ направленіи идейнаго воспитанія общества путемъ этого — весьма часто безсознательнаго — угадыванія

Тѣмъ не менѣе эстетическая мысль съ ея нормальными требованіями повидимому начинаетъ работать весьма рано, при самыхъ элементарныхъ пріемахъ техники Стремленіе къ эстетической правдивости въ передачѣ событій и настроеній можно констатировать и у нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ народныхъ сказителей и пѣвцовъ Нѣтъ основанія не допустить, что подобное-же стремленіе имѣло мѣсто въ тѣхъ первобытныхъ формахъ драматической пляски-пантомимы, сопровождаемой или несопровождаемой лирическимъ пѣніемъ-разсказомъ, изъ которыхъ обособились и позднѣйшіе танцы-увеселенія, и позднѣйшая эпика или драма, и позднѣйшая лирика, которыя сами, можетъ быть, развились изъ ранней коллективной игры. По большей или меньшей способности охранить этотъ элементъ эстетической правдивости или по склонности способствовать его атрофіи разныя отрасли искуства имѣли разную судьбу: одна изъ самыхъ всеобъемлющихъ и самыхъ распространенныхъ первобытныхъ отраслей, пляска, исказилась до нынѣшнихъ безсмысленныхъ салонныхъ танцевъ и нынѣшнихъ балетовъ, почти сполна разсчитанныхъ на возбужденіе наиболѣе низменной чувственности; съ другой стороны искуство слова обнаруживаетъ все съ большею очевидностью свою способность соединить осуществленіе изящной формы и идейнаго содержанія съ болѣе выработанною и точною эстетическою правдивостью, при чемъ становятся все менѣе нужными прежнія пособія мимики, музыки, асонансовъ, рифмы и даже самого ритма и все болѣе можно ожидать, что эта отрасль эстетическаго

творчества въ значительной мѣрѣ замѣнитъ или заслонитъ въ будущемъ всѣ прочія. Уже съ большею опредѣленностью раннее стремленіе къ эстетической правдивости обнаруживается въ другихъ отрасляхъ творчества. Компетентные цѣнители признаютъ въ пещерномъ человѣкѣ, изображавшемъ сѣвернаго оленя или мамонта на кускѣ кости, правомѣрнаго духовнаго праотца великихъ художниковъ Греціи и новой Европы, по ихъ общему стремленію къ правдивости въ восприятіи и въ передачѣ предметовъ, а позже и настроеній; и *это*-же самое стремленіе отличаетъ, какъ вѣчный жизненный элементъ искусства, новѣйшаго художника всѣхъ спеціальностей отъ подражателя техника или отъ иллюстратора-дидактика. На сколько украшеніе жизни эстетическими забавами переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе какъ переживаніе низшей эстетической потребности дикаря разныхъ культуръ, на столько-же въ избранныхъ художественныхъ натурахъ все съ тою-же опредѣленностью, хотя и при различныхъ техническихъ средствахъ, возникаетъ высшая задача эстетической правдивости.

Но именно здѣсь, въ области эстетическаго творчества, незамѣтно переходящаго отъ самой грубой и пошлой забавы сообща къ самому тонкому и высокому наслажденію ловкоподмѣченными оттѣнками мысли и чувства, предъ нами возникаетъ еще одно весьма существенное различіе доисторическаго періода отъ историческихъ, но различіе, не имѣющее никакого отношенія къ эстетическому достоинству произведеній о которыхъ здѣсь можетъ идти рѣчь.

Эстетическое творчество, точно такъ-же какъ почти всѣ элементы работы мысли, которые легли въ основаніе развитія человѣчества, выросло на почвѣ общественнаго союза. Онъ намъ представляется прежде всего какъ союзъ родовой, поглощающій вполнѣ личность человѣка. Почти всѣ безъ исключенія функціи личной и общественной жизни доисторическій человѣкъ отправляетъ какъ членъ рода, а не какъ особь Индивидуализмъ для него не существуетъ, потому что этотъ индивидуализмъ былъ-бы подрывомъ родового строя. Какъ членъ рода, особь участвуетъ въ церемоніи, гдѣ молитва, пляска, пѣсня, ритмическое слово, внушительный жестъ и представленіе о событіи въ области духовъ и боговъ или въ героической исторіи — сливаются въ одно гармоническое цѣлое; это, одновременно, и магическій обрядъ, и экстатическое увеселеніе, и общественный обязательный обычай. Подъ вліяніемъ тѣхъ-же самыхъ преобладающихъ

представленій о родѣ и объ обычаѣ, изъ только что указаннаго комплекса, у позднаго доисторическаго человѣка выдѣляются и обособляются драматическое представленіе и символическій образъ бога или героя, лирическая пѣснь и миѳическое представленіе, сказка, преимущественно ласкающая воображеніе смѣною представленій и настроеній, и религіозная легенда, имѣющая преимущественно цѣлью вызвать возвышающее настроеніе общенія съ невидимымъ міромъ, нѣсколько позже вырабатывающая и первыя поученія нравственности, первую формулировку убѣжденія Все это у доисторическаго человѣка есть отраженіе психической жизни коллективнаго цѣлаго, въ которомъ нѣтъ мѣста ни индивидуализированному удовольствію особи ни ея спеціализированному чувству, ни какому-либо особенному ея пониманію явленій и событій, личному долгу и личному убѣжденію. Доисторическій человѣкъ создаетъ безличную драму, безличную этику, безличную лирику, безличное графическое и пластическое творчество. Продукты этого творчества могутъ быть жалки и пошлы, безобразны и безсмысленны, точно такъ-же, какъ они могутъ поражать археолога своею раннею художественною правдивостью, могутъ потрясать путешественника въ какой-либо надгробной пѣснѣ глубиною чувства и величіемъ настроенія, могутъ дорастать до эпической красоты, съ которою едва-ли сравнится сознательное эпическое творчество позднѣйшаго субъективнаго художника Но всѣ они имѣютъ одну и ту-же характеристику: въ нихъ отражается *коллективная* жизнь, *коллективное* чувство, *коллективное* пониманіе и вѣрованіе, *коллективный* рано вырабатывающійся, идеалъ нравственности и дѣятельности по убѣжденію. Особенность личности художника, пѣвца или сказителя проявляется не въ преднамѣренномъ а какъ-бы въ автоматическомъ измѣненіи символа, напѣва, былинной подробности, немедленно обращающихся въ коллективное преданіе, въ усвоенный и унаслѣдованный вариантъ.

Это безличное творчество со всѣми своими особенностями, со своимъ элементомъ пошлости и безвкусія, какъ со своимъ художественнымъ угадываніемъ, переходитъ въ историческіе періоды на столько, на сколько въ жизни этихъ періодовъ играетъ видную роль тотъ классъ *пасынковъ цивилизаціи*, который, при всѣхъ своихъ страданіяхъ, при всей своей забитости, сохраняетъ въ себѣ силу и способность перейти къ исторической жизни (способность, которая все болѣе вымираетъ у дикарей высшей культуры по мѣрѣ то-

го, какъ сама культура, возвышаясь, рѣзче отдѣляетъ этихъ дикарей отъ эксплуатируемыхъ ими пасынковъ цивилизаціи). Народная пѣсня, народная легенда и сказка, народныя картинки и карикатура, народное драматическое представленіе образовали въ продолженіи всей исторіи весьма значительную область эстетическаго творчества, то сближающагося (особенно въ эпохи не особенно-рѣзкаго раздѣленія общественныхъ классовъ) съ одной стороны, съ обширными переживаніями литературы дикарей высшей культуры, съ другой — съ лучшими произведеніями индивидуальнаго творчества, но сохраняя свою характеристическую черту — отсутствіе индивидуализма. Эту область народнаго искуства и народной литературы, какъ отраженіе психической жизни огромнаго большинства, въ продолженіи вѣковъ и тысячелѣтій тщетно толкавшагося въ ворота исторіи, было-бы несправедливо назвать переживаніемъ въ томъ смыслѣ, который приданъ въ настоящемъ трудѣ этому слову Это былъ *жизненный элементъ* культуры всего неисторическаго человѣчества, сохранившаго на будущее возможность вступить въ историческую жизнь, жившаго какъ солидарный *классъ* населенія, подавленный экономически и политически и потому не выработавшій индивидуализма въ своемъ художественномъ творчествѣ Съ эстетической точки зрѣнія этотъ элементъ былъ даже настолько жизненнымъ, что въ послѣдствіи, при дальнѣйшей эволюціи искуства, именно гѣ художники, которымъ принадлежатъ многія самыя высокія мѣста въ эстетическомъ творчествѣ и которымъ придаютъ названіе *объективныхъ*, стремились преднамѣренно къ тому, чтобы сдѣлаться въ своихъ произведеніяхъ выразителями коллективной мысли и коллективнаго настроенія, устраняя тщательно изъ этихъ произведеній свою индивидуальность, которая проявлялась лишь для тонкихъ цѣнителей въ неустранимыхъ и малосознательныхъ для самого художника пріемахъ его эстетической техники.

По этому, значительная часть высшихъ произведеній искуства относится къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ тысячелѣтіями, но характеризованныхъ, та и другая, однимъ общимъ имъ явленіемъ онѣ представляютъ сближеніе двухъ способовъ эстетическаго творчества безличнаго и индивидуальнаго Была въ глубокой древности эпоха, когда доисторическій человѣкъ въ своемъ художественномъ творчествѣ переходилъ безсознательно отъ произведеній вполнѣ безличнаго искуства къ индивидуалистическому искуству періода обособленныхъ національностей и ранней критической мысли А затѣмъ въ эпохи самаго высшаго развитія искуства индивидуальнаго, которое вполнѣ отражало личное настроеніе и личное пониманіе поэта, композитора и вообще художника,—въ нѣко-

торыхъ наиболѣе геніальныхъ головахъ выработалась потребность объективнаго творчества пѣсни, музыкальнаго мотива, разсказа въ которомъ трудно разглядѣть субъективную особенность. Къ первой изъ этихъ эпохъ относятся великія эпохи древности, уже на столько проникнутыя индивидуализмомъ, что въ нихъ Ахиллы Одиссеи, Вѣнцемейнены, Рамы, Гудруны суть вполнѣ обособленныя личности, хотя личность гомерида аэда или финна-пѣсенника еще поглощена коллективной волной чувства и мысли. Выработка только-что упомянутыхъ божественныхъ и героическихъ индивидуальностей началась на низшей ступени въ томъ творчествѣ героическихъ разсказовъ и сказокъ о чудесныхъ приключеніяхъ, которое въ доисторической и въ позднѣйшей народной литературѣ составляетъ основной элементъ очень старинныхъ повѣствованій. Ко второй эпохѣ относятся нѣкоторые продукты творчества Шекспира, Гете, Л. Толстого и немногихъ художниковъ слова и музыки (въ другихъ отрасляхъ искуства это сомнительно), изрѣдка дошедшихъ до этой объективности. Именно по этому здѣсь возникаютъ безконечные споры новыхъ критиковъ-археологовъ относительно того, каковы были субъективныя настроенія и философскія или нравственныя задачи, которыя въ душѣ художника вызвали именно *эту* форму творчества. Таковы произведенія, въ которыхъ разсказъ или музыкальный мотивъ какъ-бы вышли изъ народа и имъ могли быть немедленно усвоены. Таковы, наконецъ, тѣ сцены романовъ или драмъ, въ которыхъ лишь на основаніи безспорныхъ фактическихъ данныхъ можно установить, что образы Безухова и Болконской принадлежатъ субъективному автору „Исповѣди". Объ этомъ позднѣйшемъ слоѣ художественнаго творчества здѣсь приходится говорить лишь попутно, но переходъ безличнаго искуства доисторическаго времени постепенно въ искуство индивидуалистическое, преимущественно вскрывающее внутренній міръ мысли и чувства поэта и художника —переходъ, наиболѣе опредѣленно совершившійся въ области лирики — представляетъ характеристическій случай, въ которомъ жизненный элементъ слѣдуетъ отличить отъ патологическаго переживанія.

Такимъ образомъ, въ области эстетическаго творчества, рядомъ съ опредѣленнымъ переживаніемъ доисторическихъ явленій въ историческіе періоды, мы встрѣчаемъ цѣлые ряды жизненныхъ элементовъ, общихъ доисторическому и историческому періодамъ. Это произошло отчасти потому, что, для нѣкоторыхъ слоевъ населенія историческихъ періодовъ, многіе художественные пріемы ранняго времени остались жизненными элементами, такъ какъ эти слои остались внѣ исторіи или по внѣшнимъ причинамъ или по неспособности къ развитію. Отчасти-же это имѣло мѣсто и потому, что стремленіе къ правдивости въ созданіи привлекательныхъ формъ и патетическихъ настроеній тѣми или другими пріемами творчества (пріемами сначала весьма грубыми и элементарными) могло уже проявиться у современника мамонта точно такъ-же, какъ у позднѣйшаго художника, располагающаго для своей техники и каррарскимъ мраморомъ, и обширною гаммою красокъ и звуковъ, выработанною наукою

химиковъ, акустиковъ, инструменталистовъ, и новѣйшими чарами театральныхъ trucовъ, и обширною номенклатурою самыхъ выработанныхъ языковъ, и самыхъ разнообразныхъ ритмовъ. Въ смѣнѣ эпохъ и періодовъ громаденъ былъ ростъ эстетической техники; весьма значительно было въ исторической интеллигенціи и развитіе идейнаго содержанія, обработаннаго мыслью ученыхъ и философовъ, угадываніемъ поэтовъ; но существенная задача искуства — стремленіе къ правдивому усвоенію и къ правдивой передачѣ реальныхъ формъ и реальнаго настроенія—осталась одинаково доступна и обязательна для художника всѣхъ временъ, хотя и выполнялась очень различно, сообразно техникѣ, которою онъ обладалъ въ каждую эпоху, и степени развитія мысли высшихъ представителей культуры этой эпохи.

ГЛАВА X

ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РЕЛИГІИ ВООБЩЕ.

Религія и искусство.—Переживанія.—(Необходимость подробностей). Нѣсколько переживающихъ словъ доисторическихъ вѣрованій.—(Религія и равнодушіе).—Вліяніе нравственнаго элемента.—Переживанія въ разныя поля.—Смѣшеніе терминовъ.

Совершенно противуположную эстетическому творчеству роль въ области переживаній и жизненныхъ элементовъ разныхъ эпохъ играло религіозное творчество. Насколько въ первомъ процессѣ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ успѣхами техники и идейнымъ развитіемъ, во всѣ времена передъ художникомъ стояла все одна и та-же высшая специальная цѣль: правдивость въ воспріятіи и въ передачѣ формъ и настроеній, настолько самыя существенныя задачи того, что обозначалось терминомъ *религія* въ разныя, даже сравнительно близкія, эпохи, представляетъ самыя рѣзкія различія. Насколько въ художественномъ творчествѣ трудно въ очень многихъ случаяхъ отличить жизненный элементъ эстетической фантазіи данной эпохи отъ того, который есть лишь традиціонная передача вкусовъ, привычекъ мысли и настроеній иного времени, настолько-же нельзя не признать съ перваго-же взгляда, даже въ близкіе къ намъ періоды, переживанія самыхъ элементарныхъ вѣрованій: негритянскіе амулеты переживаютъ въ реликвіяхъ мощей сомнительныхъ угодниковъ христіанства или буддизма; шаманство пережи-

ваетъ въ леченіи болѣзней прикосновеніемъ средневѣковыхъ королей; анимизмъ — и въ многочисленныхъ легендахъ христіанскоій церкви о мертвецахъ, — и въ новомъ спиритизмѣ. Религіи, какъ орудіе обособленія враждебныхъ національностей, переживаютъ въ эпоху богословія, провозглашающаго братство всѣхъ людей, что́ не мѣшаетъ ни православнымъ, ни католическимъ, ни протестантскимъ государямъ призывать имя Сына Божія, „пошедшаго на крестъ за все человѣчество", для успѣха въ бойняхъ, ими устраиваемыхъ. Пріемы религіознаго мышленія эпохъ, чуждыхъ самой элементарноій научноій логики, воскресаютъ въ догматахъ единосущноій троицы, въ предопредѣленіи на вѣчную казнь людей, созданныхъ какъ разъ для этого всемогущимъ существомъ, которое богословы рисуютъ какъ высшій нравственный идеалъ и т. под. Рѣзко и опредѣленно въ каждую эпоху выдвигается противурѣчіе между двумя одинаково неустранимыми элементами въ мысли эпохи: между тѣмъ, во что́ обратилась на этоій ступени эволюціи религія подъ вліяніемъ развитія философскоій мысли, накопленія знаній и общественныхъ задачъ, и тѣми вѣрованіями, еще переживающими, которыя могли произойти лишь тогда, когда и философская мысль стояла на совсѣмъ иноій ступени развитія, и знанія были иныя, и общественныя задачи представлялись совсѣмъ иначе Не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь передъ нами никакъ не жизненные элементы, а переживанія, которыя мѣшаютъ пониманію міра и человѣка на основаніи новыхъ знаній, новыхъ объединяющихъ гипотезъ и представленій; мѣшаютъ и правильноій жизни, требующей рѣшенія новыхъ возникшихъ общественныхъ задачъ. И эти переживанія многочисленны.

Можно вполнѣ согласиться со словами James Darmesteter'a, что „недолго приходится рыться въ религіяхъ историческихъ въ религіяхъ цивилизованныхъ народовъ, чтобы найти въ нихъ, иногда съ поразительнымъ тожествомъ, большинство существенныхъ элементовъ религій неисторическихъ".

Именно это обстоятельство побуждаетъ автора въ слѣдующихъ главахъ своего труда остановиться подробнѣе на примѣрахъ переживаній доисторическаго періода въ области религіи Результаты сравненій высказанные голословно, могутъ показаться значительному числу читателей слишкомъ сомнительными.

Въ каждую позднѣйшую эпоху. въ той области, которую относятъ къ религіи, приходится различать и отмѣчать нѣсколько слоевъ переживаній, каждый изъ которыхъ получилъ начало въ иное время. Здѣсь будетъ идти дѣло лишь

о томъ, что́ коренится въ религіозномъ творчествѣ доисторическаго человѣка, творчествѣ, которое представляло самый обширный матеріалъ для всей послѣдующей исторіи вѣрованій именно потому, что оно имѣло мѣсто въ періодъ, когда работа религіозной мысли наилучше гармонировала и съ общимъ строемъ мысли человѣка дородового и родового быта, и съ сознательными задачами, которыя ставили передъ человѣкомъ эти общественныя формы Энергическая работа религіозной мысли въ этотъ періодъ имѣла слѣдствіемъ, что именно къ нему относятся нѣсколько слоевъ вѣрованій, каждый изъ которыхъ оставилъ свое переживаніе въ будущемъ. Ихъ можно представить себѣ въ слѣдующей послѣдовательности, хотя для нѣкоторыхъ явленій эта послѣдовательность можетъ считаться гадательной.

1. Можно угадывать существованіе зоологическаго слоя неопредѣленнаго ужаса передъ неизвѣстною силою*) (онъ встрѣчается, повидимому, у нѣкоторыхъ животныхъ).

2 Вырабатывается слой религіозной техники съ цѣлью обезпеченія удачи, устраненія опасности и предвидѣнія будущаго помощью обладанія амулетами и совершенія магическихъ дѣйствій, но безъ всякаго опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ образомъ предметъ обыденнаго быта обращается въ амулетъ и магическое дѣйствіе достигаетъ цѣли. Этому-же слою можетъ принадлежать отношеніе къ нѣкоторымъ животнымъ, какъ къ существамъ, одареннымъ человѣческими свойствами, но обладающими силами и знаніями, превосходящими силы и знанія человѣка, и элементы культа животныхъ**). Наконецъ, къ этому слою относится и первое опредѣленное дифференцированіе *обычая религіознаго* отъ обычая обыденной жизни. (Существованіе этого слоя можно предполагать при самыхъ грубыхъ формахъ общежитія или обособленной жизни).

3 Вырабатываются первыя религіозныя *представленія* и появляются первыя попытки человѣка объяснить себѣ свои вѣрованія Именно, появляется *натуризмъ;* антропопатическое отношеніе человѣка къ животнымъ распространяется едва-ли не на весь міръ; къ оживленной природѣ обращаются съ мольбою и съ угрозою, при чемъ всѣ магическія дѣйствія получаютъ характеръ мольбы или угрозы Цѣлью работы мысли является фантастическое общеніе человѣка со

*) Ср „Оп нст. м“ стр 410.
**) Ср. „Оп нст. м“ стр 865

всѣми предметами міра*). Этотъ фазисъ представляетъ уже замѣтное вліяніе на религіозное творчество мысли эстетической и зародышной мысли философской. (Онъ можетъ быть отнесенъ къ первичнымъ ступенямъ родового быта).

4 Важнѣйшій слой вѣрованій въ развитіи религіозной мысли вообще образуется при появленіи *анимистическаго* міросозерцанія, представленія о двойникахъ людей, предметовъ природы и даже издѣлій рукъ человѣка. Какъ непосредственное слѣдствіе этихъ религіозныхъ представленій, можно, повидимому, признать, во первыхъ, переходъ антропоцентрическаго оживленія природы и элементарнаго культа животныхъ въ *фетишизмъ*, т. е. въ представленіе всѣхъ предметовъ, какъ жилищъ фантастическихъ двойниковъ или духовъ; во вторыхъ, появленіе *шаманизма*, какъ выдѣленія особеннаго класса людей, способныхъ лучше другихъ вступать въ сношенія съ духами помощью магической техники. При этомъ указанные два продукта перваго слоя религіозныхъ представленій наблюдаются въ двухъ различныхъ послѣдовательностяхъ Въ большинствѣ странъ, остановившихся на доисторическомъ фазисѣ эволюціи, или даже на фазисѣ обособленныхъ цивилизацій, есть возможность допустить, что выдѣленіе колдуновъ и шамановъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предшествовало анимизму при сложныхъ обрядахъ общенія съ животными и съ другими предметами природы, оживленной воображеніемъ дикаря, но еще не сдѣлавшейся обиталищемъ міра духовъ. Но именно у націй, образовавшихъ въ позднѣйшій періодъ почву для пробужденія критической мысли, скорѣе можно допустить иную послѣдовательность явленій Шаманизмъ развивается здѣсь на гораздо-позднѣйшемъ фазисѣ общественной эволюціи, въ формѣ пророчества и экстатическаго общенія съ міромъ уже гораздо-болѣе выработанныхъ божествъ, какъ подготовленіе къ продуктамъ мысли критической, или какъ явленіе параллельное наиболѣе раннимъ изъ нихъ, какъ первые опыты религіозно-философскихъ построеній. Эта послѣдняя форма эволюціи религій почти неизбѣжно связана (у еврейскихъ *наби* и у греческихъ бродячихъ пророковъ и совершителей обрядовъ очищенія въ VIII-мъ и въ VII-мъ вѣкахъ, у *сивиллъ* и *бакисовъ*, еще неизвѣстныхъ гомеридамъ) съ первою группою слѣдствій выработки анимистическаго представленія о мірѣ, именно съ развитіемъ народнаго культа въ системати-

*) Ср „Оп нет. м" стр. 890 и слѣд

ческіе сознательные пріемы общенія людей, какъ членовъ соціальнаго организма, съ міромъ духовъ, при помощи усложнившагося религіознаго обычая, столь-же тѣсно связывающаго людей съ міромъ фантастическимъ, какъ житейскій обычай связываетъ между собою членовъ этого коллективнаго организма Это — слой сильнаго взаимодѣйствія мысли эстетической, зародышей мысли философской, религіознаго творчества и вполнѣ опредѣленной роли религіи, какъ скрѣпляющей и создающей обычай. (Онъ соотвѣтствуетъ фазису полнаго установленія и развитія родового быта, который отражается въ религіи особенно въ формѣ *культа предковъ*).

5 Разростается міръ миѳовъ и символовъ въ тѣсной зависимости отъ анимистическихъ представленій при ростущемъ преобладаніи мысли эстетической, философской и соціальнаго творчества надъ творчествомъ религіознымъ Обособляются типы боговъ и героевъ Вырабатываются сложныя и связныя представленія о загробномъ мірѣ, о происхожденіи міра и человѣка, о началахъ культуры, о родствѣ между богами и людьми, о чудесныхъ рожденіяхъ и т д. Болѣе или менѣе опредѣленные и сложные романы и драмы въ фантастическомъ мірѣ служатъ уясненіемъ ранѣе существовавшему обряду или вызываютъ усложненіе прежняго обряда Вырабатывается политическая роль отдѣльныхъ колдуновъ или сословія жрецовъ, въ однихъ случаяхъ сливающихся съ органами политической власти, въ другихъ — соперничающихъ съ этими органами*) (Это — слой постепеннаго перехода отъ религіи какъ фантастическаго представленія, скрѣпляющаго и создающаго рядъ обычаевъ, при преобладаніи религіознаго настроенія, — къ религіи, какъ къ обрядному комплексу, который является символомъ культурнаго единства обособленной націи или государства, слѣдовательно получаетъ, если не исключительно, то преимущественно соціологическое значеніе)**)

Каждый изъ этихъ послѣдовательныхъ слоевъ доисторическихъ вѣрованій представляетъ явленія, которыя встрѣчаются и въ послѣдующихъ слояхъ, но для всего доисторическаго періода нельзя отнести эти явленія съ полною увѣренностью къ вреднымъ переживаніямъ, а не къ жизненнымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ безразличнымъ элементамъ позднѣйшаго слоя. Амулетъ и фетишъ, совершеніе магиче-

*) Ср. „Оп. ист. м“ стр. 1312 и слѣд., 1328 и др
**) Тамъ-же стр 383 и слѣд

скаго обряда каждымъ членомъ общества или особеннымъ колдуномъ, безразличная толпа стихійныхъ духовъ или опредѣленный типъ бога — героя многочисленныхъ похожденій — могли существовать рядомъ, при чемъ низшее и менѣе выработанное представленіе не мѣшало высшему получать художественную или философскую отдѣлку. — На ступени историческихъ обособленныхъ цивилизацій дѣло уже становится инымъ. Во первыхъ, господствующіе классы, жизнь которыхъ обусловлена преимущественно, съ одной стороны, работою мысли интеллигенціи, къ нимъ принадлежащей, съ другой — ихъ экономическими и политическими интересами, вырабатываютъ, подъ названіемъ религіи, комплексъ представленій и дѣйствій, направленный на поддержаніе политической силы государства или націи, и значительно отличающейся отъ доисторическаго слоя вѣрованій, остающихся господствующими въ массахъ. Однако, во вторыхъ, и въ эту религію господствующихъ классовъ не могли не проникнуть элементы народныхъ, доисторическихъ вѣрованій. Но тутъ уже это, отчасти, вредныя для государственнаго или національнаго строя переживанія. Изъ числа унаслѣдованныхъ магическихъ пріемовъ и вѣрованій господствующихъ классовъ и массъ лишь нѣкоторая доля способствуетъ выдѣленію семьи, въ особенности же скрѣпленію государственнаго или національнаго организма, и усиленію ихъ въ борьбѣ съ другими враждебными имъ коллективностями; тогда какъ другая подрываетъ солидарность и прочность этихъ союзовъ. Все, что относится къ послѣдней, неизбѣжно обращается во вредное переживаніе, противудѣйствіе которому становится для интеллигенціи данной эпохи одною изъ основныхъ жизненныхъ задачъ. — Но съ еще большею опредѣленностью область переживаній въ религіозной мысли выдѣляется отъ жизненныхъ элементовъ, когда въ средѣ послѣднихъ начинаетъ обозначаться вліяніе мысли критической, проявляющейся всего прежде въ сферѣ нравственности, а затѣмъ уже и въ сферѣ пониманія міра. Тогда болѣе или менѣе древнее повѣствованіе о несчастной судьбѣ или о великихъ подвигахъ героевъ сказки или священной легенды окрашивается нравственною виною или нравственною заслугою этихъ героевъ. Вознаграждается сперва вѣрность богу и послушаніе его заповѣди; наказывается его оскорбленіе (какъ у пророковъ евреевъ). Впослѣдствіи священная заповѣдь заслоняется требованіемъ реальной, человѣческой нравственности; еще позже иногда и требованіемъ

отъ мыслителя истины въ пониманіи. Но, при всемъ этомъ, въ сложной комбинаціи позднѣйшаго творчества мысли эстетической, философской и нравственной, смѣшивается мотивъ доисторическій, мотивъ неосмысленной удачи, съ позднѣйшимъ мотивомъ благочестія, подвижничества, за тѣмъ уже и съ мотивомъ справедливаго суда боговъ или нравственной доблести людей. Сюда относятся многочисленныя легенды христіанской культуры (отчасти и мусульманской или буддистской) о потопленныхъ городахъ, о наказаніи злодѣя, о защитѣ праведника, о подвигахъ мученицъ, охранявшихъ свою половую чистоту и т. под

На зло весьма распространенному еще недавно мнѣнію, что именно религія составляетъ прочную почву для нравственности и связана съ послѣднею самымъ неразрывнымъ образомъ, внимательное изслѣдованіе доказываетъ, напротивъ что и религія, какъ фантастическое вѣрованіе, укрѣпляющее и создающее обычай, и религія, какъ символъ національнаго или государственнаго единства, совершенно чужды всякому нравственному элементу Лишь на третьей ступени эволюціи религій, когда философская и эстетическая мысль вносятъ въ нихъ этотъ элементъ *извнѣ*, онъ получаетъ главную опредѣляющую роль въ томъ комплексѣ, который продолжаетъ называться „религіей" лишь потому, что привлекательность религіознаго аффекта и привычка къ нему побуждаютъ человѣка стремиться къ его, хотя-бы и фиктивному, удерживанію въ формахъ культуры Но именно тутъ обнаруживается всего яснѣе, что религіозная мысль потеряла на этой ступени всю свою жизненную силу, всю свою способность создавать новые продукты въ области мысли и общественныхъ формъ, и что двигателями пониманія и творчества являются теперь уже мотивы реальные, вполнѣ чуждые религіозному аффекту

Нравственный элементъ, проникая въ религіозную мысль, сразу отбрасываетъ въ область вредныхъ переживаній все то, что̀ въ вѣрованіяхъ, въ творчествѣ миѳовъ и символовъ и въ обрядности лишено нравственнаго значенія или даже противурѣчитъ задачамъ нравственности. Нѣсколько позже, при установленіи пріемовъ научной мысли, то-же, съ еще большею опредѣленностью для развитого меньшинства, приходится сказать о вѣрованіяхъ и миѳахъ, противурѣчащихъ усвоеннымъ элементамъ научнаго знанія.

Такимъ образомъ къ переживаніямъ одного изъ указанныхъ слоевъ доисторической работы религіозной мысли приходится отнести, въ эпоху обособленныхъ цивилизацій, все то, что̀ въ религіозной мысли и жизни противудѣйствуетъ прочности и солидарности національнаго или государственнаго организма, или обособленію семьи; въ эпоху-же критической мысли — все то, что, какъ *не*критическое вѣрованіе, противуполагается критическому научному пониманію и критическому нравственному требованію. Иначе говоря, въ по-

слѣднемъ случаѣ—въ сложныхъ комплексахъ, носящихъ названіе религій—жизненныхъ элементовъ мысли и жизни общества приходится искать лишь въ средѣ тѣхъ составныхъ частей этихъ комплексовъ, которыя вовсе не заключаютъ въ себѣ религіознаго настроенія, но суть продукты мысли философской, нравственной или эстетической.

Однако, религіи вошли слишкомъ вліятельною составною частью въ общій строй жизни обществъ, чтобы ихъ переживанія не имѣли мѣста въ позднѣйшіе періоды и помимо указанныхъ слоевъ вѣрованій Было только-что сказано, что привлекательность религіознаго аффекта побуждала человѣка удерживать въ культурѣ его фикцію, когда этотъ аффектъ, въ сущности, не имѣлъ уже подъ собою почвы Онъ окрашивалъ очень часто и убѣжденія невѣрующихъ въ какой-либо фантастическій міръ, и общественныя учрежденія вполнѣ свѣтскія Какъ названіе религіи распространялось на процессы мысли и на общественныя формы, не имѣвшія въ себѣ ничего религіознаго, такъ, наоборотъ, присущее религіозному строю отвращеніе отъ критики и отъ реальныхъ мотивовъ мысли и жизни надѣвало маску научной и рациональной нравственности. Едва-ли какая-либо область мысли, особенно въ своемъ доисторическомъ элементѣ, доставила человѣчеству столько переживаній, къ которымъ можно вполнѣ-точно примѣнить это названіе, какъ область мысли религіозной.

Съ этой точки зрѣнія міръ переживаній всѣхъ доисторическихъ слоевъ вѣрованій въ историческіе періоды представляетъ примѣры, поражающіе своею многочисленностью и своимъ распространеніемъ

ГЛАВА XI

ПЕРЕЖИВАНІЯ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ СЛОЕВЪ ВѢРОВАНІЙ

—

Переживанія зоологическаго фазиса —(Боязнь темноты)
Переживанія первобытной религіозной техники —(Примѣры пріемовъ обезпеченія удачи, амулетовъ, гаданья и колдовства позднѣйшихъ періодовъ — Культъ плодородія) — Приметы, сны, счастливые или несчастные дни — (Примѣры) —Культъ животныхъ

—

Само собою разумѣется, что примѣры переживаній допсторическихъ вѣрованій всего рѣже можно констатировать для зоологической ступени религіознаго чувства, для того неопредѣленнаго ужаса передъ неизвѣстною силою, который съ трудомъ былъ подмѣченъ у нѣкоторыхъ птицъ и млекопитающихъ, а среди дикарей, подлежавшихъ научному наблюденію,—и того рѣже (напримѣръ у карайбовъ и у тупи-гварани Южной Америки) Превосходство человѣка надъ другими животными по отношенію къ дѣйствію задерживающихъ нервныхъ центровъ на столько безспорно, что трудно и ожидать среди людей проявленія подобнаго чувства ужаса, рѣдкаго и у животныхъ вообще. Тѣмъ не менѣе и здѣсь отдѣльныя психологическія наблюденія позволяютъ предполагать нѣчто аналогичное въ человѣкѣ историческаго общества, какъ переживаніе психическаго настроенія, которое могло быть иногда и болѣе частымъ Такъ у многихъ дѣтей — иногда и у взрослыхъ — наблюдается непреодолимая боязнь темноты или грозовыхъ явленій. Нѣкоторыя нервныя

особи испытываютъ общее потрясеніе при всякой рѣзкой неожиданности. Нѣчто аналогичное подмѣчается даже у большинства, если какой-либо внезапный звукъ или свѣтовое явленіе свидѣтельствуютъ о неожиданномъ для человѣка присутствіи кого-то въ комнатѣ, гдѣ онъ имѣетъ основаніе считать себя однимъ, или если предметъ, вообще говоря, неподвижный, мы видимъ движущимся, и т. под Все это можетъ быть отнесено хотя отчасти къ переживанію въ человѣческой особи, даже высшей культуры и высшаго развитія, раннихъ психическихъ явленій зоологическаго міра: неопредѣленный ужасъ предъ неизвѣстною силою наблюдается уже у нѣкоторыхъ животныхъ: онъ могъ представлять, по всей вѣроятности, зародышъ развитія религіознаго аффекта и у человѣка.

Боязнь темноты, особенно въ лѣсу, у дѣтей (а пожалуй и у взрослыхъ) приписываютъ) переживанію у человѣка той сознательной боязни ночныхъ хищниковъ, которые были очень опасны для предковъ людей Однако, можетъ быть, правильнѣе будетъ допустить, что подобная боязнь могла имѣть источникомъ, хотя отчасти, и ужасъ передъ неизвѣстными силами, отъ которыхъ въ мракѣ животное не могло себя охранить, но могло лишь предполагать ихъ присутствіе.

Со слѣдующей ступени, именно со ступени появленія религіозной техники, переживанія становятся настолько многочисленны (даже сравнительно съ переживаніями слѣдующихъ ступеней), что именно это упорство переживаній элементарной религіозной техники, еще не выработавшей никакихъ опредѣленныхъ представленій, ей соотвѣтствующихъ, можетъ быть, служитъ доказательствомъ болѣе ранняго появленія и болѣе долгаго существованія именно этихъ вѣрованій и практическихъ пріемовъ Переживанія этого слоя обнаруживаются въ способахъ обезпеченія себѣ *удачи* въ предпріятіяхъ и устраненія неудачи, въ средствахъ различенія *знаменій,* предшествующихъ счастливому или несчастному событію, затѣмъ и въ искуственномъ вызовѣ подобныхъ знаменій, въ пріемахъ постановки *вопросовъ о будущемъ* и полученія на нихъ отвѣта. На этой почвѣ — все-таки еще не нуждаясь въ выработкѣ представленій о невидимомъ мірѣ, въ этихъ явленіяхъ участвующемъ — дифференцируются уже, во первыхъ, огромная область *амулетовъ,* употребляемыхъ какъ отдѣльно, такъ и въ болѣе или менѣе значительныхъ коллекціяхъ въ кошелѣ краснокожаго знахаря, въ бубнѣ сѣвернаго шамана; во вторыхъ, подобная-же область *за-*

*) Это сдѣлано и мною, слѣдуя Шнейдеру, см „Оп“ 473 и слѣд.

говоровъ, свидѣтельствующихъ о вѣрованіи въ магическую силу слова; въ третьихъ, отличеніе *счастливыхъ* и *несчастныхъ эпохъ* (дней, часовъ и т. под.), установленіе по возможности ненарушимаго *религіознаго обычая*, первой ступени *религіознаго культа;* наконецъ, нѣкоторые способы лѣченія, отчасти, впрочемъ, уже связанные съ пріемами эмпирическими, чуждыми всякаго религіознаго настроенія. Независимымъ отъ другихъ источникомъ позднѣйшихъ вѣрованій, восходящимъ по времени къ тому-же слою, можетъ быть, слѣдуетъ считать *почитаніе животныхъ*, на сколько оно не выказываетъ связи съ позднѣйшими представленіями анимизма, съ представленіями о превращеніяхъ, о фетишахъ—жилищахъ духовъ, о колдовствѣ въ его болѣе широкомъ развитіи и т. под

Всѣ эти вѣрованія безспорно восходятъ къ очень первобытному строю мысли дикаря; и всѣ они представляютъ поразительныя переживанія и въ древнихъ обособленныхъ цивилизаціяхъ, развившихся вполнѣ независимо одна отъ другой изъ доисторическаго быта, и въ античномъ мірѣ рядомъ съ самыми замѣчательными продуктами критической, эстетической и философской мысли, и въ періодъ универсалистическихъ религій, наконецъ и въ средѣ новой свѣтской цивилизаціи съ ея могучимъ ростомъ научнаго пониманія.

Нѣтъ причины не подводить по сущности къ одному и тому же стремленію обезпечить себѣ удачу и устранить возможную неудачу цѣлый рядъ дѣйствій наблюдаемыхъ у людей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ эпохамъ и къ самымъ разнообразнымъ культурамъ Передъ нами первобытный дикарь, который прячетъ въ свой поясъ какой либо камень, траву или гвоздь, считая ихъ благопріятными для охоты. или бочисмэнъ (путеводитель Бастіана), который таскаетъ съ собою весьма неудобную доску, охранявшую его отъ „дурныхъ встрѣчъ", но передъ нами и современный игрокъ, обезпечивающій себѣ, по его мнѣнію, выигрышъ тѣмъ, что онъ сядетъ такъ или иначе, предъ нами итальянецъ, дѣлающій въ карманѣ пальцами магическое движеніе, чтобы оберечь себя отъ „сглазу", при чемъ это дѣйствіе принадлежитъ къ громадной массѣ совершенно подобныхъ пріемовъ охраненія отъ „сглазу", встрѣчающихся чуть-ли не во всѣхъ странахъ міра, къ массѣ, накопленной и еще накопляемой современными фольклористами, но до сихъ поръ не выработанной еще изслѣдователями въ стройную систему. Наконецъ трудно не отнести сюда же и русскаго „невѣрующаго студента", о которомъ разсказывали пишущему эти строки, какъ этотъ студентъ шелъ на экзаменъ съ амулетомъ въ карманѣ. Къ нѣсколько высшей культурѣ по развитію представленій, но по сущности, къ тому же слою вѣрованій относятся нѣкоторые другіе амулеты Одни изъ нихъ болѣе или менѣе тѣсно связаны съ культомъ мертвецовъ, или, по крайней мѣрѣ съ эволюціею представленій о загробной жизни это—части тѣла покойника (палецъ, сердце, жиръ, изъ котораго изготовляютъ „воровскую свѣчу",

кусокъ гроба и т. под.). Другіе какъ-бы указываютъ на работу мысли той эпохи, когда только что возникала частная собственность и ея отрицаніе въ данномъ случаѣ могло казаться возвращеніемъ къ обычаю болѣе древнему (а потому болѣе дѣйствительному магически) это—амулеты обусловливаемые вѣрованіемъ, что лишь уворованныя вещи приносятъ удачу опредѣленнаго рода (встрѣчаются въ Германіи и отчасти въ Россіи). Сюда-же относятся, напр., гаданія другого дикаря пытающагося узнать будущее по движеніямъ своего бога-червя, обвѣшиваніе короля Лоанго амулетами фетишами, въ которыхъ вселены духи и каждый изъ которыхъ назначенъ для того, чтобы предотвратить отъ этого повелителя народа какую либо опасность. По существу съ этимъ совершенно сходно, въ историческое время, настроеніе древняго римлянина, ожидавшаго отъ авгура извѣщенія, благопріятно-ли расположены внутренности жертвы, принесенной Юпитеру настроеніе развитаго грека, вопрошавшаго дельфійскую пиѳію, настроеніе средневѣковаго или современнаго христіанина гадающаго по „библіи" или по „молитвеннику", наконецъ, настроеніе современнаго провансальца, приносящаго молитву „единому богу", способному творить чудеса, о томъ, чтобы засуха не повредила виноградники молящагося. Нѣкоторыя группы амулетовъ и магическихъ дѣйствій сюда относящихся достигшія въ своемъ распространеніи, очень различныхъ ступеней культурнаго развитія, можетъ быть слѣдуетъ объяснить ихъ связью съ формами общественной жизни, которыя, по самой своей сущности, вызывали переживаніе дикости. Такъ, во всѣхъ формахъ азартныхъ игръ преобладаніе представленія о случайности, за исключеніемъ всякой раціональной связи между дѣйствіями игрока и ожидаемымъ и желаннымъ результатомъ, совершенно естественно удержавало участниковъ игры на ступени развитія первобытнаго дикаря, который почти все относитъ подъ категоріи удачи и неудачи. Отсюда совершенное подобіе мотивовъ и пріемовъ у игрока кафра и у посѣтителя Монте Карло нашего времени—довольно сходное и у участниковъ пари на скачкахъ, пожалуй и у игроковъ на биржѣ. Здѣсь же источникъ тѣхъ безчисленныхъ амулетовъ и магическихъ пріемовъ, свидѣтельства о которыхъ недавно собралъ E. S. Hartland, и которыя направлены на доставленіе женщинѣ плодородія, существованіе подобныхъ амулетовъ и пріемовъ было, очевидно, обусловлено заботою доисторической семьи (а можетъ быть и родового союза) объ умноженіи своихъ членовъ для усиленія въ борьбѣ семейныхъ и родовыхъ интересовъ, но эта забота перешла, какъ переживаніе и въ семью позднѣйшаго времени (гдѣ многочисленность семьи есть уже скорѣе неудобство, чѣмъ преимущество), и между тѣмъ ни возмутительно-грязныя подробности обряда не пугаютъ дикарей и дикарокъ этой современной намъ семьи, принадлежащихъ номинально къ высшей культурѣ, ни фалическія формы амулетовъ не представляютъ препятствія къ ихъ употребленію и къ связыванію этихъ наивныхъ обрядовъ первобытнаго времени съ почитаніемъ угодниковъ и аскетовъ христіанскаго преданія.

Общественныя задачи періода родового быта, точно такъ-же какъ періодовъ обособленныхъ національностей и государствъ, не только не противурѣчили внесенію въ обычную жизнь и въ обрядъ культа яснаго почитанія акта оплодотворенія и цѣлаго ряда магическихъ дѣйствій, направленныхъ на доставленіе этому акту плодородія, но вполнѣ гармонировали съ подобными обрядами. Ни натуристическое оживленіе природы, ни представленія анимизма и фетишизма, ни колдовство при посредствѣ сношеній съ духами и богами не являлись необходимымъ эле-

ментомъ вѣрованія для существованія подобныхъ обычаевъ и обрядовъ, однако послѣдніе могли совершенно удобно сохранить ихъ какъ жизненный элементъ народнаго или государственнаго культа Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что фаллическій культъ въ его многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ встрѣчается и у большинства доисторическихъ племенъ, и въ историческихъ цивилизаціяхъ Индіи, дальняго Востока древняго Египта и античнаго міра Но когда христіанство установило отрицательное отношеніе къ чувственному міру, поставило идеаломъ праведника безусловное аскетическое цѣломудріе и оказалось не прочь содѣйствовать полному прекращенію земной жизни человѣчества, тогда всякое явное почитаніе акта оплодотворенія стало интеллектуальнымъ и нравственнымъ противурѣчіемъ, а вся область элементарной магіи, сюда относящаяся, обратилась для христіанина во вредное переживаніе Тѣмъ не менѣе церковная средневѣковая культура представляла многочисленныя переживанія подобнаго рода и многія изъ нихъ удерживаются до недавняго или даже до настоящаго времени Таковы христіанскіе угодники, почитаемые католиками и православными, къ которымъ обращаются съ молитвою и съ обрядовымъ дѣйствіемъ, какъ къ спеціальнымъ покровителямъ плодородія браковъ или ихъ устроенія. Таковы многочисленныя паломничества въ виду подобныхъ же цѣлей Крайне характеристично при этомъ обстоятельство, что въ обычные обряды, при этомъ совершаемые, входятъ элементы, прямо указывающіе на фаллическій культъ и на символизмъ акта оплодотворенія Изслѣдователи новаго времени констатировали подобныя переживанія въ христіанскихъ странахъ въ весьма значительномъ числѣ и въ свадебныхъ обычаяхъ, и въ отношеніяхъ народа къ нѣкоторымъ камнямъ и въ обычаѣ „плясать" дѣвушекъ и замужнихъ на камняхъ или на древесныхъ пняхъ опредѣленной формы въ связи съ мѣстомъ почитанія того или другого святого или совсѣмъ помимо этого и въ традиціонныхъ точкахъ задомъ какого либо дерева при паломничествѣ, и въ самихъ именахъ иныхъ народныхъ святыхъ, никогда не бывшихъ въ святцахъ и въ обрядѣ цѣлованія „пупа какого либо св Симіана или преднамѣренной потерѣ подвязки и даже въ прямомъ употребленіи, какъ амулетовъ, фаллическихъ символовъ, какъ у современницъ Монтэня, такъ кое-гдѣ и въ XIX вѣкѣ Подобные факты наблюдаются и въ мусульманскомъ мірѣ.

Не только въ христіанской Абиссиніи изготовляются и продаются священниками амулеты съ изображеніемъ святыхъ, не только члены нѣкоторыхъ мусульманскихъ племенъ „буквально покрываютъ себя амулетами", но въ Сомюрѣ, во Франціи, процвѣтаетъ индустрія изготовленія четокъ и для католиковъ, и для православныхъ и даже для мусульманъ, а спеціально для воспитанниковъ мѣстной кавалерійской школы медаль св Георгія для предотвращенія паденій съ лошади. Во время Крымской войны въ одной изъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ Гамбургской газетѣ, указывалось на то обстоятельство, что по отношенію къ „вѣрѣ въ силу амулетовъ . просвѣщенные умные и прославленные за свое свободомысліе французы стояли на одномъ уровнѣ съ безумнымъ, туркомъ и русскимъ." Почти каждый солдатъ имѣлъ на себѣ амулетъ, ихъ носили на себѣ и высшіе чины, между прочимъ генералъ Canrobert. То же говорили о генералахъ Bosquet и Forey, о принцѣ Наполеонѣ На трупахъ убитыхъ иногда находили одновременно христіанскіе, турецкіе и даже еврейскіе амулеты Подобные же богато-украшенные амулеты находили и на трупахъ русскихъ офицеровъ О Канроберѣ, о Меншиковѣ и о нѣкоторыхъ другихъ существовало убѣжденіе, что они

„заговорены" отъ всякаго оружія То-же разсказывали газеты о Скобелевѣ и о многихъ другихъ. Одинъ изъ русскихъ революціонеровъ, бунтовавшихъ народъ въ 70 хъ годахъ сообщаетъ въ своей автобіографіи, какъ крестьяне украинцы предлагали ему принять въ заговоръ колдуна, умѣющаго „заговаривать отъ пуль" Осмотръ обгорѣлыхъ труповъ женщинъ и дѣтей изъ высшаго общества послѣ катастрофы 4 мая 1897 г въ Парижѣ показалъ, что значительное число лицъ изъ этихъ „сливокъ" общества конца XIX го вѣка было также снабжено христіанскими амулетами. Конечно, форма амулетовъ измѣнялась съ измѣненіемъ культуры —Когда анимизмъ сдѣлался господствующимъ міровоззрѣніемъ среди дикарей, фетиши — жилища духовъ стали играть роль прежнихъ амулетовъ имѣвшихъ значеніе лишь для магической техники Однако и тутъ присутствіе духа оставалось явленіемъ побочнымъ, а существенно было магическое дѣйствіе Въ античномъ мірѣ, мы встрѣчаемъ амулеты съ именами или съ символами Гекаты, Изиды и другихъ божествъ этого періода, но и тутъ главное дѣло въ магической техникѣ У древнихъ евреевъ эфодъ, входившій въ оффиціальный костюмъ первосвященника, имѣлъ прямое отношеніе къ гаданіямъ и къ жребію Въ христіанскомъ мірѣ мы наблюдаемъ прежде всего особый разрядъ амулетовъ, именно реликвіи, кусочки мощей христіанскихъ угодниковъ Но и помимо нихъ вѣра въ амулеты и въ магическіе обряды для обезпеченія удачи переживаетъ въ христіанствѣ всѣхъ исповѣданій обычнымъ образомъ То-же самое повторяется позже въ чарованіяхъ и въ заклинаніяхъ помощью имени Христа Дѣвы Маріи и святыхъ угодниковъ, въ амулетахъ, на которыхъ находимъ христіанскіе, гностическіе символы, или свидѣтельства вліянія еврейскихъ каббалистовъ Амулетъ оставался амулетомъ, орудіемъ для непосредственнаго обезпеченія удачи, для устраненія несчастной случайности, для знаменія будущаго и т пот. хотя на его формѣ отражалась конкурренція позднѣйшихъ религіозныхъ представленій и ихъ послѣдовательная смѣна въ господствующихъ классахъ Къ самому элементарному фазису вѣры въ амулеты принадлежитъ сообщаемый въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" фактъ относящійся къ 1886 г, что жена заключеннаго въ петербургскомъ Домѣ Предварительнаго Заключенія сыпала магическія травы около этой тюрьмы въ виду „волшебнаго освобожденія" ея мужа

Историки народныхъ предразсудковъ и оккультизма развертываютъ передъ нами длинные списки разнообразныхъ примѣтъ до сихъ поръ весьма распространенныхъ въ народныхъ преданіяхъ и въ культурныхъ классахъ самыхъ цивилизованныхъ странъ; столь-же многочисленныхъ до нашего времени свидѣтельствъ вѣрованія въ знаменательность сновидѣній; не менѣе длинный рядъ гаданій, употреблявшихся у халдеевъ и у древнихъ египтянъ, и въ античномъ мірѣ, и у христіанскихъ народовъ Среднихъ Вѣковъ, и въ новой Европѣ Не менѣе распространено до нашего времени въ средѣ „цивилизованныхъ" націй вѣрованіе въ счастливые и несчастные дни и часы для того или другого опредѣленнаго дѣла или для всякаго дѣйствія и т. под Наконецъ, не мало можно констатировать переживаній такихъ

обрядовъ (иногда возмутительныхъ), которые могли возникнуть лишь у доисторическаго человѣка. Не было и нѣтъ историческаго народа, у котораго не находили-бы образчиковъ этого слоя вѣрованій Даже наиболѣе развитыя личности съ трудомъ и не всегда противустояли и противустоятъ подобнымъ переживаніямъ

Ограничимся двумя-тремя указаніями, преимущественно для новѣйшаго времени

Слишкомъ извѣстны многочисленные примѣры „примѣтъ", „неблагопріятныхъ встрѣчъ", опасеній числа 13 и несчастныхъ дней недѣли Довольно вспомнить въ этой области кое-что, засвидѣтельствованное статистикою и денежными разсчетами. въ Парижѣ, если 13 ое число мѣсяца приходится въ пятницу, то въ этотъ день *всегда* замѣчается *понижение* сборовъ за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ трамваяхъ и омнибусахъ и т под. Въ Бѣлоруссіи вѣрятъ въ „лихую годину", въ „лихой часъ", когда всякое неосторожно сказанное слово имѣетъ магическое и вредное дѣйствіе У многихъ народовъ распространено употребленіе поговорки въ хорошій часъ молвить, въ дурной — помолчать, или какой-либо другой, имѣющей подобный же смыслъ Въ Мадридѣ въ 1886 году видѣли въ формѣ облаковъ и въ особенностяхъ луннаго освѣщенія знаменіе наступающаго свѣтопреставленія Лѣтомъ 1812 года адмиралъ Шишковъ (будущій министръ просвѣщенія!) искалъ знаменія объ исходѣ начавшейся войны въ формѣ облаковъ, при чемъ Россію, по его мнѣнію изображало облако въ формѣ рака И наканунѣ XX го вѣка въ эпоху самого пышнаго расцвѣта денежныхъ и кредитныхъ спекуляцій, нижегородское купечество „внимательно слѣдитъ" ежегодно за тѣмъ, какъ вѣтеръ развертываетъ флаги, поднятые которыхъ обозначаетъ начало ярмарки это, вишите, „знаменіе" большого или меньшаго „успѣха ярмарочной торговли". Если въ этихъ случаяхъ представлялись подобныя переживанія, то конечно совсѣмъ неудивительно что въ 1894 году въ селѣ Кіевской губерніи произошелъ „страшный переполохъ" по поводу рожденія на свѣтъ уродливаго цыпленка („новорожденнаго чорта") при чемъ устраненіе этой „нечистой силы" сопровождалось цѣлымъ рядомъ магическихъ пріемовъ Послѣдній фактъ связанъ съ цѣлою группою вѣрованій, что рождающихся уродовъ необычной формы слѣдуетъ убивать, какъ оборотней или какъ бѣсовское наваждение, чему примѣры встрѣчаются въ Нью Іоркѣ въ 1877 году между ирландцами въ 1883 г въ Штеквигѣ, а вѣрованіе въ эту „нечисть" и въ оборотней распространено между прочимъ, и между мазурами Пруссіи и въ русскомъ народѣ

Гаданіе при помощи сновъ и полученіе знаменій этимъ путемъ было въ доисторическій періодъ и осталось въ классическомъ мірѣ и позже однимъ изъ самыхъ обычныхъ и устойчивыхъ, не уступавшихъ никакимъ другимъ методамъ. Спеціалисты признали, что всѣ событія въ халдейской поэмѣ Издубара совершаются подъ вліяніемъ несчетнаго количества сновидѣній, помощью которыхъ боги открываютъ будущее людямъ и даютъ имъ совѣты Вѣщія сновидѣнія играютъ не малую роль и въ преданіяхъ древнихъ евреевъ. Въ античномъ мірѣ сновидѣнія въ храмахъ были однимъ изъ средствъ вопрошенія оракуловъ въ особенности въ случаѣ болѣзни Это перешло и въ христіанскія церкви при чемъ большею частью дѣло шло уже не о совѣтахъ, данныхъ богородицею или угодниками относительно способа леченія, а прямо о чудотворномъ дѣйствіи реликвій или христіанскихъ амулетовъ и фетишей

Новые изслѣдователи евангелій замѣчаютъ, что первое изъ нихъ особенно охотно прибѣгаетъ къ мотиву разъясненія мистическихъ тайнъ путемъ сновидѣній Св Іеронимъ и Григорій турскій получаютъ этимъ путемъ укоры за свои проступки Въ настоящее время толкованія вѣщихъ сновъ и вѣра въ предчувствіе какъ среди насыпковъ цивилизаціи, такъ и среди дикарей высшей культуры, или даже въ рядахъ интеллигенціи въ передовыхъ странахъ міра такъ обычны, что достаточно объ этомъ напомнить Въ 1831 г „философъ" Шопенгауэръ бѣжалъ изъ Берлина отъ холеры вслѣдствіе „вѣщаго" сна Въ іюнѣ 1897 г психологическое общество въ Парижѣ серьезно обсуждало „предчувствіе" монахини, сгорѣвшей предъ этимъ при пожарѣ благотворительнаго базара Новые наблюдатели сообщаютъ, что въ современной буржуазіи нѣкоторыхъ цивилизованныхъ странъ лишь небольшое меньшинство не вѣритъ въ вѣщіе сны, а нѣкоторые прямо обращаются къ покойникамъ за совѣтомъ, путемъ сновидѣнія, совершить-ли ту или другую покупку

Опасеніе сглазу было и осталось тоже весьма распространеннымъ вѣрованіемъ и противъ этой опасности среди „цивилизованныхъ" народовъ нашего времени принимаютъ столь-же элементарные магическіе пріемы какъ у дикарей разныхъ прежнихъ культуръ При этомъ, по мнѣнію многихъ новыхъ фольклористовъ, именно это вѣрованіе послужило основаніемъ для мнѣнія о Медузѣ, какъ вообще о вѣдьмахъ, волшебницахъ и волшебникахъ, способныхъ однимъ взглядомъ обращать человѣка въ камень, въ животное и т под

Относительно вѣрованія въ силу слова одинъ халдейскій гимнъ выражается такъ: „Самое непреодолимое могущество заключается въ таинственномъ имени .. Передъ нимъ все преклоняется на небѣ, на землѣ и въ подземномъ царствѣ Сами боги скованы этимъ именемъ и покоряются ему". Въ древнемъ Египтѣ не только самое слово, но его звукъ, „вѣрность голоса" играли роль въ магической инкантаціи, были особеннымъ качествомъ и покопника, котораго хотѣли прославить, и самого бога Тота Выборъ „счастливаго имени" и „счастливыхъ словъ" игралъ важную роль въ оффиціальныхъ формулахъ и въ юридическихъ текстахъ древняго Рима Эта вѣра въ силу слова перешла и къ христіанскимъ учителямъ. Новѣйшіе изслѣдователи евангелій находятъ, что въ первомъ изъ нихъ авторъ придаетъ особенное магическое значеніе словамъ, произнесеннымъ Христомъ при совершеніи того или другого чуда Знаніе тайныхъ именъ божествъ и мистическихъ силъ облекало, по мнѣнію гностиковъ, знающихъ чудотворнымъ могуществомъ Здѣсь-же источникъ того значенія, которое „воплощенное слово" получило въ псевдо-іоанновскомъ евангеліи Объ этой силѣ слова говорилъ и Оригенъ въ своемъ возраженіи Цельсу По выраженію Аоанасія, одно произнесеніе имени Іисуса уничтожаетъ всякую дѣйствительность языческой магіи Ястребъ долженъ былъ оставить дрозда, который въ его когтяхъ повторилъ слова Ave Maria, имъ заученныя. И Агриппа нетгеймскій въ канунъ новой свѣтской цивилизаціи писалъ „Имена суть символы и сосуды божественнаго всемогущества. которыя освящены высшимъ Богомъ опредѣленнымъ образомъ по неизмѣнному числу и очертанію ихъ буквъ.. Ихъ религіозное наблюденіе и благочестивый призывъ . сообщаютъ намъ великую божественную силу и власть совершать сверхъестественныя дѣйствія". Для современной Россіи существуютъ свидѣтельства, что между казаками Кизлярскаго уѣзда твердо держится вѣра, что знающій таинственное „слово" „можетъ и пули хватать руками изъ подъ выстрѣла, и владѣть неразмѣннымъ абазомъ"

Тамъ заговариваютъ сторожевой постъ, такъ что къ нему нельзя чужому приблизиться, заговариваютъ змѣй и т под Въ началѣ 60 хъ годовъ на большой фабрикѣ въ подмосковной деревнѣ господствовала вѣра въ такое слово, которое позволяетъ набрать много грибовъ, наловить много рыбы, найти кладъ и т под Еще въ 1887 году появился въ печати разсказъ „судебнаго слѣдователя" о томъ какъ онъ видѣлъ магическое дѣйствіе заговора на воровъ (Ср отчасти „Оп" 1270 и слѣд) Точно такъ-же въ недавнее время монахъ Гюкъ „видѣлъ" во время своего путешествія въ Лассу, какъ „лама разрѣзалъ себѣ животъ ударомъ ножа, какъ его внутренности вывалились на землю, какъ онъ ихъ потомъ подобралъ, положилъ на мѣсто и пошелъ зашивать свою рану" Онъ-же „осязалъ въ тибетскихъ поселеніяхъ ламъ чудесныя деревья каждый листъ которыхъ естественно обозначенъ одною изъ буквъ тибетской азбуки". Конечно монахъ европеецъ приписываетъ въ XIX вѣкѣ эти „чудеса" „дѣйствію дьявола", какъ дьяволу приписывалъ въ XVIII-мъ вѣкѣ просвѣщенный въ другихъ отношеніяхъ миссіонеръ *Лаффито* колдовство краснокожихъ, въ дѣйствительности котораго онъ не допускалъ даже сомнѣнія

Переживаніе обрядовъ характеризовано преобладающимъ въ этой сферѣ стремленіемъ къ неизмѣнности, къ удержанію всѣхъ старинныхъ подробностей тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ онѣ менѣе осмысленны Эта характеристика перешла и къ обрядной сторонѣ религій во всѣхъ формахъ ихъ эволюціи — Изъ разнообразныхъ магическихъ обрядовъ въ которыхъ еще не проявляется ни мотивъ очеловѣченія природы, ни опредѣленное представленіе о мірѣ духовъ можно упомянуть „опахиваніе" въ русскихъ деревняхъ, какъ пріемъ устраненія или предотвращенія тѣхъ или другихъ общественныхъ бѣдствій (тогда какъ церковные молебны, употребляемые съ такою же магическою цѣлью, заключаютъ уже въ себѣ элементъ анимистическаго колдовства, какъ потому что фантастическимъ посредникомъ является при этомъ высшій колдунъ богъ такъ и потому, что реальнымъ посредникомъ является православное духовенство, прямой преемникъ выдѣлившихся колдуновъ) Традиціонная антропофагія сохранилась въ вѣрованіи русскихъ воровъ и разбойниковъ (въ вѣрованіи, встрѣчающемся и въ сѣверной Англіи и въ другихъ странахъ), что для удачи въ предпріятіяхъ нужно совершить магическій обрядъ съѣданія сырымъ сердца нерожденнаго младенца или имѣть „воровскую свѣчу" изъ сала некрещеннаго младенца или просто изъ человѣческаго жира (примѣры распространенія подобныхъ вѣрованій очень многочисленны въ Европѣ, и уголовные процессы противъ убійцъ съ цѣлью добыть изъ убитаго подобные амулеты имѣли мѣсто въ Пруссіи, въ Австріи, въ Россіи; послѣдній 1896 г въ Курской губ), или даже имѣть у себя палецъ мертвеца, причемъ этой магіи противополагается магія христіанская, какъ то „обидящая свѣча", поставленная верхнимъ концомъ къ низу, свѣча зеленаго воска, употребляемая при панихидахъ отправленіе панихиды по предполагаемомъ ворѣ и т под (Уже къ переживаніямъ позднѣйшихъ слоевъ доисторической мысли относятся обращеніе нынѣшнихъ воровъ и разбойниковъ къ покровительству особенныхъ благопріятствующихъ имъ угодниковъ — „Ивана встрѣчнаго", Іоанна воина и т под: и употребленіе ими особыхъ молитвъ при кражѣ ризъ съ образовъ богородицы и святыхъ для того, чтобы склонить ихъ къ содѣйствію: и убѣжденіе воровъ, что, въ виду удачи вообще въ ихъ промыслѣ, надо украсть что нибудь въ ночь на Благовѣщеніе: что эта ночь во всей Россіи благопріятна для воровъ |въ Смоленской губерніи

такую же роль играетъ ночь на Бориса и Глѣба| Въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ найденныхъ при обыскѣ у воровъ фигурируютъ чуть-ли не всѣ крупныя личности христіанской миѳологіи)

Предъ этимъ было указано, что къ тому-же слою вѣрованій, на которомъ послѣднія ограничивались преимущественно пріемами религіозной техники, можно отнести и первичныя формы *почитанія животныхъ*. Въ историческое время мы имѣемъ много случаевъ, гдѣ животныя, какъ и всѣ другіе предметы, служили орудіемъ гаданія, такъ что неожиданная встрѣча съ тѣмъ или другимъ звѣремъ (напримѣръ, заяцъ, перебѣжавшій дорогу), направленіе полета птицъ, изгибаніе южно-африканскаго бога-червя, имѣли для искателя знаменій совершенно такое-же значеніе, какъ ушибъ ноги о странный камень, ударъ грома при опредѣленныхъ условіяхъ и т. под. Однако въ почитаніе животныхъ входилъ и особый элементъ, который получилъ гораздо болѣе обширное значеніе на слѣдующей ступени доисторическихъ вѣрованій, и переживанія котораго гораздо удобнѣе разсматривать въ связи съ этою ступенью На животныхъ очень рано перенесли тѣ представленія, которыя уже выработались о человѣкѣ, и даже приписали животному способности высшія. Поэтому и въ гаданіяхъ при помощи животныхъ, послѣднія были ничѣмъ инымъ, какъ знаменіемъ въ иной формѣ; ихъ *очеловѣчилъ* дикарь, не имѣвшій никакого основанія отличать ихъ отъ себя и отъ другихъ людей.

ГЛАВА XII

ПЕРЕЖИВАНІЯ НАТУРИЗМА

Религіозныя представленія и натуризмъ — (Примѣры — Элементы культа животныхъ).—Натуризмъ и художественная фантазія.—(Переходныя явленія)

Но, при первомъ переходѣ въ области вѣрованій отъ непосредственной *религіозной техники* къ *религіознымъ представленіямъ*, это очеловѣченіе, совершившееся само собою по отношенію къ животнымъ, разпространилось на другіе предметы міра, а затѣмъ охватило всѣ его элементы, весь комплексъ природы. Эта ступень эволюціи вѣрованій оставила по себѣ тоже многочисленные слѣды въ историческое время, однако слѣды, которые лишь одною своею долею можно отнести къ переживаніямъ. Конечно, не могло быть жизненнымъ элементомъ позднѣйшей цивилизаціи представленіе объ источникѣ, о лѣсѣ, о солнцѣ или о мечѣ, какъ о чемъ-то способномъ симпатизировать потребностямъ человѣка, раздражаться противъ него, вступать съ нимъ въ договоры, давать ему требуемые совѣты и т. под. Оно не могло быть, ничѣмъ инымъ какъ переживаніемъ, часто безразличнымъя но иногда и вреднымъ, уже въ эпоху, когда обособленные національности пытались создать сильные государственныѣ организмы, функціонированію которыхъ были помѣхою все неприкосновенныя святыни въ природѣ. Тѣмъ болѣе оній было такъ въ эпоху ростущей дѣятельности крити ческо

мысли. Конечно, съ прогрессомъ этой мысли въ особенности было несовмѣстимо представленіе о *превращеніяхъ* людей въ животныхъ, въ деревья, въ камни и т. под., или о *дѣйствіи* предметовъ на человѣка на основаніи поверхностныхъ *аналогій* (краснаго цвѣта съ кровью, восковой куклы, названной опредѣленнымъ именемъ, съ человѣкомъ, носящимъ это имя и т. под.) или-же на основаніи того, что клокъ волосъ, ногти, слюна, слѣдъ на землѣ и т. д. принадлежали существу, которое имѣлось въ виду „испортить". Эти и нѣкоторыя другія, подобныя-же, представленія, тѣсно связанныя съ основными интеллектуальными пріемами натуризма и разсужденія по аналогіи, прилагаемаго къ различнымъ областямъ природы, приходится изучать какъ переживанія и они встрѣчаются въ огромномъ числѣ въ историческій періодъ.

Обращеніе къ источникамъ, къ деревьямъ и т. под. съ просьбами или съ умилостивительными обрядами, принесеніе имъ жертвъ, обвѣшиваніе ихъ тряпками и т. под., имѣло и имѣетъ весьма обширное распространеніе до настоящаго времени. Съ этою низшею ступенью вѣрованій въ чудесныя явленія природы связаны и многія древнія и христіанскія легенды о палкѣ, на которой появились листья и цвѣты, какъ знаменіе выбора высшею силою того или другого лица для того или другого дѣла, какъ знаменіе помилованія грѣшника, или какъ поведеніе аскету принять должность епископа или же просто какъ проявленіе сверхъестественной силы святой угодницы, которая угощала монахинь спѣлымъ виноградомъ зимою и т. под. Другая область чудеснаго дѣйствія на природу безъ посредства анимистическихъ представленій проявилась въ скандинавскомъ повѣствованіи о Бальдурѣ, жизнь котораго была охранена заговоромъ отъ всѣхъ растеній кромѣ одного, и въ слышанной мною талмудической легендѣ объ Іисусѣ, охраненномъ заговоромъ отъ всѣхъ камней, но погибшемъ по этой легендѣ подъ ударами качаномъ капусты изъ огорода Іуды. Въ большей части случаевъ впрочемъ упомянутый культъ растеній источниковъ и т. под. перешелъ уже на ступень анимизма и человѣкъ обращается къ *духу* источника, къ *духу* дерева и т. д. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются случаи, когда дѣло не пошло далѣе оживленія и очеловѣченія природы. Какъ интересный примѣръ подобнаго—уже вполнѣ сознательнаго — переживанія, можно привести изъ рѣчи Gomme въ 1892 г. приводимое имъ недавнее обращеніе шотландскаго крестьянина къ христіанскому богу, при отправленіи обряда поклоненія источнику, со слѣдующими словами: „Я знаю, что въ этотъ день хорошо было бы, чтобы я преклонилъ колѣна и сердце передъ тобою во истину такъ-же какъ я это дѣлаю передъ этимъ источникомъ. Но мы должны соблюдать обычаи отцовъ". Здѣсь не осталось слѣда мысли о „духѣ" источника и даже весьма возможно, что представленіе о поклоненіи „духу" было-бы для христіанина возмутительнымъ служеніемъ „дьяволу". Роль амулетовъ играютъ, повидимому, въ миѳахъ античнаго міра и всѣ волшебные предметы—дары боговъ—которые доставляютъ побѣду героямъ этихъ миѳовъ. Точно такъ же, въ весьма распространенныхъ сказаніяхъ о чудесныхъ мечахъ (по недавнимъ свидѣтельствамъ Bauerstock'a, Kirby и Major'a) и въ скандинавскихъ, и въ кельтическихъ ска-

заніяхъ, и въ эстонской эпопеѣ, и на востокѣ мечи одарены особою самостоятельною жизнью, однако при этомъ вовсе не говорится о какомъ-либо духѣ, присутствующемъ въ мечѣ послѣдній — не фетишъ, а оживленный предметъ (и въ романѣ La Motte Fouqué влюбленная колдунья, заговаривающая сѣкиру Аринбіорна сообщаетъ мечу особое качество, но не вселяетъ въ него какого-либо духа).

Точно такъ-же многочисленные разсказы о превращеніяхъ людей въ животныхъ, въ растенія и камни, входящіе въ сказочную литературу и въ миоы позднѣйшаго времени, всего чаще проникнуты мировоззрѣніемъ анимизма и сплетены съ вѣрою въ духовъ: однако эти послѣдніе представленія далеко не всегда являются неизбѣжнымъ элементомъ повѣствованія Гораздо тѣснѣе съ нимъ связано представленіе о колдовствѣ, однако слѣдуетъ замѣтить что если шаманизмъ преимущественно развился на почвѣ анимизма и фетишизма, то представленіе о магическомъ дѣйствіи на предметы природы и на людей не только не было несовмѣстимо съ низшею ступенью религіозной техники, но, напротивъ, до извѣстной степени входило въ ея задачи Поэтому въ разсказѣ Апулея превращеніе въ осла могло быть переживаніемъ не только позднѣйшаго, болѣе обработаннаго колдовства, но и самаго элементарнаго представленія о превращеніяхъ То же можно сказать относительно „чародѣя“ и оборотня Волха (или Вольги) нашихъ былинъ, помѣщеннаго въ ряду богатырей. Въ разсказахъ о ликантропіи, о вѣдьмахъ въ видѣ кошекъ и тому подобное мы чаще встрѣчаемъ не переходъ души оборотня въ тѣло животнаго, но прямое превращеніе одного существа въ другое, безъ всякаго представленія о душѣ То-же можно сказать относительно окаменѣлыхъ людей. Между тѣмъ вѣрованія въ эти превращенія жили чуть-ли не у всѣхъ историческихъ народовъ прежняго времени, живутъ и въ нынѣшнихъ цивилизованныхъ странахъ и въ не особенно давнее время вызывали въ Европѣ процессы и осужденія на костеръ.

Въ нѣкоторыхъ обрядахъ, на столько распространенныхъ, что трудно отнести ихъ къ заимствованіямъ одного народа у другого, но приходится скорѣе допустить сходную эволюцію элементарныхъ представленій въ разныхъ мѣстностяхъ, представляется вѣроятность, что предъ нами различные фазисы одной и той-же эволюціи, остановившейся тутъ на одномъ, тамъ на другомъ изъ этихъ фазисовъ. Такъ у неисторическихъ народовъ и въ странахъ высшей исторической культуры мы встрѣчаемъ обычай украшать деревья разными привѣсками, тряпками и т под для общей мало-осмысленной цѣли обезпеченія удачи или, просто, по древней традиціи. Одна изъ формъ этого чуть ли не повсемѣстнаго обряда— втыканіе въ дерево гвоздей Въ этой первобытной формѣ почитанія деревьевъ мы находимъ этотъ обрядъ въ анжерскомъ дубѣ и въ вѣнскомъ Stock im Eisen, въ которые странствующіе работники опредѣленнаго ремесла обязаны были по традиціи втыкать гвоздь. Совершенно обособленную вѣтвь миѳологическихъ представленій, связанныхъ съ этимъ древнимъ обрядомъ, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивахъ: въ одномъ случаѣ предметъ помѣщенный въ дерево служитъ знаменіемъ объ удачѣ или неудачѣ въ предпріятіи человѣка, который шелъ на опасное дѣло и это распространяется на цѣлый рядъ подобныхъ знаменій; въ другомъ господствуетъ уже болѣе оптимистическое представленіе о связи жизни человѣка съ жизнью растенія, наконецъ о помѣщеніи „жизни“, „души“ или „смерти“ человѣка въ дерево, какъ въ какой-либо другой предметъ. За тѣмъ, сохраняя болѣе первобытную

форму культа удачи, къ позднѣйшей эпохѣ почитанія жилищъ, мистическаго отношенія къ храмамъ и къ фетишамъ духовъ, боговъ, героевъ или святыхъ насъ переноситъ обычай втыкать гвоздь или булавку въ языческіе или христіанскіе кумиры, обычай очень распространенный въ католической Европѣ для обезпеченія дѣвушкамъ жениха, для помощи святого въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ, при чемъ въ протестантскомъ Монбельярѣ сохраняется обрядъ „пригвожденія брака" втыканіемъ гвоздя въ каоедру проповѣдника или въ полъ церкви. Въ древнемъ Римѣ этотъ самый обрядъ принималъ характеръ государственно-религіозный для его торжественнаго совершенія избирался особый диктаторъ въ виду отвращенія чумы или другихъ общественныхъ бѣдствій II въ нынѣшнемъ Конго подобный же смыслъ имѣетъ втыканіе гвоздя въ національный фетишъ Здѣсь предъ нами, начиная съ фазисовъ первобытнаго и неосмысленнаго культа деревьевъ у жителей лѣсовъ, отчасти незнавшихъ еще постоянныхъ жилищъ, мы постепенно переходимъ къ магическому дѣйствію съ вполнѣ-опредѣленной цѣлью, къ жертвѣ, приносимой опредѣленному представителю высшей силы, къ ex-voto и къ молитвѣ, предполагающей еще болѣе опредѣленное религіозное представленіе или даже міросозерцаніе, наконецъ къ символическому дѣйствію, имѣющему самый разнообразный идейный характеръ

Когда дѣло идетъ о животныхъ въ доисторическихъ вѣрованіяхъ, то слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь очень часто можно смѣшать три послѣдовательные, но совсѣмъ различные слоя вѣрованій: животное, какъ источникъ знаменій при разгадываніи будущаго, животное, какъ очеловѣченное существо, одаренное антропопатическими свойствами, одинаковыми съ человѣкомъ, или даже превосходящими послѣднія (ступень натуризма), наконецъ, животное, какъ жилище духа.

Всѣ эти мотивы въ религіозныхъ сказаніяхъ и въ сказочныхъ повѣствованіяхъ могутъ восходить и восходятъ къ доисторическому времени, однако, въ своихъ переживаніяхъ, подлежатъ наблюденію не только въ періодъ обособленныхъ историческихъ цивилизацій, но и въ эпохи универсалистическихъ религій Такъ, античный міръ и міръ христіанскій одинаково представляютъ намъ многочисленные примѣры животныхъ, выражающихъ благочестивое почитаніе святынямъ языческимъ, христіанскимъ или мусульманскимъ Животныя доставляютъ пищу героямъ и святымъ, воспитываютъ дѣтей, осужденныхъ на смерть гонителями, спасаютъ чуднымъ образомъ людей отъ гибели и помогаютъ имъ въ опасныхъ предпріятіяхъ (извѣстный сказочный мотивъ о благодарныхъ и дружественныхъ животныхъ), охраняютъ тѣло святыхъ или дѣвственность угодницъ отъ поруганія, служатъ въ монастыряхъ вмѣсто осла или быка, ими съѣденнаго, слушаютъ проповѣдь святого оратора, руководятъ переселеніемъ человѣческихъ группъ, охраняютъ сокровища, обладаютъ функціями колдуновъ (въ Тулонѣ, въ 1875 г), или даже прямо разговариваютъ съ людьми въ случаѣ надобности Многіе ученые думаютъ что въ первоначальной формѣ еврейскаго преданія змій, искусившій Еву, былъ просто коварнымъ животнымъ, входившимъ въ сношенія съ прародителями человѣка, и лишь гораздо позже сдѣлался для вѣрующихъ жилищемъ дьявола Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи домового представляютъ себѣ въ видѣ змѣи или даже прямо отожествляютъ со змѣею Можно допустить, что это древнѣйшее представленіе о змѣѣ, какъ о животномъ, обладающемъ таинственными силами, привело къ нѣсколько позднѣйшему греческому представленію о во-

плошении въ ней души мертвецевъ, предковъ и героевъ, затѣмъ ввело змѣю важнымъ элементомъ въ культъ хтоническихъ божествъ въ греческія мистеріи въ гимны орфиковъ, еще позже въ умозрѣнія гностиковъ, при чемъ въ разныхъ сектахъ послѣднихъ змѣя оказывалась символомъ то демиурга то логоса, то силы благодѣтельной то враждебной. а одной изъ гностическихъ сектъ дала и ея характеристическое наименование. Легенда о мѣдномъ змѣѣ, воздвигнутомъ Моисеемъ въ пустынѣ, тѣмъ положительнѣе указываетъ на существование у евреевъ отрасли культа животныхъ на какомъ-то раннемъ фазисѣ эволюции этого культа, что подобный эпизодъ представляется какъ бы вполнѣ противурѣчивымъ съ общимъ порицаніемъ „творенія себѣ кумировъ", сдѣлавшимся въ послѣдствіи характеристическою чертою религіи евреевъ

Огромная роль которую дѣйствительныя животныя играли въ миоахъ, сказаніяхъ и сказкахъ, повела и къ новой области сказаній о животныхъ фантастическихъ впечатлѣніе, произведенное въ этихъ случаяхъ на народы змѣями, подтверждается и тѣмъ, что именно элементы строенія этого класса животныхъ отразились въ представленіи тѣхъ фантастическихъ животныхъ, которыя всего чаще входили въ миоы и сказки. Такъ, особенно многочисленны почти во всѣхъ странахъ сказанія о драконахъ и змѣеобразныхъ чудовищахъ и въ историческомъ сказочномъ творчествѣ, и въ болѣе стройныхъ продуктахъ античнаго и христіанскаго міра Въ битвахъ съ фантастическими чудовищами почти исключительно проявлялось индивидуальное достоинство древнѣйшихъ богатырей, народныхъ героевъ позднѣйшихъ полубоговъ Здѣсь передъ нами цѣлый рядъ продуктовъ древняго творчества, въ которые болѣе или менѣе широко проникли сказанія и типы миоовъ о Персеѣ, которымъ въ самое послѣднее время Hartland посвятилъ особое изслѣдование Сюда-же относятся разсказы о грифахъ и другихъ хранителяхъ сокровищъ о василискахъ и т под Наконецъ эти фантастическія животныя доставившія матеріалъ и для поучительной или забавной басни, и для эпическихъ эпизодовъ въ жизни героевъ всѣхъ народовъ на нѣкоторомъ фазисѣ миоологическаго творчества, входили въ исторію высшихъ боговъ, были ихъ воплощеніемъ или ихъ опаснымъ врагомъ были даже сами богами Такъ новѣйшіе изслѣдователи склонны видѣть въ фантастическихъ чудовищахъ халдейской космогоніи или аналогію, или, даже, первообразъ „хаоса" эллинской миоологіи и „водъ", которыя были раздѣлены еврейскими элоимами при началѣ мироздания

Собственно религіозная мысль и при своихъ доисторическихъ проявленіяхъ, и при ея позднѣйшихъ переживаніяхъ была на столько-же чужда свободному творчеству мысли эстетической, какъ и обязательнымъ нормамъ нравственнаго убѣжденія. Какъ только фантазія художника стала обнаруживать способность къ этому свободному творчеству, такъ она тѣмъ самымъ начала дѣйствовать разрушительно на заботы объ общеніи съ фантастическимъ міромъ по обычаю, или въ виду національнаго или государственнаго единства. Продукты религіи не нуждались въ привлекательности эстетической, такъ какъ они, по своей сущности, обладали привлекательностью иного рода Продукты художественнаго творчества не нуждались въ религіозномъ элементѣ, чтобы быть

и привлекательными по формѣ, и содержательными по идеѣ. Однако эти двѣ области не могли не вступить во взаимодѣйствіе: одни и тѣ-же мотивы служили часто источникомъ работы мысли въ обѣихъ областяхъ, то усиливая религіозный аффектъ привлекательною формою, то подрывая его, какъ аффектъ, силою эстетическаго наслажденія, его смѣняющаго.

Однимъ изъ проявленій этой близости двухъ отраслей работы мысли и ихъ взаимодѣйствія можно признать то, что имѣло мѣсто въ процессѣ оживленія и очеловѣченія природы фантазіею человѣка. Этотъ процессъ, рядомъ съ указанными примѣрами *переживаній* въ религіозной области, вызвалъ и явленія, которыя уже неудобно отнести къ подобнымъ переживаніямъ. Скорѣе слѣдуетъ видѣть *жизненный элементъ* позднѣйшей поэзіи въ огромной области лирики, отчасти принадлежавшей къ безличному искусству, иногда однако и къ позднѣйшему искусству индивидуальному. Эта лирика, при обращеніи къ природѣ, употребляя почти постоянно пріемъ перенесенія на нее антропопатическихъ настроеній и антропоморфическихъ формъ. Здѣсь существенна разница отъ миѳическаго творчества: изъ мысли поэта не исчезаетъ сознаніе, что источникъ оживленія природы въ этомъ случаѣ составляетъ *его* фантазія, слѣдовательно у него отсутствуетъ убѣжденіе въ реальности и самостоятельности факта этого оживленія. Поэтому едва-ли правильно называть эту отрасль работы мысли „литературнымъ анимизмомъ“ (какъ это дѣлаетъ Летурно).

Можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на рубежѣ исторической жизни народовъ, есть возможность подмѣтить самый моментъ перехода отъ *вѣрованія* въ *самостоятельность* антропопатическихъ настроеній и антропоморфическихъ формъ, непроизвольно создаваемыхъ религіозною мыслью, къ оживленію природы сознательною фантазіею поэта Такъ, едва-ли не очень близки между собою въ психическомъ процессѣ слѣдующіе два факта, принадлежащіе тѣмъ не менѣе почти безспорно къ двумъ различнымъ только что указаннымъ областямъ Калифорнійскій колдунъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ свое магическое дѣйствіе, въ которое входило бормотаніе непонятныхъ словъ „Я говорю съ деревьями, съ птицами, съ источниками, съ небомъ съ утесомъ, побуждая ихъ помочь мнѣ, говорю такъ-же съ вѣтромъ, съ дождемъ и съ *листьями*“. Здѣсь для колдуна существуетъ рядъ живыхъ существъ, способныхъ *дѣйствительно* вступать съ нимъ въ разговоры Во введеніи къ „Калевалѣ“ говорится „Пѣсни далъ мнѣ и морозъ, напѣвы далъ мнѣ дождевой ливень, другія пѣсни принесли мнѣ вѣтры; слова приладили птицы, изрѣченія создали вершины деревьевъ.“ Здѣсь, очевидно, передъ нами то самое *сознательное* внесеніе жизни и человѣческихъ дѣйствій въ стихіи, которое присутствуетъ въ самыхъ отдѣланныхъ лирическихъ и драматическихъ обращеніяхъ къ природѣ великихъ поэтовъ позднѣйшаго времени

Какъ переходная ступень между этими двумя продуктами натуризма, но уже съ значительнымъ усиленіемъ элемента христіанскаго фетишизма, любопытна молитва русской полураскольницы Алены Ефимовой объ обращеніи Петра I въ истинную старую вѣру, молитва за которую эту вѣрующую вѣрноподданную подвергали пыткѣ въ Преображенскомъ приказѣ: „Услышь, святая соборная церковь со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ.., со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякимъ плодоноснымъ древомъ. О молю и прекрасное солнце, взмолись царю небесному объ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ, свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море съ рѣками и съ мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмолитеся . и рыбы морскія и скоты польскіе (полевые), и звѣри дубровные и поля, и всѣ земнородныя, взмолитеся къ царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ"!

ГЛАВА XIII

ПЕРЕЖИВАНІЯ АНИМИЗМА И ФЕТИШИЗМА.

Религіозныя представленія различныхъ слоевъ — Общія и частныя переживанія. — Переживанія анимизма — (Примѣры —Сложные и сомнительные случаи) — Переживанія фетишизма. — (Примѣры) —Превращенія и воплощенія —(Примѣры) —Заимствованіе —(Примѣры)

Переживаніе вѣры въ амулеты, въ знаменія и вообще вѣрованій, связанныхъ съ религіозною техникою, представляетъ тотъ особенныхъ характеръ, что ихъ признать очень легко, такъ какъ эта область вѣрованій, подобно большинству культурныхъ переживаній, допускаетъ развитіе лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ Совершенно другое въ области религіозныхъ представленій, которыя, по самой сущности, развиваются какъ въ самой сферѣ вѣрованій, такъ, впослѣдствіи, въ своихъ эстетическихъ и философскихъ элементахъ, пока эти послѣдніе не заглушатъ и не вытѣснятъ окончательно изъ дальнѣйшихъ продуктовъ всѣ элементы религіозной мысли.

Такимъ образомъ представленіе о душахъ-двойникахъ умершихъ вліятельныхъ родичей (бывшее, вѣроятно, первымъ источникомъ анимизма), въ самой сферѣ вѣрованій разрослось сперва въ представленіе о душахъ-двойникахъ всѣхъ мертвецовъ, затѣмъ о подобныхъ-же двойникахъ всякихъ предметовъ природы, еще далѣе о духахъ природы стихійныхъ и предметныхъ. На этой почвѣ *анимизма*, прежнее вѣрованіе въ амулеты, знаменія, гаданія, заклинанія и т. под., сплетаясь съ анимизмомъ, дало начало, во первыхъ, религіозному представленію о предметахъ природы, какъ о жилищахъ (временныхъ или постоянныхъ) духовъ, какъ о

фетишахъ; во вторыхъ, болѣе опредѣленному представленію о *шаманахъ*, какъ спеціалистахъ въ области гаданій, заклинаній, сношеній съ душами мертвыхъ и съ духами природы, въ области признанія фетишей, ихъ созданія и т. под. Эта эволюція *религіозной* мысли доисторическаго человѣка поставила на всѣхъ своихъ ступеняхъ человѣку задачи *эстетически* оформить и міръ духовъ, и форму фетишей, и обряды культа, а также *философски* согласить отрывочные вѣрованія и обряды, имѣвшіе весьма разнообразное происхожденіе, какъ между собою, такъ и съ развивающимися общественными формами, съ накопляющимися знаніями, впослѣдствіи и съ нравственными идеалами Когда началась для народовъ жизнь историческая, всѣ эти первобытныя вѣрованія входили въ мысль новыхъ поколѣній на весьма различныхъ ступеняхъ своей эволюціи, неизбѣжно при этомъ окрашиваясь дальнѣйшими фазисами эволюціи эстетической и философской. Такимъ образомъ, переживанія здѣсь наблюдаются не въ полномъ составѣ прежняго вѣрованія, цѣликомъ перешедшаго въ новую эпоху, но какъ элементы, представляющіе явный диссонансъ съ позднѣйшими жизненными элементами, съ которыми они тѣмъ не менѣе тѣсно связаны преданіемъ

Къ анимистическому почитанію родичей и предковъ приходится отнести всѣ тѣ, весьма многочисленныя, вѣрованія позднѣйшаго времени, гдѣ дѣйствующими лицами являются близкіе покойники, въ одномъ случаѣ самопроизвольно входящіе въ сношеніе съ живыми, въ другомъ — вызываемые путемъ колдовства, но во всѣхъ случаяхъ представляющіе еще не невещественную субстанцію гораздо позднѣйшихъ философовъ, а нѣкоторое тонкое вещество, и продолжающіе жить тѣми потребностями и заботами, которыя составляли для нихъ самое важное дѣло въ ихъ жизни Распространившись на всѣхъ людей, а затѣмъ и на весь міръ вещей, анимистическое міросозерцаніе дало у доисторическаго человѣка матеріалъ для загробнаго міра и затѣмъ подверглось этотъ міръ все болѣе тщательной разработкѣ подъ вліяніемъ мысли философской, эстетической и нравственной, развилось въ разнообразныя переживанія Тутъ, на очень низкой степени эволюціи, развились вѣрованія въ вампировъ, въ оборотней, въ волкодлаковъ и способы борьбы съ ними; на высшей, эта-же область вѣрованій выработалась въ картины египетскаго Аменти, въ болѣе грубое представленіе этого загробнаго міра въ Одиссеѣ и въ картину христіанскаго ада, гдѣ

безплотныя души на средневѣковыхъ фрескахъ подвергались совершенно такимъ-же физическимъ мученіямъ огнемъ и орудіями пытки, какъ-бы онѣ были одарены самыми матеріальными нервами. Слившись съ міромъ духовъ природы, анимистическій міръ покойниковъ перенесъ на явленія природы цѣликомъ тѣ представленія, которыя въ немъ выработались въ предыдущіе фазисы. Здѣсь жизненнымъ элементомъ перваго историческаго періода, когда обособленныя національныя цивилизаціи работали надъ сплочиваніемъ организмовъ государственнаго и семейнаго въ процессѣ борьбы сознанныхъ интересовъ, можетъ быть есть основаніе считать духовъ очага, домовыхъ, разныхъ ларъ античнаго міра, и боговъ покровителей египетскихъ номовъ, греческихъ муниципій и т. под. Къ этому фазису развитія мысли объ общеніи между человѣкомъ и фантастическимъ міромъ, какъ о вспомогательномъ средствѣ поддержки реальнаго общественнаго союза, относится приложеніе къ первому общенію юридическаго понятія о формальномъ договорѣ между человѣкомъ и богомъ. Небольшая область анимизма, охватывающая духовъ-покровителей общества, обратилась цѣликомъ въ переживаніе при пробужденіи мысли критической, продолжая существовать въ христіанствѣ и въ прежней формѣ, и въ формѣ признанія нѣкоторыхъ святыхъ патронами разныхъ государствъ. Всѣ остальные духи, стихійные или мѣстные, феи и нимфы, гномы и великаны, лѣшіе и гамадріады, водяные и ундины-русалки, духи горъ и источниковъ, во многихъ случаяхъ такъ или иначе связанные съ міромъ мертвецовъ, въ другихъ—образующіе міръ inanimati оккультистовъ эпохи Возрожденія, оказываются переживаніями первобытнаго анимизма въ позднѣйшихъ вѣрованіяхъ народныхъ (да и не только народныхъ). На дальнѣйшей ступени развитія подобныхъ-же переживаній мы встрѣчаемъ представителей нравственныхъ началъ добра и зла въ мірѣ служителей Ормузда и Аримана, въ ангелахъ и чертяхъ. Еще далѣе передъ нами объединенные эстетическою, философскою и нравственною мыслью образы личныхъ божествъ древнихъ цивилизацій, угодниковъ христіанства, Сатаны, Дѣвы Маріи, бодисатвъ буддизма. Окончательно, въ періодъ атрофированія религіозныхъ аффектовъ и представленій подъ вліяніемъ работы философской мысли, этотъ первобытный анимизмъ дикаря далъ двѣ отрасли. Въ одной изъ нихъ (въ демонѣ Сократа, въ демонологіи неоплатониковъ, въ оккультизмѣ эпохи Возрожденія, въ самоновѣйшемъ спиритизмѣ и

въ необудійскихъ чудесахъ) нельзя не признать самаго близкаго родства съ анимизмомъ краснокожихъ и сибирскихъ инородцевъ Въ другой отрасли эволюція приводитъ къ болѣе отдаленнымъ уже продуктамъ мысли Это, во первыхъ, все менѣе конкретный и все болѣе метафизическій образъ высшаго божества, единаго, двойственнаго или тройственнаго, а не то и распадающагося на многочисленные эоны (въ богословіи индусовъ, персовъ, въ позднемъ представленіи о Зевсѣ или Изидѣ, въ разныхъ слояхъ христіанскаго богословія, начиная съ первыхъ апологетовъ или древнѣйшихъ гностиковъ до новѣйшихъ изслѣдователей сущности, свойствъ и дѣятельности единаго „Бога“ и т. под). Это, во вторыхъ, въ эпоху еще позднѣйшаго перерожденія, до неузнаваемости, анимистическихъ началъ, метафизическія построенія идеализма и пантеизма (у Спинозы, у Шеллинга, въ безусловномъ духѣ Гегеля, въ безусловной волѣ Шопенгауэра и т под) гдѣ, подъ унаслѣдованными переживаніями (иногда отъ болѣе раннихъ періодовъ историческихъ) названій религіознаго преданія, скрывались концепты, потерявшіе уже всякій слѣдъ религіознаго аффекта и религіознаго представленія. На всѣхъ первыхъ ступеняхъ этой эволюціи, переживанія обнаруживаютъ передъ изслѣдователемъ представленія, которыя не могли уже быть жизненнымъ элементомъ для эпохи, когда работа человѣческой мысли была направлена на вѣрованія и представленія, способныя сплотить солидарность государствъ и семей при начинающейся и все усиливающейся борьбѣ сознанныхъ интересовъ, какъ основного общественнаго двигателя Эти представленія могли тѣмъ менѣе быть жизненными элементами для періода критической мысли, стремившейся устранить изъ пониманія всѣ противорѣчія и внести во всѣ отрасли работы мысли элементы нравственнаго идеала. Слѣдовательно, эти представленія приходится разсматривать какъ переживанія доисторическаго анимизма не только потому, что здѣсь сходства безспорны, но и потому, что всѣ другіе источники совершенно невѣроятны. И вотъ мы видимъ въ разные періоды историческаго времени, что мертвецы нуждаются въ пищѣ, въ одеждѣ, въ предметахъ ежедневныхъ занятій живыхъ. Отсюда развиваются цѣлыя обрядныя системы *жертвоприношеній* и цѣлый міръ *жертвъ*, то прямо-наивныхъ, то возмутительныхъ для позднѣйшаго изслѣдователя (доходящихъ до принесенія въ жертву человѣка), то идеализированныхъ въ формѣ экстатической молитвы и принесе-

нія въ жертву метафизическому богу и грѣховной страсти, и самыхъ естественныхъ влеченій Подобныя-же переживанія приходится признать, когда мы видимъ, что духи очага или покровители семьи разсматриваются совершенно такъ, какъ живые члены семьи; что индусы, евреи, римляне заключаютъ формальный договоръ съ богами; что въ загробномъ мірѣ и мірѣ духовъ есть невѣсты, жены и дѣти; что духи и боги дерутся между собою, получаютъ раны, умираютъ и воскресаютъ; что удалившіеся, умершіе или исчезнувшіе предки и боги возвращаются черезъ нѣкоторое время и т под.

Матеріальны души, вызываемыя Одиссеемъ и пьющія кровь Таковаже душа къ которой обращался въ своемъ стихотвореніи императоръ Адріанъ Въ апокрифическихъ и въ каноническихъ христіанскихъ преданіяхъ и форма душъ, и трудности ими испытываемыя (наприм когда онѣ прорываются сквозь черепъ), и эпизоды ихъ дальнѣйшаго существованія (наприм онѣ садятся на руки ангеловъ), особенно-же весь догматъ адскихъ мукъ и чистилища какъ ихъ рисуютъ народныя легенды, вѣрованія церкви, а затѣмъ и поэма Данте — не позволяютъ ни минуты сомнѣваться что представленіе о матеріальности души господствовало въ христіанствѣ безусловно „Астральныя тѣла“ новѣйшаго времени суть не что иное какъ логическая формула для древняго анимистическаго вѣрованія У многихъ историческихъ народовъ мы встрѣчаемъ попытку придать цѣльность и опредѣленность унаслѣдованнымъ отъ доисторическихъ эпохъ представленіямъ о загробномъ мірѣ, но почти у каждаго изъ нихъ приходится констатировать одновременное существованіе нѣсколькихъ представленій этого рода, при чемъ эти представленія обусловливаются какъ космологическими понятіями о строеніи міра. такъ миоологическими обрядами областей гдѣ господствуетъ тотъ или другой богъ или та или другая группа фантастическихъ существъ Эти представленія еще усложняются впослѣдствіи нравственною задачею отдѣлить жилище блаженныхъ мертвецовъ отъ жилища наказуемыхъ или отъ жилища фантастическихъ враговъ господствующаго бога (тѣлановъ, падшихъ ангеловъ и т п) Еще дальнѣйшее усложненіе вносятъ въ эту область вѣрованія позднѣйшихъ миоологическихъ системъ примѣшиваясь къ болѣе древнимъ Отсюда разнообразіе встрѣчающееся въ свидѣтельствахъ индусовъ о царствѣ Ямы или Варуны, въ поэтическихъ образахъ греческаго Аида, Тартара, Елисейскихъ полей, въ многочисленныхъ повѣствованіяхъ кельтовъ о путешествіяхъ въ „страну живыхъ“, въ „страну молодости“ и т п, вообще въ ихъ циклъ языческихъ и христіанскихъ имрамовъ“, то очевидно проникнутыхъ доисторическими элементами, то съ не меньшей очевидностью построенныхъ подъ вліяніемъ христіанства или даже просто входящихъ въ житія кельтическихъ святыхъ Нѣкоторые писатели сближали съ этими мотивами и нѣкоторыя мексиканскія преданія. Однако, при всемъ разнообразіи, встрѣчающемся въ этой области одинъ элементъ остается для нея характеристичнымъ на загробный или фантастическій міръ переносятся неизбѣжно образы, заимствованные или изъ міра реальнаго, подлежащаго прямому наблюденію, или изъ представленій о томъ, что въ немъ было бы желательно видѣть.

На сколько вѣра въ вампировъ и пріемы борьбы съ ними встрѣчают-

ся еще среди современныхъ цивилизацій можно заключить изъ слѣдующаго Подъ вліяніемъ этой вѣры не очень давно сынъ „землевладѣльца“ (Gutsbesitzer) въ Померании вырылъ свѣжій трупъ отца, отрѣзалъ ему голову и положилъ ее между ногъ трупа, низшія судебныя инстанціи отнеслись къ подсудимому снисходительно Точно такъ же поступили въ 1892 г въ Ковенской губ дѣти съ трупомъ повѣсившейся матери, крестьянки

Обряды похоронъ доказывали и доказываютъ, что переживанія представленій о загробномъ мірѣ какъ о продолженіи здѣшняго даже въ мелочахъ, существовали до нашего времени Совершенно такъ, какъ „умершій кафръ приходилъ во снѣ къ брату, требуя себѣ мяса, такъ грекъ-покойникъ требовалъ одежды, современный гражданинъ Тулона — обѣщанный, но забытый, вѣнокъ на могилу, еще чаще христіанскіе и еврейскіе неотпѣтые или неудовлетворительно отпѣтые мертвецы требовали себѣ обрядныхъ молитвъ. Точно такъ-же какъ дикарь на Таити и у краснокожихъ клалъ въ могилу съ трупомъ предметы, которые могли пригодиться покойнику на посмертной охотѣ, какъ на нѣсколько высшихъ культурныхъ ступеняхъ закалывали женъ и рабовъ на могилѣ мужа и хозяина для его сопровожденія въ загробный міръ, такъ тому четверть вѣка вдова ирландскаго фермера убила лошадь покойнаго мужа, объясняя это словами „не пѣшкомъ же ходить моему мужу на томъ свѣтѣ“, а въ Сарапульскомъ уѣздѣ родители положили въ гробъ мальчика книги, по которымъ онъ учился въ школѣ, объясняя, что онѣ „могутъ понадобиться ему“ Въ Обонежскомъ краѣ до сихъ поръ кладутъ въ гробъ съ покойникомъ „утѣхи“ и „забавушки“ иглу, шило, водку и т под Доисторическое кормленіе духовъ, особенно-же душъ предковъ, оказывается прочнымъ переживаніемъ у многихъ народовъ въ формѣ обрядныхъ излияній или неубранныхъ во всю ночь остатковъ трапезы (напримѣръ, въ Провансѣ въ „большой ужинъ“ на Рождество для „маленькихъ душъ“, armettes, съ чѣмъ связанъ обрядъ благословенія рождественскаго огня ребенкомъ, охраненіе рождественскаго полѣна и золы отъ него и т под)

Не исчезли изъ современной культуры и человѣческія жертвы, для которыхъ существуютъ свидѣтельства изъ нашей родины. Въ 1831 г. во время холеры крестьяне хотѣли зарыть живымъ въ землю священника. Въ 1855 году въ Новогрудскомъ уѣздѣ дѣйствительно принесена была подобная жертва, старуха, крестьянами по совѣту фельдшера, какъ доказано судомъ. Въ томъ же уѣздѣ въ 1871 г намѣревались сдѣлать тоже со старухою которую отстояли родные, но, по слухамъ *обмѣнили* съ другою, одинокою женщиною, при чемъ, какъ утверждаютъ, имѣются „бумаги“, свидѣтельствующія, что сельское начальство вполнѣ вѣрило въ возможность устранить холеру, зарывъ живого человѣка въ землю

Уже очень многочисленны свидѣтельства о перенесеніи какъ на духовъ вообще, такъ въ особенности на мертвецовъ представленія о заботахъ и функціяхъ живыхъ Для индусовъ нашего времени домашній духъ по своей реальности настолько близокъ къ людямъ, что въ самые послѣдніе годы иные главы семей весьма добросовѣстно вносили его въ списокъ обитателей дома, требуемый британскими статистиками, помѣщая въ рубрику о грамотности обозначеніе „всевѣдущъ“ О близости у древнихъ индусовъ представленій о жизни боговъ и людей можно судить, напр, хотя-бы по даннымъ встрѣчающимся въ санскритской драмѣ Викраморваши, гдѣ богини (дэвами) обращаются къ помощи царя человѣка для борьбы съ демонами (асурами), гдѣ этотъ царь безъ труда торжествуетъ надъ этими врагами боговъ, гдѣ эти послѣдніе трепещутъ предъ могуществомъ

аскетовъ-людей и не могутъ иначе ограничить это могущество, какъ искушая аскетовъ красотою посылаемыхъ къ нимъ нимфъ (ансарасъ) Въ Индіи-же встрѣчаемъ прямой формальный договоръ между человѣкомъ и богомъ: „какъ въ договорѣ о платѣ, обмѣняемся силами и стараніемъ Дай мнѣ какъ я даю: приноси мнѣ, я принесу тебѣ". И договоръ этотъ, чуждый всякому нравственному побужденію, буквально исполнялся богомъ, до того что этотъ богъ наносилъ добросовѣстно вредъ указанной и ни въ чемъ не виновной предъ нимъ личности Еще недавно у евреевъ совершалось, при содѣйствіи раввина и при помощи особыхъ обрядныхъ пріемовъ, формальное судебное разбирательство по гражданскому дѣлу между живымъ и покойникомъ Извѣстно, что въ самой основѣ еврейскаго вѣроученія лежитъ договоръ заключенный между Яхве и евреями — Наши олончане, подобно краснокожимъ, вѣрятъ, что души дѣтей продолжаютъ расти и послѣ смерти —Въ народныхъ преданіяхъ цивилизованныхъ народовъ почти повсюду встрѣчаемъ у духовъ женъ и дѣтей, принадлежащихъ иногда къ міру людей иногда къ тому-же міру духовъ. Цѣлый циклъ средневѣковыхъ легендъ Западной Европы говоритъ о повитухахъ, приглашаемыхъ феями, ундинами и т под., для помощи при рожденіи дѣтей, и подобные же разсказы встрѣчаемъ въ Бѣлоруссіи о „чертяхъ" Влюбленные въ смертныхъ женщинъ водяные, черти, боги суть самые обыкновенные элементы миѳовъ и сказокъ Зевсъ приходилъ къ Данаямъ и Алькменамъ, Афродита къ своимъ многочисленнымъ смертнымъ любовникамъ, точно такъ-же какъ инкубы временъ христіанства совокуплялись съ женщинами, а суккубы—съ мужчинами въ средніе вѣка, а огненные змѣи прилетаютъ въ русскія избы и до сихъ поръ Въ Россіи нашего времени не только у иныхъ инородцевъ во время похоронъ высказываютъ холостому парню или незамужней дѣвушкѣ желаніе счастливо вступить въ бракъ, но въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи составляютъ „пары для жизни на томъ свѣтѣ", вѣнчая символически съ умершимъ мальчикомъ дѣвочку его лѣтъ — Христіанство удержало въ своихъ миѳическихъ представленіяхъ и „невѣстъ Христа", и Богородицу, которую Троичный Богъ оплодотворилъ чудеснымъ образомъ (еще въ XIII вѣкѣ Генрихъ фонъ Мейсенъ находитъ возможнымъ представить это основное чудо христіанства какъ бросаніе небеснымъ кузнецомъ молота въ лоно Пречистой Дѣвы), оно нашло нужнымъ удержать и мистическій образъ „брака" Христа съ церковью. — Народныя вѣрованія въ фей и русалокъ въ лѣшихъ и водяныхъ слишкомъ извѣстны, чтобы была необходимость долго на нихъ останавливаться Но слѣдуетъ замѣтить что въ нѣкоторыя эпохи среди группъ, безспорно принадлежащихъ къ передовой интеллигенціи въ историческое время, мы видимъ попытки не только допустить, но даже систематизировать эти вѣрованія. Такія попытки мы видимъ у ороиковъ, уже гораздо полнѣе разработанными у неоплатониковъ древняго эллинизма, особенно-же, въ канунъ новой свѣтской цивилизаціи, у Парацельса и его современниковъ съ ихъ теоріею manimali, лишенныхъ безсмертной души, но живущихъ въ стихіяхъ природы.

Въ народныхъ вѣрованіяхъ позднѣйшихъ историческихъ періодовъ доисторическій міръ духовъ представлялъ и представляетъ переживаніе всѣхъ фазисовъ своей эволюціи Специализированные стихійные духи водъ, лѣсовъ и подземныхъ пещеръ, водяные, русалки, лѣшіе, гамадріады, гномы и т. под., уединенные домовые патріархально-родового или семеннаго жилища и многочисленные жильцы „нечистыхъ" домовъ, феи, кобольды, провансальскія „маски", „матагоны", то благодѣтельные, то вредные, то стремящіеся сблизиться съ людьми, то грозные для тѣхъ,

кто подсмотрѣлъ ихъ ночныя пляски и увеселенія — встрѣчаются рядомъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, при большемъ развитіи индивидуализирующихъ пріемовъ творчества, изъ стихійныхъ духовъ выработались „морскіе боги" и „морскіе цари" (какъ финскій Ахто греческій Посейдонъ или царь русской былины о Садко). Но и безъ особеннаго влеченія къ индивидуализированію эти стихійные духи занимаютъ до сихъ поръ столь обширную роль въ мысли массъ, что корреспонденту русскаго журнала, слушавшему разсказы о „нечисти" и о „большой лунной жатвѣ" на островѣ Мэнѣ въ 1897 г., сама собою припомнилась семья сибирскихъ тунгусовъ, присутствующихъ при сношеніи шамана съ духами, и подобныя-же сближенія встрѣтились-бы нерѣдко внимательному наблюдателю, чуть ли не во всѣхъ странахъ нынѣшняго цивилизованнаго міра, подобно тому какъ почти всюду онъ могъ-бы констатировать появленіе привидѣній мертвецовъ (иногда родныхъ и предковъ), то съ цѣлью мести или предзнаменованія, то по самому вульгарному поводу. Но христіанскій міръ внесъ въ эту „нечисть" еще дополнительную окраску, именно царство дьявола, вслѣдствіе чего въ упомянутыхъ вѣрованіяхъ не всегда легко отличить доисторическаго духа отъ новѣйшаго слуги Сатаны. Функціи и особенности одного изъ нихъ отчасти переносятся на другого и разнородные элементы сплачиваются до безразличія, хотя преобладаніе доисторическихъ элементовъ характеризовано тѣмъ, что мотивы нравственные и универсалистическіе подавлены большею частью мотивами удачи случайности и борьбы.

Ссоры и борьба, которыя дикарь наивно переноситъ изъ своей обстановки въ міръ духовъ, оказались такъ-же въ числѣ переживаній въ области вѣрованій въ эпохи, когда фантастическое творчество, по сущности задачъ періода должно было быть направлено на образы примиренія интересовъ или на критическую выработку нравственно-идеальнаго міра боговъ. Враждовали между собою совершенно-логично божества обособленныхъ націй и государствъ; враждовали и члены божественныхъ общинъ одного и того же народа. Въ космологическихъ миоахъ нѣсколькихъ различныхъ народовъ раздѣленіе неба отъ земли было результатомъ насилія поколѣнія новыхъ боговъ надъ богами старшими. У другихъ національностей самое мірозданіе было, собственно, побѣдою особенно-сильнаго бога надъ враждебными ему фантастическими чудовищами (какъ въ Вавилонѣ побѣдою Мардука надъ Тіаматою) и эта борьба перешла, по мнѣнію иныхъ новыхъ изслѣдователей, въ другія системы миѳовъ, то въ формѣ преданія о фантастическихъ животныхъ (левіафанъ, бегемотъ и т. под.), то въ формѣ болѣе метафизическаго представленія о „хаосѣ", вырабатывающемся въ стройный „космосъ", или въ формѣ миоа объ укрощеніи этихъ стихій возмутившагося моря и о шестидневномъ процессѣ мірозданія при помощи магическаго слова „да будетъ", то въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о борьбѣ архангела Михаила съ Сатаною, св. Георгія съ дракономъ (сказаніяхъ, построенныхъ по упомянутому выше типу миоа о Персеѣ и входящихъ уже въ обширный циклъ индивидуализированныхъ богатырскихъ битвъ съ чудовищами, великанами, съ врагами, одаренными магическими силами), затѣмъ въ представленіи о будущихъ событіяхъ, связанныхъ съ процессомъ разрушенія нынѣшняго міра, между прочимъ, о борьбѣ Христа съ Антихристомъ. Путемъ насилія слѣдовали одна за другою во владычествѣ надъ міромъ династіи Урана, Кроноса и Зевса. Миоы рисовали и столкновенія вѣрующихъ съ сверхъестественными силами. Вели вѣчную войну амшаспанды со служителями Анграмаиніи. Эта война въ христіанскихъ

вѣрованіяхъ перешла цѣликомъ въ борьбу Христа противъ Сатаны угодниковъ и ангеловъ противъ міра бѣсовъ и чертей, въ представленіи о которыхъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ смѣшивались у позднѣйшихъ туземцевъ Европы разсказы о духахъ стихійныхъ (лѣшихъ и водяныхъ, фей и русалокъ и т. под.) или хранителей жилищъ (домовыхъ, духахъ очага и т. под.) съ разсказами объ арміи Сатаны. Въ иныхъ странахъ и мѣстностяхъ эти два представленія, принадлежащія совершенно-различнымъ фазисамъ работы мысли, смѣшивались до полнаго безразличія, въ другихъ они сохранились, при чемъ безусловно-враждебные человѣку бѣсы и черти противуполагаются домовымъ-покровителямъ жизни и хозяйства членовъ и особенно главъ семьи (съ которыми домовой сохраняетъ иногда и внѣшнее сходство) или феямъ, покровительствующимъ своимъ любимцамъ. Въ обоихъ случаяхъ переживаютъ и представленія о договорахъ между человѣкомъ и духомъ, до записыванія души дьяволу и борьба съ духовными силами, до разнообразныхъ легендъ объ искушаемыхъ и торжествующихъ угодникахъ или до сказокъ о глупыхъ чертяхъ, обманываемыхъ хитрыми мужиками и бабами. Но и между болѣе или менѣе индивидуализированными богами и разрядами духовъ борьба имѣла мѣсто въ представленіи историческихъ народовъ. Соперничали при битвахъ, покровительствуемыхъ ими героевъ Аѳина и Гера, Зевсъ и Гера. Соперничали между собою въ христіанскихъ легендахъ и святые угодники, даже апостолъ Петръ съ Христомъ. Была ли боли раненая Аѳродита, Яковъ боролся съ ангеломъ и поборолъ его. Въ русскихъ лѣсахъ слышали „грохотъ и трескъ падающихъ деревьевъ, шумъ плещущихъ волнъ" когда водяные дрались съ лѣшими. „Поломанные бурей лѣса и горные обвалы" оставались слѣдами войнъ между лѣшими. Египетскій покойникъ „охотился за богами, ловилъ ихъ помощью лассо варилъ и съѣдалъ ихъ". Гибли и русскіе богатыри въ битвѣ съ силою нездѣшнею" и осетинскій насильникъ Багразъ въ борьбѣ съ небесными духами. Умирающіе и воскресающіе духи и боги были обычнымъ продуктомъ фантазіи доисторическаго человѣка и лишь какъ переживаніе этого строя мысли перешли и въ слѣдующіе періоды, такъ что среди швейцарскихъ крестьянъ, взволнованныхъ падежомъ скота еще недавно слышали любопытное проклятіе „Пусть окольютъ у Господа Бога три его самые жирные ангела" а у бѣлоруссовъ человѣкъ спасаетъ чорта отъ смерти. У краснокожихъ можно встрѣтить грубые и наивные первообразы и Озириса, оплакиваемаго Изидою, и Адониса, оплакиваемаго Аѳродитою, и Христа, оплакиваемаго Магдалиною, или ожидаемыхъ новыхъ аватаровъ Вишну, появленія еврейскаго Мессіи, втораго пришествія второй ипостаси христіанской Троицы.

Во всѣхъ приведеныхъ здѣсь примѣрахъ едва-ли возможно сомнѣваться, что передъ нами, во всѣ историческія эпохи, переживанія первобытнаго анимизма, а не позднѣйшихъ философско метафизическихъ построеній. Но есть случаи, гдѣ это остается сомнительнымъ.

Такова, напримѣръ, роль нѣкоторыхъ божественныхъ, полу-божественныхъ или почти вполнѣ человѣческихъ личностей миѳологическихъ и эпическихъ сказаній у разныхъ народовъ. Здѣсь передъ нами то боги, воплощающіеся въ человѣка или въ животныхъ: то люди, прошедшіе отъ союза боговъ со смертными и сами дѣлающіеся богами; то личности, которыя собственными усиліями или благодатью свыше достигли способности сдѣлаться посредниками между богами и людьми, заступниками за людей передъ высшими силами. Эти боги, проходящіе черезъ аватары Вишну или черезъ очеловѣченіе второго Адама, эти Ираклы,

совершающие подвиги на благо міра, или Будды, путемъ созерцанія и отрѣченія отъ всего аффективнаго и чувственнаго достигающіе до всемогущества и господства надъ богами эти пророки, вдохновленные божественною силою и озаренные таинственнымъ предвидѣніемъ будущаго, и основатели религій, приносящіе людямъ истину, эти Орфеи и Христы, сходящіе въ адъ и Еноки или Махамеды возносящіеся на небо, эти многочисленныя арміи чертей и святыхъ, наконецъ, которыя какъ бы заслоняютъ отъ людей высшую силу міра и мало чѣмъ уступаютъ послѣдней въ могуществѣ — весь этотъ миѳологическій и эпическій міръ трудно, на первый взглядъ, возвести къ періоду дикарей, чуждыхъ не только понятія о развитіи и представленія объ индивидуализмѣ, но всякаго наслажденія этимъ развитіемъ всякой потребности въ немъ, всякаго противуположенія особи обществу, личнаго побужденія господствующему обычаю. Тѣмъ не менѣе, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этихъ типовъ существъ, посредствующихъ между людьми и высшимъ идеаломъ могущества — позже идеаломъ нравственной силы — не особенно трудно разглядѣть въ нихъ продукты эстетической и философской мысли, полученные путемъ ея дѣйствія на элементы, выработанные мыслью доисторическою. Могущество первобытнаго колдуна и его разнообразныя функціи составляютъ основное представленіе изъ котораго выросли изящные герои эллиновъ, грозные пророки Израиля, языческіе и христіанскіе посѣтители ада, или дѣвы, оплодотворенныя лучемъ солнца или святымъ духомъ, и избранные для рожденія сыновъ божіихъ или учителей Нирваны. Только подвиги этихъ посредниковъ между людьми и богомъ становятся все болѣе обусловленными задачами эстетическаго вкуса философскаго пониманія и, въ особенности нравственной оцѣнки. Именно это состояніе имѣло слѣдствіемъ нѣкоторыя неизбѣжныя явленія въ процессѣ развитія представленія о посредничествѣ между фантастическимъ міромъ и человѣкомъ. Философское мышленіе ставило все выше и дѣлало все отвлеченнѣе идею о высшемъ богѣ и въ то-же самое время эстетическая мысль требовала все большей художественной правдивости отъ человѣческихъ типовъ, входящихъ въ продукты творчества относимые къ области религій. Богъ универсалистическихъ вѣрованій стоялъ далѣе отъ человѣка чѣмъ богъ не только доисторическаго дикаря но и гражданина античнаго государства, и посредники между ними должны были дѣлаться все человѣчнѣе, т. е все менѣе фантастичными. Зевсъ философовъ не зналъ превращенія въ быка или въ золотой дождь. Праклъ Продика былъ не побѣдитель Цербера и гидры, а герой, избирающій добродѣтель руководительницей. На сколько Христосъ патристики и схоластики становился болѣе богомъ чѣмъ человѣкомъ, на столько-же пасынки католической цивилизаціи и дикари православной культуры нуждались въ угодникахъ и въ легендахъ болѣе проникнутыхъ низшими человѣческими побужденіями. По мѣрѣ того какъ функціи колдуновъ новаго типа теряли въ воображеніи интеллигента свой фантастическій характеръ и проникались требованіями пониманія и нравственной дѣятельности, на столько и боги, воплощенные въ животныхъ и въ человѣка, уступали мѣсто посредникамъ аскетамъ и мудрецамъ, достигающимъ своего фантастическаго могущества силою своего отрѣченія отъ низшихъ побужденій и своей силы мысли; потомъ уступая это мѣсто пророкамъ, получающимъ свыше свое откровеніе, сообщающимъ людямъ истинное ученіе и лишь случайно посѣщающимъ области фантастическаго міра; наконецъ, ихъ смѣнили просто учители нравственности, не нуждающіеся ни въ чемъ фантастическомъ. Эти продукты были очень далеки отъ

представленія о древнихъ коммунахъ, но это не мѣшало первымъ быть прямыми преемниками послѣднихъ

Можно прослѣдить подобную же филіацію и въ болѣе сложныхъ случаяхъ Таково понятіе о преджизненномъ существованіи (Präexistenz) идейныхъ сущностей и существъ, понятіе встрѣчающееся у еврейскихъ, древне-греческихъ и раннихъ христіанскихъ мыслителей въ особенности въ приложеніи къ еврейскому Мессіи и къ Христу въ эпоху апостольской литературы и первыхъ христіанскихъ апологетовъ Здѣсь даже всего вѣроятнѣе для новѣйшихъ изслѣдователей сближеніе двухъ сходныхъ продуктовъ работы мысли, имѣющихъ два разные источника Для еврейскаго Мессіи почти безспорно признаваемое вѣчное и чудесное существованіе его со всѣми его свойствами реальными и сверхъестественными, во всеобъемлющемъ и всемогущемъ существѣ Яхве что указываетъ на непосредственный результатъ эволюціи представленія о двойникахъ вещей и людей, слѣдовательно на анимизмъ какъ на источникъ Для платоническихъ идей и для „логоса“, изъ нихъ выросшаго, представленіе о всемогущемъ божествѣ остается въ сторонѣ, и невещественный міръ идейныхъ первообразовъ переходя въ реальныя явленія, какъ-бы принижается въ своемъ достоинствѣ, такъ что здѣсь вѣроятнѣе признать продуктъ философскаго мышленія, источникъ котораго въ значительной долѣ приходится отнести къ міросозерцанію метафизическому, а не къ первобытному анимизму Въ идеѣ Христа вѣчно-существовавшаго въ единомъ богѣ первыхъ христіанъ или въ Троицѣ позднѣйшихъ, а за тѣмъ временно добровольно принижающаго свое божественное достоинство до человѣческихъ страданій воплощалось повидимому переживаніе двухъ очень различныхъ элементовъ одинъ изъ нихъ восходитъ къ доисторическому анимизму, другой—къ метафизикѣ позднѣйшаго историческаго періода

Когда на почвѣ натуризма (непосредственнаго очеловѣченія предметовъ природы) и анимизма (представленія о существованіи міра душъ и духовъ) выросъ *фетишизмъ*, какъ вѣрованіе въ поселеніе душъ и духовъ въ различныхъ предметахъ и какъ объясненіе оживленія природы именно тѣмъ, что она доставляла жилище духамъ, то эта новая ступень религіозной эволюціи доисторическаго человѣка доставила, совершенно естественно, почву для еще болѣе многочисленныхъ переживаній въ историческія эпохи, потому что здѣсь явилось еще бо́льшее удобство для мысли эстетической и философской въ ихъ работѣ надъ религіозными представленіями. Одни фетиши (преимущественно переносные) перешли въ изящные идолы и въ болѣе или менѣе мистическія и символическія иконы. При этомъ разница философскаго развитія вѣрующихъ даже въ эпоху критической мысли могла быть скрыта подъ одинаково-почтительнымъ отношеніемъ лицъ разнаго развитія къ иконѣ или къ статуѣ, которая была для одного—лишь изображеніемъ святыни, для другого — самимъ субстратомъ чудотворнаго дѣйствія. Другіе фетиши (преимущественно составлявшіе часть

природы) сдѣлались источникомъ самаго разнообразнаго миѳическаго и символическаго творчества, но также вызывали и изученіе природы, развитіе такъ называемыхъ тайныхъ наукъ, которыя въ свое время накопили матеріалъ и доставили упражненіе мысли для науки вполнѣ критической Фетишизмъ перешелъ къ историческому времени отчасти и въ формѣ народныхъ вѣрованій, въ тѣсной связи съ амулетами и съ колдовствомъ, отчасти-же какъ отдаленный — но тѣмъ не менѣе едва-ли спорный — источникъ позднѣйшаго метафизическаго міросозерцанія.

По свидѣтельству Lyall, въ Индостанѣ земледѣлецъ молится своей сохѣ рыбакъ — своей сѣти хозяйка — своей корзинѣ съ провизіей, банкиръ — своей счетной книгѣ, членъ секты душителей-туговъ — лопатѣ, служащей ему для зарыванія труповъ его жертвъ. Bergaigne смотритъ на весь ритуалъ древнихъ индусовъ какъ на организованный фетишизмъ.

Черезъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ изъ древняго міра проходятъ указанія что изображенія боговъ Египта и Греціи разсматривались какъ жилища самихъ боговъ, но, въ то-же время, что между богомъ и его изображеніемъ происходило смѣшеніе если иногда не полное отожествленіе особенно въ періодъ Римской имперіи, когда подобное смѣшеніе было до нѣкоторой степени оправдано и неоплатоническою философіею Въ христіанскій міръ перешла цѣликомъ эта двойственность отношенія къ статуямъ и къ иконамъ Goblet d'Alviela совершенно логически говоритъ „Святой или мадонна которые вращаютъ глазами, источаютъ слезы, произносятъ слова, распредѣляютъ своимъ почитателямъ болѣзнь или выздоровленіе посылаютъ на поля дождь или ведро, суть такіе же идолы или даже фетиши въ человѣческомъ образѣ, какъ самый коренной фетишъ, имѣющій эту или другую форму". Подобные фетиши были многочисленны въ средневѣковыхъ фазисахъ религіозной культуры и остались довольно-обыкновенными до нашего времени. Со многими статуями мадонны и святыхъ угодниковъ и угодницъ связаны легенды о томъ, что онѣ производили движенія, говорили, плакали, совершали чудеса, были открыты чудеснымъ образомъ и подобнымъ же путемъ указывали, гдѣ имъ поставить церковь или часовню Разнообразныя мадонны (особенно „черныя") и различныя изображенія одной и той-же угодницы (напримѣръ, Гертруды) были въ общественныхъ вѣрованіяхъ пасынковъ цивилизаціи и дикарей высшей культуры особенными миѳическими индивидуальностями, которыя соперничали между собою, требовали себѣ особеннаго культа, отправлялись одна къ другой съ визитомъ, дѣлали другъ другу подарки и т. под. Въ этихъ вѣрованіяхъ дѣло шло не о матери Христа въ общехристіанской легендѣ, а о спеціальномъ истуканѣ, чествуемомъ въ опредѣленномъ мѣстѣ опредѣленнымъ образомъ и способномъ обидѣться и мстить, если это чествованіе измѣнялось или, въ особенности было перенесено на другое изображеніе этой-же личности христіанской миѳологіи Объ этомъ христіанскомъ фетишизмѣ мы имѣемъ извѣстія, восходящія къ эпохѣ византійскихъ императоровъ иконоборцевъ, что къ иконамъ обращались вѣрующіе, приглашая ихъ въ воспріемники новорожденныхъ, что съ иконъ скоблили краску и смѣшивали ее съ причастіемъ, что при посредствѣ этихъ изображеній совершали обрядъ принятія послѣдняго; и что они служили

алтарями Подобный-же христіанскій фетишизмъ представляетъ переживанія и до нашего времени. Въ этихъ случаяхъ дѣйствовало цѣлительно или, вообще, чудесно и прямое прикосновеніе фетишей, и глотаніе порошка отъ соскобленной поверхности статуи, и лизаніе стѣнъ зданія, гдѣ помѣщался фетишъ (напримѣръ, въ Santa casa въ Лоретто) и т. под Для Россіи труднѣе чѣмъ для Западной Европы собрать слѣды этого фетишистическаго переживанія, однако же, какъ A. Lowenstimm (его трудъ, появившійся, повидимому, по русски, мнѣ извѣстенъ лишь въ нѣмецкомъ переводѣ 1897 г.) собралъ довольно-много данныхъ о роли народныхъ вѣрованій въ области юридическихъ явленій, такъ подобныяже данныя собраны въ статьѣ „Недѣли" 1872 г за подписью А С; а А *Бѣловъ* привелъ достаточно характерныя примѣры иконъ „поновляющихся", „плачущихъ" источающихъ „градомъ крупный потъ", явленныхъ и вообще чудотворныхъ изъ „народнаго иконопочитанія". И точно такъ-же какъ не Діана или Афродита вообще а именно Діана Эфесская или Афродита опредѣленной мѣстности совершали то или другое чудо, такъ и не Пречистая Дѣва вообще, а именно Мадонна тамъ или здѣсь изображенная и почитаемая, та или другая икона богородицы требовали себѣ почитанія и молитвы, съ *нимъ* была связана та или другая легенда. Русскіе XVI и XVII вѣковъ любили молиться въ церкви каждый передъ своей собственной иконой, которую выносили изъ церкви въ случаѣ выхода молельщика изъ мѣстнаго церковнаго общенія. Жители каждой мѣстности любили имѣть свою особенную имъ принадлежащую святыню, и московскіе князья безцеремонно перевозили въ свою столицу изъ завоеваннаго удѣла или народоправства чудотворную икону фетишъ, какъ это дѣлали съ восточными прославленными кумирами и древніе римляне. Въ Бѣлоруссіи матери говорятъ дѣтямъ, указывая на иконы, „вотъ Богъ"; и въ одномъ тамошнемъ разсказѣ крестьянинъ на вопросъ ксендза на исповѣди много-ли боговъ на свѣтѣ? идетъ считать иконы. Испанки оборачивали лицомъ къ стѣнѣ священную статуэтку отдаваясь любовнику, какъ русскій крестьянинъ оборачивалъ къ стѣнѣ икону если ѣлъ скоромное въ постный день. Сибиряки русскіе заимствовали у туземцевъ значительную долю фетишизма; къ шаманскимъ мистеріямъ обращался даже больной священникъ, а попадья Казанской губ посылала кереметю ежегодно утку или курицу (см. „Оп.", 1260, примѣч) Міросозерцаніе фетишизма отражалось и въ странномъ смѣшеніи доисторическихъ и христіанскихъ представленій у благочестиваго ирландца, который подносилъ источнику, находящемуся теперь подъ покровительствомъ св. Колумбиниля, пуговицу и обрывки своихъ собственныхъ панталонъ и женины юбки, высказывая надежду, что эти лохмотья „на Страшномъ судѣ возстанутъ во славѣ и будутъ свидѣтельствовать за его семью" То-же можно сказать объ обрядѣ, совершаемомъ финнами для оживленія искуственнаго фетиша (пара), въ составъ котораго входитъ кусокъ облатки причастія, который оживляется обрядомъ обнесенія его девять разъ около церкви при бормотаніи словъ: „живи, пара!", и послѣ того обезпечиваетъ той семьѣ, которая совершила обрядъ, весьма скромный магическій результатъ: довольство относительно молока и сыра При подобномъ перенесеніи въ христіанскую культуру доисторическихъ представленій, не мудрено, что въ бѣлорусскихъ легендахъ о хожденіи христіанскаго бога по землѣ, мы видимъ, что онъ надѣляетъ то или другое лицо, ему угодившее, „скатертью самобранкою" или „баранчикомъ", съ котораго сыплются деньги, какъ это совершали въ народныхъ сказкахъ существа, созданныя воображеніемъ дикаря задолго до появленія универсалистическихъ рели-

гій и нравственныхъ идей Чуть-ли не къ еще болѣе первобытнымъ фантастическимъ представленіямъ приходится отнести, напримѣръ, въ той-же Бѣлоруссіи вѣрованіе въ то, что душа утопленника должна нѣкоторое время проплавать въ видѣ синей утки, или представленіе объ адѣ какъ объ огромномъ подземномъ болотѣ

Едва-ли не фетишистическое отношеніе къ предметамъ природы дало, какъ одну изъ отраслей колдовства рядъ обрядовъ, въ которыхъ очевидно обращеніе къ стихіямъ природы, какъ къ орудіямъ магіи, хотя и трудно сказать, на сколько, при исполненіи этихъ обрядовъ, вѣрующій имѣетъ представленіе о какомъ-либо стихійномъ духѣ или о божествѣ, какъ сообщающемъ обряду его магическую силу. Сюда относятся, во многихъ вѣрованіяхъ, разныя нашептыванія на воду. У христіанъ вода, обратившаяся въ „святую" путемъ молитвеннаго обряда и молитвеннаго заклинанія, способна, по многочисленнымъ легендамъ, совершать разныя чудеса, прогонять демоновъ даже воскрешать мертвыхъ, отсюда особая отрасль торговли „святой водой" изъ священныхъ источниковъ и мѣстностей уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ два мѣсяца распродано было въ Гентѣ до 10,000 бутылокъ святой воды, а въ настоящее время, при сильномъ поднятіи клерикальнаго настроенія, продажа воды изъ Лурда и изъ другихъ подобныхъ мѣстностей сдѣлалась гораздо значительнѣе. Важное значеніе получило во многихъ вѣрованіяхъ и омовеніе, какъ мистическій обрядъ, переходящій, между прочимъ, въ христіанствѣ и въ „таинство крещенія". Очень распространены мистическіе пріемы зажиганія огня и обращенія съ нимъ при богослуженіи и при его разведеніи или тушеніи на домашнемъ очагѣ Здѣсь безспорно предъ нами переживанія доисторическаго строя мысли, но еще сомнительно, слѣдуетъ-ли относить это отчасти къ первобытному колдовству, или же къ анимистическимъ и фетишистическимъ представленіямъ Уже съ большею увѣренностью можно говорить о подобныхъ представленіяхъ, когда дѣло идетъ о многочисленныхъ жертвахъ (иногда и человѣческихъ) приносимыхъ рѣкамъ, озерамъ и морю, или-же огню, бросая эти жертвы въ воду или въ огонь, хотя и тутъ иногда можетъ возникнуть сомнѣніе

Фетишистическое представленіе о свѣтилахъ, какъ жилищѣ боговъ, не только придало, повидимому, обрядамъ культа, какъ въ Перу, такъ и на берегахъ Средиземнаго моря, гораздо болѣе величія и изящества, чѣмъ это могло быть прежде но на этой почвѣ, въ составъ которой входило впрочемъ, въ значительной мѣрѣ и первобытное стремленіе угадать будущее, опредѣлить „долю" человѣка — выросла и *астрология* халдеевъ, грековъ, средневѣковыхъ мыслителей до самой эпохи Кеплера, когда изъ нея опредѣленно выдѣлилась научная астрономія, хотя, какъ вѣрованіе дикарей высшей культуры, она продолжаетъ существовать до нашего времени Въ пантеизмѣ иные мыслители готовы въ настоящее время видѣть переживаніе въ метафизическихъ построеніяхъ вѣры въ первобытные двойники, такъ какъ съ этой точки зрѣнія, душа міра или богъ, тожественный съ міромъ, находится къ послѣднему какъ разъ въ томъ же отношеніи какъ душа дикаря къ его тѣлу.

Анимизмъ послужилъ почвою въ историческія эпохи творчества миѳовъ и сказокъ для разростанія послѣднихъ еще и въ другомъ отношеніи. Тѣла человѣка и животныхъ, растенія и другіе предметы, способные дѣлаться въ воображеніи дикаря низшей и высшей культуры жилищемъ или одеждою

духа, повели къ усиленію въ миѳахъ и въ сказкахъ мотива превращенія существъ одного въ другое (мотива низшаго слоя мысли), а за тѣмъ и мотива переселенія душъ (уже чисто анимистическаго), далѣе мотива связи души или жизни существа съ какимъ-либо совершенно-постороннимъ предметомъ, а также знаменія о жизни и смерти данной личности по измѣненію, наблюдаемому въ подобномъ-же постороннемъ предметѣ, съ которымъ связана судьба этой личности. Всѣ эти доисторическіе мотивы мы находимъ въ сказкахъ, въ миѳахъ и въ поэтическихъ созданіяхъ историческихъ народовъ, но поздняя ихъ обработка засвидѣтельствована уже тѣмъ, что они почти всѣ связаны въ продуктахъ поэтической или сказочной фантазіи съ борьбою интересовъ въ семьѣ (ревность между сестрами, преслѣдованіе пасынка мачихою, мужа невѣрнаго — женою и т. д.) и, кромѣ того, тѣмъ, что превращенія существъ и переселеніе душъ въ упомянутыхъ предметахъ являются большею частью орудіемъ для наказанія злого поступка и для торжества добраго, т. е. заключаютъ въ себѣ нравственное требованіе, которое могло проникнуть въ сказку или въ миѳъ уже въ историческое время. Слѣдовательно, во всѣхъ подобныхъ сказкахъ, миѳахъ и историческихъ сказаніяхъ мы находимъ переживающіе элементы доисторической работы мысли, вкрапленые въ продукты творчества историческаго времени. Философскія системы переселенія душъ, служащаго средствомъ наказанія, искупленія и совершенствованія въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ у индусовъ, у пиѳагорейцевъ, у малоазіатскихъ кизильбашей, можетъ быть у кельтовъ и другихъ, суть продукты объединяющей мысли, тоже выросшіе на почвѣ переживанія первобытныхъ представленій дикарей о превращеніи предметовъ одного въ другой. Еще тѣснѣе съ этими представленіями связанъ сюжетъ воплощенія боговъ въ животныхъ и людей, какъ въ аватарахъ Вишну, въ воплощеніи христіанскихъ ипостасей въ Іисуса или въ голубя и т. под.

Матеріалъ по этому предмету довольно тщательно собранъ и объясненъ въ книгѣ E. S. Hartland о легендѣ Персея. Мотивы послѣдовательнаго ряда превращеній по произволу вызвали обычный сказочный пріемъ, гдѣ одно существо укрывается отъ преслѣдованія другого подъ разными формами, вызывающими каждый разъ новыя формы и преслѣдователя (transformation-fight), какъ въ кельтской исторіи Талысина Мотивы послѣдовательнаго воскресенія одного и того-же существа, столько-же разъ убиваемаго, вошли въ рядъ сказокъ, изъ которыхъ древнѣйшая („Два брата") восходитъ къ XIX ой династіи фараоновъ, и

которыя получили весьма значительное распространеніе. Въ египетскую сказку вошелъ мотивъ о связи жизни человѣка съ опредѣленнымъ предметомъ Этотъ доисторическій мотивъ встрѣчается и въ сказаніи о Мелеагрѣ, точно такъ-же какъ въ сказкахъ о великанѣ, о кошеѣ безсмертномъ и т д Воплощенные боги, весьма обычные у дикарей, переходятъ вполнѣ естественно въ вѣрованія историческихъ народовъ По *Масперо*, сынъ первобытнаго бога уже въ Египтѣ „сходитъ на землю и воплощается на ней, чтобы свободнѣе сообщаться съ человѣчествомъ". То-же представленіе дикаря переживаетъ въ болѣе обработанномъ видѣ въ аватарахъ Вишну Сюда-же относится и христіанскій догматъ богочеловѣка, и вѣрованіе встрѣчающееся у гностиковъ въ то, что человѣкъ, усвоившій высшую гностическую мудрость, дѣлается единосущнымъ Христу. Но послѣдній догматъ, возникнувъ въ періодъ критической мысли, не могъ не обнаружить внутреннихъ противурѣчій, не существовавшихъ для доисторическаго дикаря, и остался мыслимымъ лишь для людей, оставшихся на степени мышленія послѣдняго. — Ср. „Оп ист м." стр 1248, 1292 и др.

Въ связи съ воплощеніемъ духовъ и боговъ въ человѣка или въ животныхъ находится представленіе о замѣщеніи одной личности другою, въ которую какъ-бы воплощается путемъ обряда душа первой, а позже и цѣлое общество, цѣлый народъ, пожалуй все человѣчество. Съ появленіемъ въ мысли человѣка представленія объ индивидуализмѣ, о неотдѣлимости мысли и поступка опредѣленной особи отъ этой особи, и о ея *личной* отвѣтственности за свои дѣла, указанное представленіе обратилось, конечно, въ переживаніе, подрывавшее только что указанныя логическія слѣдствія индивидуализма. Но въ своей доисторической формѣ представленіе о замѣщеніи играло немалую роль въ исторіи и въ обычаѣ. Отсюда наказаніе и даже казнь одного за другого; отсюда „козлы отпущенія", пѣтухъ или курица, на которыхъ до сихъ поръ переносятъ вѣрующіе евреи наканунѣ Суднаго дня все дурное, имъ назначенное; отсюда и лица, на которыхъ торжественно переносилось преступленіе цѣлыхъ обществъ и народовъ; отсюда и скромные англійскіе sin-eater'ы, и спасеніе душъ изъ чистилища накопленнымъ благочестіемъ другихъ, въ особенности-же молитвою церкви; отсюда, наконецъ, Сынъ Божій, умирающій на крестѣ, какъ добровольный замѣститель всего грѣховнаго человѣчества.

См „Оп ист. м." стр 1250 и слѣд — Алькеста умерла за мужа. Въ Англіи XVI вѣка обрекли чарованіемъ посторонняго человѣка умереть за одного барона, точно такъ-же, какъ это дѣлаютъ теперь буряты, отдавая „черному заяну" другого человѣка вмѣсто больного Переносилась судьба погибнуть и на животное (что было съ Исаакомъ въ еврейскомъ преданіи) и даже на вещи. Sin-eater'ы существовали въ Англіи еще въ XVIII мъ вѣкѣ.

ГЛАВА XIV

ПЕРЕЖИВАНІЯ КОЛДОВСТВА

—

Прочность вѣры въ колдуновъ. — Боги и колдуны — (Лютеръ) — Функціи колдуновъ.—(Примѣры)
Опасности —(Примѣры)
Отношеніе къ христіанскимъ фетишамъ.—(Примѣры).
Античныя мистеріи —(Орфики и Митра) — Христіанскія таинства — (Кизильбаши).

—

Колдовство было и осталось элементомъ религіозной мысли прочнымъ и живучимъ во всѣ періоды жизни человѣчества. Колдунъ никогда не исчезалъ изъ комплекса религій историческихъ эпохъ, точно такъ-же изъ религій обособленныхъ національностей, какъ изъ универсалистическихъ. Всѣ цивилизованныя націи, всѣ великія религіи знали колдовство и признавали его. Измѣнялись лишь формы колдовства, частности его обрядовъ, въ которыя входили элементы новыхъ, болѣе сложныхъ, вѣрованій, новыхъ знаній и новыхъ пріемовъ философской мысли. Въ этомъ отношеніи, точно такъ-же, какъ въ соціологической роли колдуновъ, нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней было пройдено человѣкомъ уже втеченіи доисторическаго періода. Употребленіе элементарныхъ амулетовъ и магическихъ пріемовъ было уже опредѣленною формою колдовства Оно значительно расширилось и усложнилось въ эпоху общенія дикаря чуть-ли не со всѣми предметами и явленіями природы, когда они въ воображеніи вѣрующаго получали жизнь и человѣческія свой-

ства. Уже на этой ступени весьма вѣроятно обособленіе шамановъ-спеціалистовъ, вслѣдствіе усложненія совершаемыхъ обрядовъ и усилившагося требованія различать фантастическія свойства тѣхъ или другихъ существъ, съ которыми особи и обществу приходилось вступать въ общеніе. На ступени опредѣленнаго анимизма и фетишизма магія вырабатывается въ болѣе или менѣе сложный культъ, тѣсно связанный съ усложняющимися религіозными представленіями; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ родовомъ бытѣ, шаманы и жрецы все болѣе индивидуализирующихся группъ духовъ и божествъ получаютъ все болѣе опредѣленное соціальное положеніе; они или усвоиваютъ политическую власть, или вступаютъ въ соперничество съ ея представителями; при этомъ, съ ростомъ значенія колдуновъ, шамановъ, жрецовъ, царей-фетишей, воплощенныхъ боговъ и т. под., ростутъ и опасности ихъ положенія въ случаѣ общественныхъ бѣдствій. Во всѣхъ этихъ фазисахъ колдовство, какъ форма дѣйствія на міръ реальный и на міръ фантастическій, какъ пріемъ общенія съ послѣднимъ міромъ, и какъ почва для выработки особенныхъ соціологическихъ группъ лицъ, обладающихъ спеціальными способностями или знаніями для этихъ дѣйствій и для этого общенія, представляетъ многочисленныя переживанія въ историческія періоды

Представленіе о могуществѣ колдуновъ, все разраставшееся въ доисторическія эпохи, перешло, повидимому, въ высшихъ фазисахъ своей эволюціи, на боговъ историческихъ націй: съ одной стороны, въ миѳахъ и сказаніяхъ, эти боги обнаруживали свое могущество именно такими дѣйствіями, которыя приписывались воображеніемъ дикаря-шаманиста самому могущественному его шаману, и чудеса, совершенныя Буддою или Христомъ и ихъ служителями въ эпоху универсалистическихъ религій, нисколько не выходили изъ категорій волшебныхъ дѣйствій, связанныхъ съ типомъ доисторическаго колдуна; съ другой—богамъ и богинямъ (напримѣръ Изидѣ) прямо присвоивали названіе великихъ волшебниковъ и волшебницъ, совершающихъ свои великія дѣла путемъ чарованія Въ этой формѣ всемогущихъ существъ, совершающихъ дѣла первобытныхъ шамановъ, представленіе о колдовствѣ переживало въ средѣ исторической интеллигенціи и въ эпоху Платоновъ и Аристотелей, и въ эпоху Ньютоновъ и Спиноз, и въ эпоху Дарвиновъ и Марксовъ, еще подчеркивая свое доисторическое происхожденіе и свое противурѣчіе съ научною мыслью тѣмъ, что чудеса, совер-

шаемыя христіанскимъ богомъ и его угодниками, были прямо признаны *сверхъестественными,* въ противуположность естественному ходу вещей, тогда какъ доисторическому человѣку превращеніе колдуна въ волка и рожденіе героя отъ дѣвы, оплодотворенной плевкомъ, проглоченнымъ червемъ или даже лучемъ свѣта, ни сколько не было менѣе естественно, чѣмъ превращеніе яйца въ цыпленка, желѣза—въ ржавчину и оплодотвореніе женщины обычнымъ путемъ. Но функція колдуновъ совершать чудеса, перешедшая на боговъ, на святыхъ и на аскетовъ, перешла и на болѣе прямыхъ ихъ наслѣдниковъ, на духовенство, способное въ магическомъ обрядѣ литургіи обратить хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь безплотной ипостаси божества и вывести души умершихъ изъ чистилища силою заклинанія — молитвы. Относительно „святой Руси , съ гордостью признававшей себя „третьимъ Римомъ", враждебной всякому самостоятельному мнѣнію, какъ „второму паденію", видѣвшей въ книжной премудрости діавольское навожденіе и принужденной допускать къ священническому сану безграмотныхъ, новые изслѣдователи констатируютъ, что для русскихъ пастырей, какъ и для ихъ паствы, „сущность вѣры" отожествлялась „съ ея внѣшними формами"; „религія" для московскаго начетчика обращалась въ рядъ молитвенныхъ формулъ, а молитвенныя формулы пріобрѣтали магическій смыслъ". Однако и въ умахъ западныхъ реформаторовъ эпохи Коперника сила творить магическія чудеса сохранилась, только она перешла и на всѣхъ вѣрующихъ христіанъ.

Лютеръ могъ сказать „Кто можетъ представить себѣ честь и величіе человѣка-христіанина? Его достоинство царя даетъ ему власть надъ всѣми вещами Его достоинство священника даетъ ему власть надъ Богомъ" Это именно точка зрѣнія первобытнаго волхвованія, подчиняющаго чаровнику путемъ его чарованія весь міръ духовъ

Переживали и самыя элементарныя функціи доисторическихъ колдуновъ. Среди народовъ античнаго міра и новой Европы не только насынки цивилизаціи вѣровали и вѣрятъ, что между ними находятся опасные „вѣдьмаки" и „вѣдьмы" или полезные знахари, способные прямо обезпечить другимъ удачу, предсказать будущее, сглазить, наслать болѣзнь и порчу и вылѣчить больного, приворожить парня или дѣвушку, распоряжаться дождемъ и вѣдромъ, обращаться въ волковъ, въ кошекъ и т. под., входить въ сношенія съ мертвецами и съ духами всякаго рода, вселять ихъ въ тѣло людей и изгонять ихъ оттуда и т. под.; но люди, вѣрующіе

въ эти сверхъестественныя явленія, могутъ ссылаться для подтвержденія своего вѣрованія на свидѣтельство писанія, признаннаго „священнымъ“ значительною долею населенія цивилизованныхъ странъ и утверждающаго, что подобныя явленія имѣли мѣсто; могутъ указать и на допускаемые церковью обряды молитвъ о прекращеніи засухи и о выздоровленіи больного, обряды изгнанія дьявола и т. под. вполнѣ опредѣленныя переживанія того настроенія духа, при которомъ колдунъ разгонялъ тучи или созывалъ ихъ силою слова, сибирскій шаманъ боролся съ душами мертвецовъ, не желавшими оставить родной юрты, и съ другими, которыя не хотѣли ихъ принимать въ область душъ и т. под Самые пріемы, которыми шаманы дикарей вызывали въ себѣ экстазъ и видѣнія, и патологическія явленія въ средѣ колдуновъ, дѣлавшія ихъ въ особенности способными къ отправленію своихъ функцій, оказывались совершенно такими-же у пиой Греціи, у пророковъ евреевъ, у юродивыхъ русскихъ сектъ и у невѣстъ Христа, которымъ онъ показывалъ свое кровавое сердце

Изъ этой чрезвычайно обширной области здѣсь можно привести лишь немногіе отрывочные примѣры Вѣра въ колдуновъ — одна изъ самыхъ распространенныхъ среди всѣхъ народовъ По мнѣнію Мангарда и Ефименко напримѣръ, ни въ польской Пруссіи ни въ Украинѣ нѣтъ деревни, гдѣ не было-бы одной или нѣсколькихъ женщинъ считаемыхъ колдуньями Низшее проявленіе колдовства въ формѣ предсказыванія будущаго было и осталось очень распространеннымъ во всѣ періоды исторіи Въ культурѣ финновъ именно колдовство получило преобладающее значеніе, такъ что въ сѣверныхъ сагахъ финны характеризованы большею частью какъ народъ колдуновъ, при чемъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ женщины, а эпическую поэзію финновъ иные изслѣдователи обозначаютъ какъ эпопею колдовства, которое преобладаетъ, какъ мотивъ, и въ финской народной лирикѣ до нашего времени съ тою лишь разницею для разныхъ эпохъ что заклинанія и молитвы обращены въ древнихъ пѣсняхъ къ языческимъ существамъ, позже — къ міру скандинавскихъ асовъ, еще позже къ „слову“, къ „языку“, къ „пальцамъ Іисуса“, къ „дѣвѣ скорбей“ вмѣсто „кузнеца Ильмаринена“, къ „святому духу“; и попутно упоминается объ измѣнникѣ „Іудѣ“ или о водахъ „Іордана“ Въ античномъ мірѣ колдовство получило особенно характеристичную форму въ обращеніи къ оракуламъ Когда храмы античныхъ божествъ были обращены въ церкви и святые „Золотой легенды“ усвоили функціи этихъ божествъ, то оказались на лицо способы гаданія, приспособленные къ новымъ церковнымъ формамъ культуры Но они не вымерли и въ культурѣ современной скептической буржуазіи, обратившись лишь въ вульгарную индустрію болѣе или менѣе скромныхъ гадальщицъ всѣхъ столицъ и мелкихъ городовъ нынѣшней Европы, индустріи, которая распространяетъ рекламы, провозглашающія ту или другую личность „somnambule hors concours“, „célèbre cartomamienne“, „medium spirite très voyante“ и т под. Съ этимъ сливается индустрія изготовле-

ния амулетовъ, годныхъ или для всякаго случая, или для специальной цѣли, о чемъ отчасти было уже сказано Распространеніе знахарства и леченіе магическими средствами точно такъ же какъ вѣра въ воплощеніе болѣзней и эпидемій въ особыя существа, о которыхъ существуютъ цѣлые ряды миѳовъ, слишкомъ извѣстны не только у насынковъ цивилизаціи всѣхъ періодовъ исторіи, не исключая нашей современности, но и у людей, которые, по своему общественному положенію и школьному или литературному образованію, *могли-бы* принадлежать къ интеллигенціи читатель самъ сейчасъ вспомнитъ многочисленные примѣры подобнымъ явленіямъ. Одна изъ священныхъ книгъ индусскихъ брахмановъ, Атарваведа есть преимущественно собраніе формулъ колдовства Рядомъ съ буддійской трипитакой видное мѣсто въ литературѣ этой универсальной религіи занимаютъ волшебныя книги тантры и магическихъ изрѣченій дхарани, будистъ достигшій высшей ступени святости, архата обладаетъ магическими силами Магическіе обряды вошли важнымъ элементомъ въ гностическія мистеріи, а затѣмъ и въ христіанскія таинства Къ кронштадтскому отцу Іоанну обращаются русскіе дикари высшей культуры совершенно такъ-же какъ якуты къ своему шаману Къ оспицѣ матушкѣ обращаются до сихъ поръ съ молитвою въ Повенецкомъ уѣздѣ, холера и „зараза" ходятъ до нашего времени по дорогамъ Руси, какъ ходили и ходятъ семь сестеръ лихорадокъ, находящіяся въ связи съ опредѣленными угодниками христіанской церкви и съ легендарною Прокладою Въ настоящее время въ Полтавской и въ Томской губерніяхъ происходятъ и вносятся въ оффиціальныя книги мірскіе сборы на содержаніе знахарей Стоитъ вспомнить, что не только римскіе императоры были одарены чудесною силою излѣчивать болѣзни плевкомъ, но что короли Англіи и Франціи еще очень недавно пользовались подобной же привилегіей леченія нѣкоторыхъ болѣзней прикосновеніемъ (подобный обрядъ имѣлъ мѣсто еще 29 мая 1825 г. въ Реймсѣ при коронаціи Карла X и едва-ли встрѣтились-бы препятствія въ настоящее время королевѣ Викторіи повторить унаслѣдованную ею чудесную привилегію).

Можетъ быть интереснѣе припомнить насколько переживало и переживаетъ у историческихъ народовъ представленіе, что на человѣка колдунъ можетъ дѣйствовать путемъ *порчи* При этомъ совершенно одинаковые пріемы (см „Оп. ист м" 1277 и слѣд) мы встрѣчаемъ повсюду. у новогебридскихъ дикарей подобная порча вызвала особую индустрію: старая плѣнница-рабыня въ Южной Америкѣ въ присутствіи Маркиза бросала въ огонь катышки изъ обрѣзковъ ногтей и волшебныхъ травъ, произнося заклинанія, чтобы „испортить" дѣтей своихъ враговъ и господъ, и точно такъ-же мы констатируемъ чрезъ всю исторію человѣчества до нашего времени, не только въ средѣ насынковъ цивилизаціи, но и у представителей господствующихъ классовъ, этимъ самымъ свидѣтельствующихъ о своей принадлежности къ „дикарямъ высшей культуры" Колдуны цивилизованнаго Перу втыкали шипы кактуса въ куклы изъ тряпокъ для нанесенія вреда отсутствующему врагу На островѣ Кипрѣ и въ греческихъ папирусахъ найдены свидѣтельства о такихъ-же пріемахъ среди древнихъ грековъ. Въ историческомъ Римѣ законъ опредѣлялъ смертную казнь за изготовленіе подобныхъ куколъ для „порчи". Въ XII вѣкѣ въ Византійской имперіи уличили въ подобныхъ-же преступныхъ дѣйствіяхъ коринянина, у котораго нашли фигуру человѣка въ кандалахъ, грудь котораго была пронзена гвоздемъ. Въ началѣ XIV-го вѣка посаженъ былъ въ тюрьму, подвергнутъ суду за

„порчу" французской королевы (умершей будто бы отъ этой порчи) епископъ Труа, и спасся отъ костра лишь благодаря особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ Въ „Демонологіи" Якова I, короля англійскаго (современника Бэкона и Шекспира) говорилось о подобной порчѣ II въ 1893 году хроникеру „Новаго Времени" пришлось говорить о современныхъ „колдунахъ и колдуньяхъ", что они мучатъ жабу, завернутую въ кусокъ матеріи, которую носило лицо, составляющее объектъ „порчи", и принуждаютъ тѣмъ это лицо испытывать тѣ-же самыя мученія при чемъ профессоръ Кирпичниковъ полагаетъ, что устроители этой архаической порчи принадлежатъ къ „интеллигенціи столицы". Въ Кіевѣ въ 1884 г. подобная же магія перенесенія на человѣка дѣйствія, производимаго на вещь, нашла себѣ индустріальное примѣненіе черезъ печную трубу ненанятой квартиры хозяева призывали выѣхавшихъ квартирантовъ (студентовъ), посылая на нихъ жгучую „тоску" при пособіи печного жара Однако, Кіеву и Петербургу не уступаетъ въ этомъ отношеніи и Вѣна, гдѣ въ 1888 г недовольная молодая жена торговца ювелирными издѣліями (слѣдовательно, едва ли принадлежащаго къ „пасынкамъ цивилизаціи") пыталась помощью магическаго гвоздя буквально пригвоздить шаги своего мужа — Можетъ быть еще интереснѣе фактъ, сообщаемый парижскими газетами весной 1892 года что въ это самое время производились въ Парижѣ серьезные опыты (между прочимъ, администраторомъ Политехнической школы, подполковникомъ Роша) довольно точно повторявшіе нѣкоторыя явленія старинаго envoutement Едва ли эти „ученые" изслѣдователи „психическихъ явленій" стоятъ, по степени развитія своего пониманія міра, значительно выше того бурятскаго „чернаго кузнеца" который „оживляетъ" заклинаніями сдѣланную имъ модель человѣка, обрѣченнаго имъ на мученія и потомъ полагаетъ, что вызываетъ эти мученія, разбивая сдѣланную фигуру молотомъ на наковальнѣ При подобныхъ переживаніяхъ въ стоятъ которые трудно не отнести къ „интеллигенціи", уже вполнѣ естественно, что люди той-же среды, откровенно предающіеся мистическимъ обрядамъ новѣйшаго „сатанизма" не колеблются признать подобное дѣйствіе порчи между соперничающими магами нашего времени, опять таки совершенно подобно тому какъ бурятскіе черные шаманы пытаются „съѣсть душу" соперника. Послѣднія десятилѣтія дали немало свидѣтельствъ тому, на сколько въ средѣ пасынковъ цивилизаціи историческихъ народовъ существуютъ еще переживанія самыхъ возмутительныхъ формъ общенія съ фантастическимъ міромъ Къ доисторической борьбѣ между соперничающими колдунами можно отчасти отнести и новѣйшую (въ 90-хъ годахъ) борьбу помощью иконъ, поученій и пророчество псковской монахини Еленушки („апокалиптической жены") противъ Іоанна кронштадтскаго (сбъявленнаго ею „антихристомъ"), при чемъ въ числѣ ея сторонниковъ были іеромонахи и игумены борьба эта была доисторическою, хотя ея формы были уже цѣликомъ заимствованы изъ христіанской миѳологіи

Нечего долго останавливаться и на общеизвѣстномъ народномъ вѣрованіи, что вѣдьмы способны вызывать засуху или дождь, и обращаться въ кошекъ, въ другихъ животныхъ, или даже въ клубокъ, точно такъже какъ колдуны—въ волковъ и т под Но нельзя не указать на представленіе о волшебномъ перемѣщеніи первобытныхъ колдуновъ и духовъ, а за тѣмъ и героевъ разныхъ сказокъ, гдѣ фигурируетъ мотивъ „ковра самолета", какъ оставившемъ многочисленныя переживанія въ легендахъ о христіанскихъ угодникахъ, чудесно перемѣщавшихся подобнымъ-же образомъ Точно такъ-же вѣрованіе многихъ дикихъ племенъ,

что отъ произвола ихъ царей фетишей зависитъ располагать погодою перешло и въ историческое время Въ древней Ирландіи начальникъ имѣлъ власть надъ погодою Въ эпоху когда окончательно устанавливался текстъ Одиссеи существовало вѣрованіе, что отъ „безпорочности“ и „страха Божія“ въ царѣ зависитъ урожай полей, размноженіе скота и рыбы На почвѣ универсалистической религіи буддистовъ выросло повѣствованіе, что отъ беззаконія царя зависѣлъ цѣлый рядъ бѣдствій у его подданныхъ и даже въ животномъ мірѣ страны надъ которой онъ властвовалъ Китайскій императоръ считается отвѣтственнымъ за всѣ стихійные безпорядки, такъ какъ они обусловливаются его дѣятельностью

Некромантія у грековъ и вызовъ духа Самуила эндорскою колдуньею свидѣтельствуютъ о переживаніи сношеній съ духами мертвыхъ въ историческое время, и спиритизмъ XIX-го вѣка продолжаютъ въ этомъ случаѣ традицію дикарей Книга Товита внесла въ ветхозавѣтное писаніе разсказъ объ изгнаніи бѣса Асмодея Христіанство и въ евангельскихъ миѳахъ, и въ ритуалѣ позднѣйшихъ церквей подтвердило переживаніе вѣрованія въ одержаніе той или другой личности бѣсами, и въ діавольскомъ навожденіи опредѣленной мѣстности „Кіевскій патерикъ“ сообщаетъ о томъ какъ святой Осодосій выгонялъ домового изъ хлѣва Въ Шуѣ въ XVII-мъ вѣкѣ было одновременно 70 человѣкъ, которыхъ считали одержимыми бѣсами, а въ концѣ того-же вѣка это обратилось чуть-ли не въ эпидемію (особенно въ формѣ кликушества), это вѣрованіе до нашего времени находитъ себѣ практическое приложеніе Въ 1737 году въ Томскѣ происходило формальное освидѣтельствованіе (въ присутствіи священника и разныхъ чиновниковъ, но о докторѣ не упоминается) 12-лѣтней дѣвочки „калмыцкой породы“, имѣвшей „въ утробѣ льявольское навожденіе“, говорившее „человѣческимъ языкомъ“ вслухъ, называвшее себя особымъ христіанскимъ именемъ, и за тѣмъ „вышедшее“ устами „подобно какъ дымъ“ въ двери кельи, объявивъ заранѣе, что оно идетъ „въ воду“, по этому „важному дѣлу“ Правительствующій сенатъ назначилъ „строгое изслѣдованіе“ Среди пасынковъ цивилизаціи до сихъ поръ встрѣчаемъ разсказы о магическомъ обрядѣ, иногда вызывающемъ варварскія истязанія, но совершаемомъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о борьбѣ противъ „врага божія“, духовныя лица католицизма, православія и даже протестантства, точно такъ же какъ еврейскіе цадики-чудотворцы, прибѣгаютъ еще отъ времени до времени къ изгнанію бѣса по традиціи восходящей къ самому элементарному шаманизму Въ 1892 году, по даннымъ, сообщаемымъ „Одесскимъ Вѣстникомъ“, изгоняли въ Томнолѣсской станицѣ „нечистаго“ который уменьшалъ удой коровъ Въ 1895 г судили въ графствѣ Типерари крестьянъ ирландцевъ, истязавшихъ и замучившихъ до смерти несчастную женщину, изъ которой выгоняли бѣса раскаленными щипцами Въ недавнее время православный священникъ благословитъ крестьянъ, убившихъ мнимо-умершую при ея пробужденіи, какъ вампира, и совѣтовалъ вбить въ ея гробъ осиновый колъ; другой признавался предъ судомъ въ Самарской губ. что онъ „какъ и всѣ“ боялся деревенскаго колдуна, третій подписывалъ въ 1861 г прошеніе крестьянъ объ удаленіи колдуньи; а въ 1882 г въ Пензенской губ протодіаконъ обращался къ колдуньѣ (которую потомъ убили), чтобы та возвратила ему потерянный голосъ. Англійскія газеты 1892 года сообщали отрывокъ изъ недавняго донесенія католическаго священника, который въ Веледингѣ (въ Баваріи) изгонялъ бѣса изъ тѣла мальчика и велъ разго-

воры съ этимъ бѣсомъ, обѣщавшимъ не переходить въ кого-либо изъ присутствующихъ (подобно тому какъ евангельскіе бѣсы, изгнанные Христомъ, перешли тутъ-же въ свиней) По парижскимъ газетамъ отъ 1893 года, въ окрестностяхъ Парижа (въ Gif) священникъ, о которомъ версальскій епископъ отзывался, какъ объ „умѣ практическомъ и весьма уравновѣшенномъ", съ согласія этого самаго епископа, дѣйствовавшаго, по его словамъ, на основаніи „духа церкви", совершилъ обрядъ экзорцизма надъ 19-ти-лѣтнею дѣвушкою Изъ нѣмецкихъ спеціальныхъ журналовъ перешло въ газеты въ 1893 г. извѣстіе о подобномъ же обрядѣ экзорцизма, совершенномъ лютеранскимъ пасторомъ Въ 1864 году въ Іоретто монахини истязали дочь сторонника Виктора-Эмануила, какъ имѣющую сношенія съ діаволомъ и околдовавшую, по мнѣнію священника и *врача*, одну изъ своихъ товарокъ по школѣ (изъ ревностныхъ папистокъ). Въ римскихъ католическихъ „агендахъ" (предписаніяхъ о порядкѣ отправленія богослуженія), по свидѣтельству изслѣдователя, до 57 страницъ наполнено формулами „экзорцизмовъ для избавленія людей и животныхъ отъ околдованія, для устраненія бурь и града, для изгнанія волшебныхъ силъ изъ соли, изъ воды, изъ зданій, изъ мяса, изъ хлѣба и сыра".

Колдуны всѣхъ племенъ и всѣхъ эпохъ прибѣгаютъ къ сходнымъ возбудительнымъ средствамъ (напиткамъ, вдыханію газовъ, особенно-же къ необычнымъ движеніямъ и крикамъ), чтобы достичь состоянія экстаза, которое принимаютъ за наваждение*) То, что мы видимъ у шамановъ и колдуновъ разныхъ дикарей, мы встрѣчаемъ въ древней Греціи въ экстатическомъ культѣ Діониса перешедшемъ туда, повидимому, изъ Оракіи и повлявшемъ на измѣненіе формъ дельфійскаго — впослѣдствіи и общегреческаго—культа Аполлона, а затѣмъ то-же наблюдаемъ у бродячихъ сивиллъ и бакисовъ VIII го и VII го вѣковъ чуть-ли не современниковъ древнѣйшихъ мудрецовъ Опять то же Ренанъ и многіе другіе ученые находятъ въ эволюціи еврейскихъ *пяти* въ пророковъ позднѣйшаго времени, сдѣлавшихся въ послѣдствіи общественною силою, даже цивилизаціонною. Съ ними сначала (въ эпоху Самуила) лишь „совѣтывались по поводу дождя и засухи", къ нимъ „обращались, чтобы найти потерянную вещь". Они представляли аналогіи нынѣшнимъ „вающимъ дервишамъ и хуанамъ мусульманскихъ странъ" Они спускались съ горъ, гдѣ отправлялись празднества, предшествуемые музыкальными инструментами, „пѣли, кричали, жестикулировали, отвѣчая хоромъ другъ другу Достаточно было вступить въ ряды пророковъ, или даже встрѣтить ихъ, чтобы быть охваченнымъ энтузіазмомъ, за которымъ слѣдовалъ упадокъ силъ и каталептическая потеря сознанія. Цѣлые дни и ночи конвульсіонеры катались нагіе по землѣ . И въ эпоху царствъ „вдохновеніе пророковъ „возбуждалось внѣшними средствами, пляскою, оргіастическими пріемами подобными тѣмъ, которые употребляются дервишами" Тѣ же явленія въ Индостанѣ представляютъ „бѣсовскія плясуны" доведенные до экстаза кровью убитаго козла или ягненка Почитаніе Сомы было соединено съ состояніемъ экстатическаго возбужденія. Какъ только, около наступленія нашей эры, появляются религіозныя общины христіанъ и соперничающихъ съ ними экстатиковъ, немедленно повторяются подобныя-же явленія Ограничиваясь міромъ древнѣйшихъ христіанскихъ общинъ, изслѣдователи констатируютъ нѣсколько фазисовъ патологическихъ припадковъ, принимающихъ заразительный характеръ. Это, сначала рядъ видѣній, связанныхъ съ представленіемъ о

*) См „Оп. ист м" стр. 1260 и слѣд.

воскресшемъ Христѣ Это, потомъ, когда его образъ начинаетъ блѣднѣть въ общинахъ, ожидающихъ его второго пришествія, экстатическія явленія сошествія святого духа на вѣрующихъ Это, какъ обычный элементъ вѣрующей общины, новые пророки, вдохновенные благагеліи христіанскихъ псалмовъ, люди, обладающіе универсалистическимъ даромъ языковъ и безформенные звуки голоса которыхъ приходится объяснять, какъ объясняли слова древнихъ оракуловъ Эти явленія, нормально сопутствующія религіозному возбужденію, ослабѣваютъ въ средніе вѣковой церкви какъ только въ нея забота объ организаціи этой церкви преобладаетъ надъ индивидуальнымъ религіознымъ настроеніемъ, унаслѣдованнымъ отъ доисторическаго періода Но чуть ли не всякая новая ересь, обусловливающая подобное настроеніе вызываетъ и повтореніе экстатическихъ припадковъ, религіозныхъ плясокъ госсолаліи и т под Эти явленія связываютъ нѣкоторыхъ древнихъ гностиковъ, средне-вѣковыхъ бичующихся и плясуновъ іоттардовъ протестантскихъ камизаровъ, слышавшихъ пѣсни ангеловъ съ русскими хлыстами скопцами и духовными христіанами саѳоновъ Татариновой съ методистами англійскихъ и американскихъ ревиваліей, съ шэкерами, ирвингіанами шведскими „чтецами" и, въ мірѣ мусульманскомъ, съ пляшущими дервишами и тому подобными явленіями Эти ряды сходныхъ фактовъ позволяютъ распространить на всѣ народы и эпохи положеніе, что, на извѣстной степени эволюціи колдовства или религіознаго экстаза, чисто-патологическія явленія, наблюдаемыя у сибирскихъ шамановъ, встрѣчаются и у чудотворцевъ самыхъ передовыхъ народовъ у Мари Алаконъ, точно такъ-же какъ у мистика Ruhlman'a Merswin'a, который, подъ вліяніемъ теперь уже достаточно подвергнутаго наблюденію феномена *раздвоенія личности*, написалъ въ XIV мъ вѣкѣ цѣлую книгу таинственнаго „друга божія", или у новѣйшихъ французскихъ бэгеновъ, пророкъ которыхъ умеръ въ 1891 г въ пріютѣ для помѣшанныхъ, а пророчицы изрѣкали свои откровенія при истерическихъ припадкахъ Наконецъ не лишнее можетъ быть, замѣтить что идеальное состояніе духа буддиста, достигающаго Нирваны, есть ни что иное какъ полное исчезаніе изъ сознанія всего чувственнаго и аффективнаго міра, т е, состояніе экстаза имѣющаго немало аналогіи съ самоопьяненіемъ и самовнушеніемъ доисторическаго шамана экстаза, который мыслителю-реалисту трудно не признать патологическимъ Выше (стр. 115) было обращено вниманіе читателя на тѣ продукты религіознаго творчества, которые получаются въ позднѣйшія эпохи изъ представленія о колдунахъ подъ вліяніемъ работы мысли эстетической и философской

Когда въ историческое время мы наблюдаемъ переживанія вѣры въ могущество колдуновъ и ихъ собственнаго патологическаго убѣжденія въ этомъ могуществѣ и въ дѣйствительности ихъ видѣній, то намъ приходится ожидать, что мы встрѣтимъ и переживанія опасностей, которымъ подвергались эти колдуны, а также и политическія власти, присвоившія себѣ большую или меньшую долю ихъ функцій. Какъ колдунамъ и царямъ-фетишамъ негровъ грозитъ опасность истязанія и смерти въ случаѣ неудачи въ предпріятіяхъ, или въ случаѣ общественныхъ бѣдствій, такъ это имѣло мѣсто и у историческихъ народовъ, на сколько они

сохранили подобныя вѣрованія дикаря Истязали, жгли и убивали очень недавно народнымъ самосудомъ вѣдьмъ и колдуній въ передовыхъ странахъ западной Европы и въ Россіи. Преданія классической Греціи и скандинавскихъ народовъ сохранили слѣды подобныхъ фактовъ. Процессы надъ колдуньями сдѣлались вполнѣ нормальнымъ элементомъ юридической жизни Европы какъ разъ наканунѣ эпохи начала новой свѣтской цивилизаціи, и послѣдніе костры для этихъ наслѣдницъ доисторическихъ шамановъ потухли очень недавно

Ограничимся немногими указаніями О народномъ самосудѣ надъ колдунами тщательно собранъ матеріалъ въ статьѣ *А Вегина* (см „Оп. ист. м" стр 1271, примѣчан) Нѣкоторыя болѣе новыя интересныя указанія можно найти въ статьѣ *В. Богдарскаго* въ „Новомъ Словѣ" за іюль 1897 года и въ книгѣ *Львенштима*) Здѣсь упомянемъ лишь (по этимъ источникамъ), что факты убійства или истязанія колдуновъ и колдуній восходятъ къ 80-мъ и къ 90-мъ годамъ нашего вѣка Въ 1893 году въ Томской губ убили женщину, принимая ее за „холеру" Въ сравнительно позднемъ греческомъ миѳѣ о Главкѣ, сынѣ Миноса послѣдній приказываетъ зарыть въ могилу, вмѣстѣ съ Главкомъ, колдуна Полида, который не съумѣлъ воскресить мертвеца. Скандинавское преданіе разсказываетъ что короля Домальда признали виновникомъ господствовавшаго голода, убили и кровью его помазали алтари, а короля Олафа сожгли для хорошей жатвы. Лампрехтъ внесъ въ свою исторію германскаго народа, что „нерѣдко падали короли жертвами народнаго бѣшенства при общественныхъ бѣдствіяхъ, при неурожаѣ и голодовкѣ, при пораженіи врагами или при эпидеміи" Подобный мотивъ былъ, повидимому, выставленъ боярами и при низложеніи Шуйскаго Процессы колдуній слишкомъ общеизвѣстны, чтобы на нихъ останавливаться Число жертвъ этой эпидеміи въ XVI и въ XVII вѣкахъ считали милліонами Замѣтимъ лишь, что какъ колдунью сожгли Жанну д'Аркъ Въ Пруссіи отмѣнили процессы колдуній въ 1728, и въ 1793 еще существовали въ Познани остатки костровъ, на которыхъ недавно ихъ сжигали Въ 1766 г. отмѣнены эти процессы въ Австріи Маріей Терезіей Въ 1749 г въ Вюрцбургѣ, въ 1775 году—въ Кемптенѣ, въ 1782—въ Гларусѣ казнили послѣднихъ колдуній. Указъ 1682 г. Людовика XIV значительно ограничилъ во Франціи процессы колдуній, но парламентъ протестовалъ, еще въ 1718 г произнесенъ былъ смертный приговоръ въ подобномъ процессѣ парламентомъ Бордо, и лишь въ 1731 г оправдательный приговоръ (можетъ быть потому, что обвинялся монахъ іезуитъ) положилъ конецъ этимъ процессамъ въ отечествѣ Вольтера. Въ Англіи послѣдняя колдунья осуждена въ 1712 г., но приговоръ исполненъ уже не былъ; законы противъ колдуній отмѣнили тамъ лишь въ 1736 г Въ британской Америкѣ въ 1696 г., послѣ цѣлаго ряда казней колдуновъ, назначенъ былъ общій постъ и торжественно принесено жителями Салема покаяніе въ томъ, что казнены помѣшанные На островѣ Мэнѣ еще въ 1843 году была привлечена къ суду колдунья по обвиненію въ порчѣ. Что касается до испанской Америки, то по словамъ Кизеветера, суще-

*) См. стр 118

ствуютъ указанія, будто въ 1863 г въ Мехико имѣло мѣсто не менѣе 15 процессовъ колдуній, и что въ 1874 году въ San-Juan de Jacobo два человѣка были сожжены живыми.

Колдовство христіанскаго періода имѣло двѣ отрасли, очень различныя для культурныхъ людей этого времени, но и та и другая приводила мысль человѣка къ результатамъ, которые для современнаго мыслителя кажутся, на первый взглядъ, возмутительнымъ уродствомъ культуры, хотя были, какъ переживанія доисторическаго строя мысли, совершенно естественны. Одна изъ этихъ отраслей выработала взглядъ на колдовство какъ на нѣчто языческое, въ противуположеніе христіанству, какъ на отрѣченіе отъ церкви, какъ на преступное сношеніе съ „нечистью“ стихійныхъ духовъ или съ сатаною и его пособниками. Эта форма колдовства, преслѣдуемая церковью и властями, ее поддерживавшими, привела къ тѣмъ возмутительнымъ процессамъ колдуній, о которыхъ только что было сказано, и послужила не малою помѣхою экспериментальному изученію природы. Но тѣ-же самые магическіе процессы, которые въ бѣсовскомъ колдовствѣ преслѣдовались церковью, совершались ею самою путемъ крестнаго символа, путемъ реликвій, обрядовъ, призванія помощи угодниковъ, Пречистой Дѣвы, Христа или троичнаго божества церкви. Это былъ міръ „великихъ колдуновъ“ къ которымъ *слѣдовало* прибѣгать „крещеному“, отрѣкаясь отъ Сатаны. Къ нимъ и прибѣгали Если сѣверныя саги заключаютъ въ себѣ свидѣтельства о кровавомъ истребленіи и жестокихъ казняхъ финскихъ колдуновъ скандинавами, принявшими христіанство, то рядомъ съ этимъ продолжающееся творчество магической лирики финновъ позволяетъ констатировать до новѣйшаго времени, въ указанномъ выше обращеніи къ Іисусу и къ духу святому, присутствіе вѣрованій въ христіанскую магію. И такъ было чуть-ли не во всѣхъ христіанскихъ странахъ въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ. Но при этомъ переносили на боговъ, на полубоговъ и на героевъ христіанскаго Олимпа, представленія о доисторическихъ колдунахъ; если признавали всемогущество боговъ, если къ нимъ обращались за помощью, то противъ нихъ неизбѣжно возмущались въ случаѣ неисполненія требованій, въ виду которыхъ употребляли магическое средство обряда, молитвы, литургіи, гдѣ совершалось „страшное таинство“. Какъ только это случалось, то въ культуру естественно входилъ обычай обращаться съ „великими колдунами“ христіанскаго вѣрованія совершенно

такъ, какъ доисторическій человѣкъ обращается съ колдуномъ или съ фетишемъ, неумѣвшимъ или незахотѣвшимъ доставить ему, молельщику, удачу, неумѣвшимъ или незахотѣвшимъ разогнать градовую тучу или дать дождь, необходимый полямъ Когда обрядъ достигъ цѣли, оплачивали благодарственные молебны, дѣлали взносы въ церковь, около образа святого Ильи или Богородицы троеручицы зажигали лишнія свѣчи. Прибѣгали и къ болѣе грубымъ выраженіямъ благодарности: напримѣръ, изваянію Николы-чудотворца въ Псковско-печерскомъ краѣ обмазывали губы молокомъ и творогомъ, совершенно такъ-же какъ негритянскому фетишу. Но если просьба не была выполнена, то прибѣгали довольно часто къ укорамъ, къ ругательствамъ, къ угрозѣ, наконецъ и къ наказанію фетиша, въ которомъ воплощались высшія силы христіанства.

Свидѣтельства этого рода, восходящія къ Среднимъ вѣкамъ для всей Западной Европы многочисленны Но они доходятъ и до нашего времени Есть извѣстіе, напримѣръ, что въ 1884-85 годахъ была брошена въ Маасъ статуя святого Виниброда, которая оказалась безсильною остановить болѣзнь винограда, что въ Корси въ случаѣ дурного урожая, населеніе „шло въ церкви сѣчь святыхъ", подобно тому, какъ, по преданію, Ксерксъ сѣкъ море, что въ Бретани, по словамъ Ренана, угрожали святому, что его „подкуютъ" если онъ не прогонитъ лихорадку которой страдалъ приведенный въ часовню ребенокъ, что подобный-же обычай ругать и бить святыхъ въ случаѣ неуспѣха въ рыбной ловлѣ господствуетъ между всѣми французскими рыбаками береговъ Атлантическаго океана; что то же самое наблюдается и въ другихъ странахъ Европы, что въ 1887 г. въ монастырѣ большого города въ Провансѣ поворачивали статую св. Іосифа лицомъ къ стѣнѣ въ наказаніе за то, что угодникъ не съумѣлъ побудить одного сосѣдняго владѣльца отказать монастырю по завѣщанію нужный монастырю участокъ земли, Еще многочисленнѣе отдѣльные эпизоды послѣдняго рода таковы разсказы о распятіи, брошенномъ за окно раздраженной матерью, у которой умеръ ребенокъ, о св. Антоніи Падуанскомъ, статую котораго португальскіе матросы заключали въ цѣпи, пока онъ не пошлетъ имъ благопріятный вѣтеръ и т под —Если во всѣхъ приведенныхъ здѣсь примѣрахъ проявляется представленіе о личностяхъ христіанской миѳологіи какъ о доисторическихъ колдунахъ, то не мудрено, что и къ живымъ исполнителямъ христіанскихъ магическихъ обрядовъ относятся подобнымъ-же образомъ Такъ въ недавнее время одному провансальскому епископу пришлось смѣнить священника лишь потому, что населенію онъ неугодилъ неспособностью вызывать своевременно дождь и устранять градъ.

Только что указанныя переживанія отдѣльныхъ элементовъ вѣрованій доисторическаго времени получаютъ особенно важное значеніе, когда мы встрѣчаемъ ихъ не какъ отрывочныя явленія, въ которыхъ можно предполагать и случайную комбинацію обстоятельствъ, благопріятную для по-

добныхъ переживаній, но какъ существенную составную часть сложнаго продукта работы мысли времени уже безспорно-историческаго.

Именно такими сложными продуктами приходится признать, при переходѣ античнаго міра къ средневѣковому, нѣкоторыя комбинаціи религіозной, эстетической и философской мысли; эти комбинаціи образовались отчасти подъ вліяніемъ переживанія элементовъ доисторическихъ міросозерцаній, но отчасти и какъ первыя попытки критической мысли связать эти міросозерцанія съ новыми задачами эпохъ, усвоившихъ все болѣе опредѣленно требованія исторической жизни. Здѣсь намъ приходится остановиться преимущественно на двухъ сложныхъ явленіяхъ, связь между которыми все болѣе устанавливается въ мысли новѣйшихъ изслѣдователей. Это, во первыхъ, *мистеріи* античнаго міра, развивавшіяся въ тѣсной связи съ религіознымъ обычаемъ и съ религіознымъ творчествомъ миѳовъ этого міра, параллельно съ школами философовъ, главныхъ двигателей критической мысли въ ея разныхъ фазисахъ; эти болѣе или менѣе древнія мистеріи получили особенно-значительное развитіе въ культурѣ греческаго міра временъ Римской Имперіи, рядомъ съ развитіемъ христіанской церкви. Это, во вторыхъ, формы новаго богослуженія и новыхъ организацій союзовъ духовныхъ общинъ, противуполагавшихся болѣе или менѣе сознательно античнымъ оффиціальнымъ культамъ, не имѣя при этомъ возможности вполнѣ оторваться отъ нихъ. Такова была организація культа Митры въ II — IV вѣкахъ послѣ нашей эры. Таковы были, наконецъ, соперничавшія съ культомъ Митры и, относительно, подавившіе его формы *христіанскаго богослуженія*, здѣсь устанавливается новая обрядность въ присутствіи стремленія осмыслить ее и внести въ нее мистическое содержаніе; оказывается безспорнымъ посредствующее вліяніе гностицизма; окончательно христіанская обрядность все неудержимѣе проникается элементами тѣхъ самыхъ языческихъ мистерій, въ которыхъ проповѣдники евангелія видѣли бѣсовское обольщеніе.

Въ античныхъ мистеріяхъ, при ихъ самомъ полномъ развитіи, когда изслѣдователи констатируютъ въ нихъ вліяніе полумиѳической космологіи орфиковъ и метафизики пиѳагорейцевъ и платониковъ, не трудно отмѣтить элементы, совершенно-явно восходящіе къ доисторическимъ вѣрованіямъ. „Великіе боги“ мистерій Самоѳракіи, сдѣлавшіеся въ эпоху господства Македоніи, а, впослѣдствіе, Рима, особенно мод-

нымъ предметомъ поклоненія, были прежде всего существами, обезпечивавшими удачу мореходамъ и спасеніе отъ бурь. Въ основѣ элевзинскихъ мистерій древнѣйшаго времени лежалъ доисторическій культъ мертвецовъ, обезпеченіе имъ въ смутномъ царствѣ тѣней—какъ оно рисовалось пѣвцамъ Одиссеи — болѣе удовлетворительнаго существованія, при чемъ лишь въ гораздо позднѣйшее время, послѣ того какъ элевзиніи сдѣлались изъ культа нѣсколькихъ родовъ и семей государственнымъ культомъ Аѳинъ, а за тѣмъ культомъ общегреческимъ, въ нихъ, подъ вліяніемъ философской и эстетической мысли, проникли представленія о безсмертіи души, о зависимости ея загробной судьбы отъ ея заслугъ или отъ неисполненія ею нравственныхъ обязанностей въ земной жизни, о грѣхѣ и о его искупленіи. Духовная чистота, которую имѣли въ виду позднѣйшіе неофиты при омовеніи и крещеніи, была, очевидно, въ началѣ, лишь чисто обряднымъ требованіемъ внѣшняго устраненія препятствій къ надлежащему исполненію обряда, обезпечивающаго удачу: дѣло шло сначала объ огражденіи отъ вредной „нечисти", постоянно опасной для человѣка; погомъ—о внѣшней тѣлесной чистотѣ (или о томъ, что̀ считалось обрядомъ внѣшняго очищенія), затѣмъ уже о чистотѣ чувства и помысла, объ устраненіи грѣха, какъ оскорбляющаго величіе божества. Отсюда самъ собою выработался въ различныхъ древнихъ культахъ обычай омовенія не только члена родовой, политической или религіозно-обрядовой общины, но и обрядъ омовенія или погруженія въ воду, въ виду магическаго дѣйствія (или какъ благочестивый обрядъ, угодный высшимъ силамъ) кумира языческаго бога или героя, обрядъ, перешедшій въ послѣдствіи на статуи и иконы мадоннъ и христіанскихъ святыхъ. Уже помимо извѣстныхъ ритуаловъ мистерій, эти омовенія получали въ группахъ интеллигенціи того времени мистическій характеръ (какъ, наприм., усвоивая миѳическое представленіе о томъ, что Гера, купаясь въ источникѣ Канатосъ, обновляетъ каждый разъ свою дѣвственность). Подобныя истолкованія смысла обряднаго дѣйствія получили особенно-широкое мѣсто въ мистеріяхъ. Черезъ весь ритуалъ чуть-ли не всѣхъ ихъ проходила задача первобытнаго колдовства: установить прочное и благопріятное для посвященнаго общеніе съ міромъ духовъ. Это-же самое общеніе имѣли преимущественно въ виду тѣ мистеріи (особенно вносившія въ греческій міръ элементы, обычные въ Оракіи и на Востокѣ), которыя, какъ орудіе подоб-

наго общенія, употреблявшіе первый экстазъ, „оргіастическіе“ обряды культа Діониса, Великой матери и т. под. На этой доисторической почвѣ образовались сперва союзы родственные, исключающіе „чужого“ изъ „таинственнаго“ обряда, связывающаго „своихъ“; потомъ „тіазосы“, исключительно обрядныя общины — предшественницы будущихъ общинъ „церковныхъ“ — имѣющія въ виду совершеніе магическаго обряда, въ которомъ „чужіе“ не имѣли права участвовать. Съ выступленіемъ на историческую сцену мысли критической, въ общины, связанныя мистеріями, стало проникать требованіе „знанія“ не только того, какъ совершать обрядъ, но и его смысла, точно такъ-же какъ въ школахъ философовъ возникало требованіе философскаго пониманія и точнаго знанія. Обрядъ посвященія сталъ символомъ принятія на себя обязанности нравственнаго поведенія. Требованія омовенія, воздержанія, поста, поставленныя древней магіей, сдѣлались символами требованій нравственнаго аскетизма, омовенія отъ грѣха, „спасенія“ отъ загробной кары, при помощи героя или бога, обратившагося въ нравственнаго „спасителя“ вмѣсто прежняго охранителя отъ житейскихъ опасностей. Тутъ-же былъ открытъ широкій путь для философскихъ, нравственныхъ и эстетическихъ построеній. Орфики, пиѳагорейцы, платоники были, повидимому, главными двигателями эволюціи мистерій на этомъ пути въ мірѣ языческомъ, какъ гностики были переходною ступенью для той-же эволюціи въ мірѣ христіанскомъ. Но за тѣмъ эволюція древнихъ мистерій въ нѣкоторыхъ случаяхъ приняла и особенный характеръ подъ вліяніемъ новаго фазиса творчества общественныхъ формъ. Античное государство оказывалось несостоятельнымъ передъ задачею общественной солидарности и огражденія общества отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутренняго неустройства. Эта несостоятельность обнаружилась въ античномъ мірѣ не только для обособленныхъ монархій древняго Востока и эпохи эллинизма, или для государствъ-городовъ древней Греціи, но и для правового государства Рима, какъ его пробовали создать первые цезари, затѣмъ цезари-философы эпохи Антониновъ, наконецъ великіе юристы эпохи Северовъ. Творческая мысль въ области общественныхъ формъ направилась на иной путь, именно на путь созданія политическаго союза на почвѣ союза духовнаго, т. е. союза небольшихъ общинъ личностей одинаковаго вѣрованія. Задачею эпохи стала *организація* этого духовнаго союза. На почвѣ многочисленныхъ мелкихъ общинъ,

связанныхъ мистеріями и сохранившихъ въ преданіи связь съ античными вѣрованіями, возникли попытки организаціи *универсалистическихъ религій*. Какъ одна изъ самыхъ обширныхъ попытокъ этого рода, явился культъ Митры, который въ нѣкоторую эпоху какъ будто имѣлъ шансы лечь въ основаніе универсалистическаго религіознаго организма. Подобныя-же попытки можно признать, можетъ быть, у позднѣйшихъ почитателей Изиды или Сераписа, у сторонниковъ нѣкоторыхъ отраслей гностицизма, у манихеевъ, въ позднѣйшемъ маздеизмѣ, и т. под. Но въ борьбѣ за существованіе этихъ универсалистическихъ религіозныхъ организмовъ восторжествовала христіанская церковь и восторжествовала не потому, чтобы ея религіозно-философское построеніе представляло менѣе противурѣчій, но потому, что ея политическая организація болѣе соотвѣтствовала задачамъ эпохи, а, можетъ быть, и потому, что она, на первой ступени своей организаціи, установила для себя болѣе рѣзкое противуположеніе традиціямъ античнаго міра, подавляя эти традиціи заразъ элементами, заимствованными изъ міра доисторическаго, а также задачами, выдвинутыми на первый планъ продуктами мысли критической.

Эти явленія, подготовлявшія христіанство, соперничавшія съ нимъ и въ то же самое время представлявшія съ нимъ очень много аналогій, сдѣлались лишь въ самое послѣднее время предметомъ тщательнаго и всесторонняго изученія, а потому литература этого предмета представляетъ поразительныя противурѣчія которыя могутъ смутить читателя. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ послѣдняго времени объ эволюціи религіозной мысли въ II — IV вѣкахъ, гдѣ литература орфиковъ почти не упомянута, мы имѣемъ цѣлый рядъ монографій не менѣе значительныхъ, въ которыхъ именно работамъ мысли орфиковъ приписывается огромное вліяніе на развитіе мистерій и аналогичныхъ имъ явленій. Съ другой стороны въ Энциклопедическомъ словарѣ, общее руководство котораго принадлежитъ одному изъ нашихъ наиболѣе разносторонне-образованныхъ писателей, и за подписью одного изъ нашихъ самыхъ крупныхъ ученыхъ, встрѣчаемъ статью о „Митрѣ", въ которой ни однимъ словомъ не упомянуто о значеніи культа Митры (представляющаго типъ, уже совсѣмъ иной по сравненію съ Митрою „древне-индѣйскимъ божествомъ, восходящимъ къ индо иранскому періоду", о которомъ говоритъ нашъ ученый) во время Римской Имперіи, значеніи, о которомъ писаны и обширныя монографіи и которое составляетъ, въ своемъ соперничествѣ съ христіанствомъ, предметъ цѣлаго ряда главъ въ самыхъ извѣстныхъ обобщающихъ трудахъ. Въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ по этому предмету авторъ нашелъ возможнымъ сказать: „Если-бы ростъ христіанства былъ остановленъ какимъ-либо неизлѣчимымъ болѣзненнымъ процессомъ, міръ едѣлался-бы поклонникомъ Митры".

Пока христіанскія общины были демократическими груп-

ними, которыя рѣзко противополагали свои нравственныя и общественныя требованія „царству діавола“, ихъ окружавшему; пока они считали характеристическою чертою своего союза непосредственное общеніе каждаго вѣрующаго съ духомъ святымъ и вызываемыя этимъ общеніемъ явленія экстаза (переживаніе доисторическаго шаманства) имѣвшія мѣсто и у древнѣйшихъ еврейскихъ пророковъ*); пока они ожидали ежеминутнаго наступленія царства Христа—спасителя и судьи,—до тѣхъ поръ эти общины не нуждались въ элементахъ мистерій и вырабатывали въ своей средѣ союзъ вѣрующихъ помимо всякаго подобнаго элемента, враждебно относясь къ нему какъ къ діавольскому служенію у язычниковъ и какъ къ лжемудрствованію у гностиковъ Но уже довольно скоро, независимо отъ всякаго преднамѣреннаго заимствованія отъ язычниковъ и гностиковъ, въ общественную жизнь христіанъ сталъ проникать элементъ обособленнаго обряднаго „таинства“. Къ трапезѣ вѣрующихъ и къ ихъ общенію стали допускать лишь совершившихъ обрядъ омовенія и онъ сталъ характеристическимъ признакомъ христіанства. Самый обычай общей трапезы сталъ терять свой характеръ простого общенія вѣрующихъ, но получалъ тѣмъ болѣе характеръ мистическій, чѣмъ болѣе, съ одной стороны, типъ Христа-проповѣдника въ мысли учениковъ евангелія, связанный съ формами традиціонной трапезы, заслонялся типомъ воплощеннаго бога и чудотворца; съ другой, чѣмъ болѣе трапеза древнихъ христіанъ обращалась изъ общенія между вѣрующими въ чудесное общеніе ихъ съ богомъ, плоть котораго можно было съѣсть. Александрійскіе учители внесли въ церковное богословіе попытку противуположить еретической мудрости (гнозѣ) гнозу истинно-вѣрующихъ. Крещеніе и причастіе получаютъ характеръ все болѣе соотвѣтствующій античному понятію о мистеріяхъ. Съ IV-го вѣка уже вполнѣ опредѣленно вырабатывается ученіе о таинствахъ и къ этому ученію невольно прилагается терминологія, заимствованная отчасти изъ обычая языческихъ мистерій, отчасти изъ гностическихъ умозрѣній. Съ тѣмъ вмѣстѣ таинство крещенія и причастія усвоиваютъ не только опредѣленныя черты вѣрованій неисторическихъ дикарей въ формулахъ отрѣченія отъ діавола при крещеніи, въ превращеніи хлѣба и вина въ плоть и кровь при обрядѣ причастія и въ поклоненіи при этомъ бога для усвоенія его чудесныхъ

*) См. выше, стр 129.

свойствъ, но и въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ. Новые изслѣдователи могли считать себя въ правѣ сказать: „Впослѣдствіи, по общему пониманію греческой церкви, христіанство обращалось все болѣе въ систему посвященій, имѣющихъ волшебное дѣйствіе“. Что касается до двухъ древнѣйшихъ христіанскихъ „таинствъ“ (число которыхъ впослѣдствіи увеличилось), то они получаютъ въ церковномъ пониманіи подобное-же мѣсто, какъ языческія мистеріи въ мысли ихъ неофитовъ. Черезъ посредство мистерій эти таинства оказываются богословско-философской обработкой въ эпоху универсалистическихъ религій тѣхъ самыхъ доисторическихъ вѣрованій, которыя выросли въ греческихъ обрядныхъ общинахъ (тіазахъ) изъ родового и семейнаго культа героевъ и духовъ, рядомъ съ художественною выработкою мивологіи олимпійцевъ, заслонявшей въ продолженіи долгаго времени отъ вниманія изслѣдователей эти источники языческихъ мистерій и „страшныхъ“ христіанскихъ богослужебныхъ таинствъ. Общее сходство формъ богослуженія христіанства съ формами культа Изиды, Митры, буддизма (особенно ламаизма) и другихъ было давно замѣчено.

Подобно тому какъ элевзинскія таинства распространились по разнымъ частямъ древней Греціи, образуя филіальныя общины посвященныхъ, и у кизильбашей въ Малой Азіи было констатировано существованіе мистеріи оргіастическаго характера, напоминающихъ будто-бы древнія сатурналіи и мистеріи гностиковъ, и связанныхъ съ догматомъ переселенія душъ. Нѣтъ причины и этимъ явленіямъ, еще мало изслѣдованнымъ, не приписывать подобнаго же происхожденія

ГЛАВА XV

ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ МИѲОВЪ И СИМВОЛОВЪ.

Ранніе и позднѣйшіе продукты этой области. — Сложность ея продуктовъ —(Примѣры.—Элементы христіанскаго ученія).

Творчество миѳовъ, какъ разсказовъ, болѣе или менѣе сказочныхъ, но сохранившихъ отъ элемента религіознаго, вызвавшаго это творчество особаго рода, убѣжденіе, что это — разсказъ о событіи, *дѣйствительно* совершающемся или когда-то совершавшемся, восходятъ къ доисторическимъ эпохамъ никакъ не позднѣйшимъ распространенія въ человѣчествѣ натурпзма; способность и склонность къ этому творчеству сохранилась въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и въ формѣ жизненнаго элемента болѣе или менѣе художественнаго, болѣе или менѣе философскаго побужденія, и въ формѣ переживанія вѣры въ событія фантастическія или реальныя, не подвергая ихъ критикѣ. Къ доисторическому времени восходило вѣрованіе евреевъ, что покойники приходятъ во снѣ съ требованіемъ возвратить комъ земли, взятый съ ихъ могилы; но уже къ опредѣленной эпохѣ ихъ разсѣянія по всѣмъ странамъ міра восходитъ миѳъ о томъ, что тѣла евреевъ, умершихъ внѣ обѣтованной земли, катятся въ нее длиннымъ подземнымъ проходомъ, который вырываетъ для нихъ Яхве, а тѣла гоевъ, умершихъ въ Палестинѣ, выбрасываются изъ священной почвы. Пасынки цивилизаціи

создавали себѣ въ историческое время въ Россіи не только легенды объ огненномъ змѣѣ и о чудотворныхъ иконахъ, но и преданіе неопредѣленнаго времени о „бѣломъ старичкѣ“, которое сохранилъ Златовратскій. Въ разныхъ мѣстностяхъ, по видимому независимо одинъ отъ другого, выработались разсказы о кровосмѣсителѣ, о чудовищѣ, которому выкалываютъ единственный глазъ, о похищеніи огня въ сердцевинѣ растенія, о чудесномъ скачкѣ, а позже и вполнѣ-реалистическіе мотивы. Другія легенды были уже болѣе или менѣе точно датированы исторически. Въ разныхъ странахъ Европы въ неопредѣленное время возникала, а затѣмъ связывалась съ историческими именами, легенда о спящемъ въ горной пещерѣ героѣ или императорѣ, ожидающемъ пробужденія. Съ общимъ указаніемъ на „римскаго императора“ а за тѣмъ съ именемъ Наполеона связанъ былъ разсказъ о тайной казни изобрѣтателя „неразбивающагося стекла“. Во французской Африкѣ создается цѣлый циклъ реалистическихъ легендъ около личности недавно-умершаго генерала Фэдэрба. Въ Россіи новѣйшія событія вызвали разсказы о преніяхъ между царемъ и „сенатомъ“ по поводу освобожденія крестьянъ, о царѣ, разъясняющемъ солдату какія личныя опасности грозятъ обладателю царской власти, о „царскихъ загадкахъ“, сводимыхъ молодою царицею на переходъ земли отъ пановъ и казаковъ къ крестьянамъ, о происхожденіи антихриста изъ среды земскихъ начальниковъ и тому под. Точно такъ-же исторически была датирована народная легенда о смерти принца Рудольфа, которая разсказывалась уже весною 1889 года въ Тиролѣ, связывая эту загадочную смерть одновременно какъ съ пріемомъ загадки о жирныхъ и тощихъ коровахъ, такъ и съ миѳическою заботою принца о благѣ народа Точно такъ-же въ средѣ дикарей высшей культуры — а частью и въ средѣ интеллигенціи — зарождались и устанавливались легенды о призрачныхъ женщинахъ, появляющихся въ старинныхъ дворцахъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ и тому под., предвѣщая смерть членовъ этихъ династій, легенда о спасеніи Людовика XVII-го изъ Тампля, о таинственномъ царственномъ узникѣ (вѣроятно вел. князь Константинъ Павловичъ) въ Шлиссельбургѣ, о характеристическихъ изрѣченіяхъ историческихъ дѣятелей, изрѣченіяхъ, сказочность которыхъ историческою критикою снова и снова доказывается, но все безуспѣшно. Непреднамѣренно-придуманная исторія въ ея подробностяхъ продолжала создаваться и распространяться, рядомъ съ исторіей реальною,

допуская или не допуская фантастическій элементъ, какъ переживаніе пріемовъ мысли эпохъ, когда критическая мысль не существовала.

Но элементы этой придуманной исторіи были очень различнаго происхожденія Миѳы и символы, точно такъ-же какъ сказки и разсказы, или произведенія пластическаго и графическаго творчества, въ своихъ главныхъ чертахъ нисколько не вызывающіе дѣятельности религіознаго аффекта, представляются сложными продуктами, въ которыхъ элементъ религіознаго творчества — какъ ни было-бы велико или мало его участіе въ продуктѣ — никогда не дѣйствуетъ одинъ, но допускаетъ или даже требуетъ содѣйствія мысли эстетической или философской, а не то и обѣихъ вмѣстѣ. А потому роль тѣхъ доисторическихъ явленій, которыя мы наблюдаемъ въ этой области въ позднѣйшее время, обусловливается обоими процессами эволюціи, только что отмѣченными для жизненныхъ элементовъ и для переживаній въ сферѣ мысли какъ эстетической, такъ и религіозной, при чемъ еще нѣкоторую долю приходится отнести къ зародышнымъ проявленіямъ мысли философской, условія эволюціи для которой въ разсматриваемомъ отношеніи были такъ-же иныя. Намъ приходится ожидать, что въ миѳы наиболѣе проникнутые доисторическимъ элементомъ религіи (т. е. осуществленіемъ ея роли, какъ фантастическаго вѣрованія, скрѣпляющаго или создающаго обычай), войдутъ эстетическіе или философскіе элементы, которые обусловлены исключительно требованіемъ занимательнаго разсказа, привлекательнаго патетическаго настроенія, правдивой художественной формы; или-же требованіемъ внести единство въ представленіе или въ пониманіе различныхъ частныхъ подробностей миѳа, послѣдовательность въ рядъ образовъ и церемоній; наконецъ, требованіемъ согласить унаслѣдованный обрядъ съ позднѣйшимъ представленіемъ, иногда уже нравственнаго свойства. И точно такъ же въ разсказахъ позднѣйшей редакціи, гдѣ уже вполнѣ опредѣленно выступаетъ на видъ задача занимательности повѣствованія, отдѣлки формъ и поученія, мы нисколько не можемъ удивляться, если встрѣтимъ ту или другую подробность, которая не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ наслѣдствомъ періода, когда мысль дикаря работала исключительно надъ представленіемъ объ удачѣ и о знаменіи, а религіозная техника не заботилась ни о внушительности обряда, ни о его изяществѣ, а исключительно о его предполагаемой магической силѣ. И такъ

здѣсь неизбѣжно, рядомъ, въ одномъ и томъ-же продуктѣ человѣческой мысли историческаго времени, мы находимъ и жизненные элементы этой позднѣйшей эпохи способствовавшіе дальнѣйшей эволюціи художественнаго творчества и философскаго пониманія, и прямыя переживанія древнѣйшихъ слоевъ натуризма, анимизма, фетишизма и шаманизма, поддерживавшія въ дикаряхъ высшей культуры пріемы мысли и привычки жизни дикаря культуры самой низшей. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ области, составляющей предметъ настоящаго изслѣдованія, почти никогда ни цѣльный миѳъ, ни цѣльный комплексъ символическихъ дѣйствій не можетъ быть отнесенъ къ переживаніямъ, мѣшавшимъ прогрессу цивилизаціи, точно такъ-же какъ въ томъ и другомъ невозможно признать цѣликомъ нормальнаго продукта стремленія къ правдивому эстетическому творчеству и къ обобщающему представленію, способствующему пониманію міра и энергической дѣятельности въ направленіи прогресса. Передъ каждымъ изъ разбираемыхъ сложныхъ продуктовъ творчества снова и снова въ умѣ изслѣдователя возникаетъ вопросъ: какіе именно элементы этого продукта принадлежатъ къ переживаніямъ доисторической дикости и какіе — къ нормальнымъ процессамъ эволюціи эстетической и философской мысли? Съ этой точки зрѣнія передъ историкомъ мысли совершенно законными являются изумлявшія и возмущавшія прежнихъ изслѣдователей сосуществованія въ миѳахъ классическаго міра элементовъ правдиваго художественнаго творчества или даже глубокой нравственной или философской мысли съ самыми грубыми элементами чувственности, жестокости, элементарной магіи и т. под. Подобное-же сосуществованіе встрѣчается намъ и въ символизмѣ мистерій и обрядовъ древне-греческой культуры, точно такъ-же какъ въ мрачныхъ миѳахъ Скандинавіи, тѣмъ болѣе въ продуктахъ творчества миѳовъ и церемоній въ болѣе древней культурѣ Египта и Халдеи. И опять то-же мы встрѣчаемъ въ народной литературѣ сказокъ и сагъ всѣхъ народовъ, въ миѳахъ древнѣйшаго христіанскаго богословія эпохи патристики, въ легендарной литературѣ, группирующейся въ Средніе Вѣка около Дѣвы Маріи и около святыхъ угодниковъ; даже въ поэмѣ Данте, гдѣ геніальная художественная мысль поэта не могла не черпать нѣкоторые элементы первобытной дикости изъ той почвы доисторическаго представленія о мірѣ, на которой выросъ весь комплексъ этого великаго созданія. Во всѣхъ этихъ продуктахъ мы на-

ходимъ—и едва-ли не должны находить—элементы переживания доисторическаго быта людей, точно также-какъ въ нихъ безспорны элементы позднѣйшихъ задачъ художественнаго и философскаго творчества, или уже вполнѣ опредѣленно-поставленныхъ, какъ особенность той или другой эпохи, или только обозначающихся въ своихъ зародышахъ, подготовляющихъ болѣе пышное развитіе еще позднѣйшаго времени.

Для иллюстраціи только что сказаннаго достаточно припомнить, что, рядомъ съ величественнымъ Зевсомъ Греціи, съ ея изящными Аполлонами Аѳинами и Афродитами существовали не только народные грубые фетиши тѣхъ же самыхъ боговъ и разсѣянныя народныя сказанія, на которыя въ послѣднее время достаточно указали миѳологи антропологи (A. Lang и др см „Оп" стр. 1280), но что доисторическая дикость обнаруживалась во многихъ миѳахъ, вошедшихъ въ литературную миѳологію тогдашней интеллигенціи таковы миѳы о сдираніи кожи съ Марсія, объ истребленіи семьи Ніобеи и другія проявленія неосмысленной жестокости въ эпопеѣ (на которыя указано выше стр 50) и въ миѳахъ борьбы династій боговъ Въ Эддѣ новѣйшіе изслѣдователи видятъ или угадываютъ вліяніе мотивовъ универсалистическихъ религій, а представленіе о „сумеркахъ боговъ" можно признать представленіемъ довольно выработанной философіи, однако рядомъ съ этими высшими элементами мысли, въ грубыхъ подвигахъ и плутовствахъ Тора, Одина и другихъ боговъ легко замѣтить переживаніе фантазіи доисторическихъ дикарей Въ Халдеѣ, рядомъ съ гимнами и молитвами, указывающими на довольно высокую работу мысли, мы встрѣчаемъ, какъ особенности, приписываемыя Истаръ „владычицѣ людей, создательницѣ всего . . къ могуществу которой не приближается могущество ни одного бога", — и прозваніе „пожирающей мясо и пьющей кровь" или даже вполнѣ опредѣленно „ты пьешь насыщающую человѣческую кровь", совершенно такъ же какъ у индусовъ жило (или даже живетъ) преданіе о „вражебныхъ существахъ съ открытою пастью, ищущихъ человѣческаго мяса", подобно тому какъ въ Полинезіи встрѣчаемъ фетишей съ открытою пастью, иногда снабженною зубами акулы, для обозначенія такихъ же стремленій, или-же какъ многочисленные огры, упыри и т. под народныхъ сказокъ Изида, представленная Апулеемъ какъ метафизическій и нравственный идеалъ, была, какъ мы видѣли выше (стр 123), преимущественно волшебницей Почти каждый миѳъ древней Греціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ представляетъ комбинацію нѣсколькихъ миѳологическихъ мотивовъ, болѣе или менѣе удачно сплотившихся въ эстетическое цѣлое Такъ недавнее тщательное изслѣдованіе миѳа Персея обнаружило въ немъ довольно-разнообразные элементы, это, во первыхъ, весьма раннее представленіе о чудесномъ рожденіи личности, индивидуализированной древнѣйшимъ сказаніемъ, это, во вторыхъ, вѣрованіе въ амулеты, мистически связанные съ жизнью подобныхъ личностей; это, въ третьихъ, еще болѣе древнее вѣрованіе въ опасность „сглаза". Всѣ эти элементы наблюдаются почти во всѣхъ странахъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ, въ четвертыхъ, уже болѣе поздніе и болѣе ограниченные въ своемъ распространеніи мотивы борьбы богатыря съ чудовищемъ и спасеніе жертвы, обрѣченной на гибель въ силу болѣе древняго — и въ послѣдствіе исчезающаго — обычая отдавать людей на

съѣденіе богамъ-антропофагамъ Каждый изъ этихъ элементовъ вошелъ самостоятельно въ многочисленные иные мифы въ подобной же или въ какой-либо совершенно другой комбинаціи

Въ области творчества христіанской мысли историкъ этой мысли можетъ констатировать характеристическое противуположеніе, которое въ самый первый періодъ христіанства выработалось между двумя совершенно различными по своему происхожденію элементами ученія церкви. съ одной стороны были, чуждыя всякаго побужденія къ развитію, переживанія элементовъ анимизма и колдовства во всей сверхъестественной долѣ разсказовъ о воплощеніи Христа и его земной жизни, о его второмъ пришествіи, о его борьбѣ съ діаволомъ и тому подобное. съ другой — типъ учителя любви и обязанности положить „душу за братьевъ", не имѣющій ничего общаго съ только-что упомянутымъ преемникомъ древнихъ доисторическихъ шамановъ и героевъ, рождавшихся чудеснымъ образомъ отъ дѣвъ, совершавшихъ чудесные, но грубые подвиги, и чуждыхъ всякихъ нравственныхъ побужденій. Этотъ типъ нравственнаго учителя возникъ какъ продуктъ работы мысли эстетической и философской, развиваясь въ направленіи реальной жизни интеллектуальной и аффективной, не нуждаясь ни въ чемъ сверхъестественномъ, и заключалъ въ себѣ многіе жизненные элементы позднѣйшаго развитія пониманія и волевыхъ побужденій, хотя, рядомъ съ ними, стояли и деморализующіе элементы непротивленія злу. Въ этомъ развитіи онъ мало по малу потерялъ всякую связь съ элементами переживанія сверхъестественныхъ представленій, пока не вызвалъ задачу о научной нравственности Съ тѣмъ вмѣстѣ, логическое развитіе типа Христа, какъ евангельскаго учителя, сдѣлалось, подъ вліяніемъ движенія впередъ человѣческой мысли, главнымъ разрушителемъ христіанства какъ религіи, съ ея догматами и мифами, коренившимися въ вѣрованіяхъ доисторическаго періода (Ср. „Опытъ исторіи мысли" 1467 и слѣд.). Легендарная литература Среднихъ Вѣковъ въ своихъ отрасляхъ, имѣвшихъ наиболѣе жизненныхъ элементовъ, носила на себѣ характеръ того-же типа, но не могла отдѣлаться и отъ массы эпизодовъ сверхъестественнаго характера, которые представляютъ поразительное подобіе съ разсказами доисторическихъ дикарей Въ эпизодахъ формы мученій грѣшниковъ въ „Адѣ" Данте, въ символизмѣ образовъ, вызванныхъ поэтомъ, точно также какъ въ его цѣломъ построеніи, рядомъ съ продуктами могучаго эстетическаго творчества, не трудно указать переживанія представленій дикаря о матеріальности души, о повтореніи въ загробномъ мірѣ событій жизни земной, о могуществѣ магическаго обряда и колдуновъ и тому под Въ позднѣйшей духовной поэзіи и въ продуктахъ искуства, гдѣ художникъ пытался перенестись фантазіей въ міръ легендъ, рѣдкій поэтъ или художникъ избѣжалъ смѣшенія доисторическихъ переживаній съ жизненными элементами развитія философскаго или нравственнаго.

ГЛАВА XVI

ПЕРЕЖИВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЛОСОФІИ И НАУКИ.

—

Зародышное развитіе этихъ областей — Непреднамѣренный ростъ знаній и переживанія въ типахъ ученыхъ —(Примѣры).
Роль аналогіи.—(Примѣры)
Знахарство въ позднѣйшее время
Анимистическое мірозерцаніе и его позднѣшія переживанія. — Раннее появленіе нѣкоторыхъ метафизическихъ вопросовъ. — (Первобытный фатализмъ и пессимизмъ).

—

Можно было-бы подумать, съ перваго взгляда, что нечего даже упоминать о переживаніяхъ въ области философіи и науки, восходящихъ къ доисторическому періоду, такъ какъ и та и другая суть собственно продукты мысли историческихъ періодовъ. Однако никакой продуктъ мысли и жизни не является сразу въ своемъ опредѣленномъ, болѣе или менѣе зрѣломъ, состояніи. Онъ, прежде того, проходитъ чрезъ фазисы зародышнаго развитія и подготовленія. Эти фазисы, точно такъ-же какъ фазисы зрѣлости, могли переживать и дѣйствительно переживали въ позднѣйшее время. Это имѣло мѣсто и для зародышныхъ и подготовительныхъ фазисовъ мысли философской и научной, въ томъ видѣ, въ какомъ мы наблюдаемъ эти фазисы въ доисторическое время.

Тогда *наука* была еще невозможна, однако фактически накоплялись *знанія* и случайно, и на почвѣ элементарной техники, и въ процессѣ размышленія дикаря надъ лучшимъ совершеніемъ религіознаго обряда, надъ вѣрнѣйшимъ пред-

ставленіемъ объ общеніи людей и боговъ, иногда уже подъ вліяніемъ непосредственнаго любопытства, вызваннаго явленіями, собственно чуждыми всякихъ непосредственныхъ интересовъ особи. И подобное накопленіе знаній, непреднамѣренное, вовсе не критическое, или очень мало критическое, продолжало происходить во всѣхъ историческихъ общежитіяхъ среди дикарей высшей культуры, въ то самое время, когда передовая интеллигенція ставила себѣ опредѣленные вопросы знанія и пониманія, пыталась рѣшить ихъ рядомъ разсчитанныхъ наблюденій и опытовъ, рядомъ критически-взвѣшенныхъ наведеній и выводовъ. Чѣмъ культура становилась сложнѣе, тѣмъ чаще, по необходимости, всякому представлялись случаи непреднамѣренно расширить область знанія. Чѣмъ болѣе ослабѣвалъ въ религіозной жизни общества религіозный аффектъ, давая мѣсто преимущественной заботѣ объ общественномъ союзѣ (въ эпоху обособленныхъ національностей), о нравственныхъ задачахъ (въ эпоху универсалистическихъ религій) и о критическомъ пониманіи міра и жизни (въ эпоху ростущаго невѣрія), тѣмъ неизбѣжнѣе именно размышленіе о религіозныхъ вопросахъ перерождалось въ научные вопросы о логическихъ пріемахъ достовѣрности, о возможномъ, вѣроятномъ и невозможномъ, о сравнительной ясности или противурѣчивости представленій и понятій и т. под. Чѣмъ шире школьное образованіе и потребности культуры вводили въ обиходную мысль культурнаго человѣка результаты науки (хотя еще и не научные пріемы мысли), тѣмъ чаще задачи техники становились почвою для возбужденія вопросовъ *пониманія* рядомъ съ вопросами *умѣнья*, и развивающаяся интеллигенція этимъ путемъ подготовляла прогрессъ науки, точно такъ-же какъ она это дѣлала изъ-за мотивовъ непосредственнаго любопытства къ установленію реальнаго факта, точнаго закона явленій, вѣроятнѣйшей гипотезы. Всѣ эти пріемы мысли, которые у доисторическаго дикаря приходится отмѣтить какъ зародыши будущей науки, для него еще невозможной, и какъ ея подготовленіе, можно наблюдать у большинства людей и во всѣ періоды исторіи, или какъ жизненный элементъ мысли данной эпохи, или какъ переживаніе, иногда даже удержавшее характеристику всякаго переживанія: вредное вліяніе на нормальный процессъ мысли, возможный для данной эпохи.

Какъ примѣры намѣченнаго въ текстѣ можно указать слѣдующія явленія на двухъ только что упомянутыхъ путяхъ подготовленія науки.

Такъ какъ размышленіе надъ религіозными вопросами было однимъ

изъ путей, приводившихъ къ постановкѣ научныхъ вопросовъ, какъ въ области познанія природы такъ и въ области нравственности, то устанавливалась иногда въ умахъ дикарей высшей культуры иллюзія, что религія есть источникъ всякаго пониманія и всякой нравственной жизни, тогда какъ двигателемъ здѣсь *всегда* оказываются не элементы религіознаго аффекта и не заботы объ общеніи съ фантастическимъ міромъ, а именно тѣ элементы *чуждые религіозной мысли*, которые входили (какъ указано выше стр. 83 и слѣд.) въ сложный комплексъ, сохранившій въ своемъ цѣломъ названіе религіи. На основаніи только что упомянутой иллюзіи происходила въ массѣ дикарей высшей культуры борьба противъ научныхъ методовъ въ пользу методовъ некритическихъ, какъ вполнѣ достаточныхъ, развивалась современная намъ проповѣдь „банкротства науки" и т. под.

На пути постановки научныхъ вопросовъ на почвѣ техники вырабатывалось другое вредное направленіе. При школьномъ усвоеніи результатовъ науки (внѣ ихъ пониманія) культурные дикари не разъ останавливались на представленіи, что важны для комфорта жизни, для успѣховъ индустріи и вообще для возвышенія культуры именно эти результаты и ихъ приложенія, а вовсе не усвоеніе ихъ научнаго смысла и тѣхъ основныхъ законовъ, которые лежатъ въ основѣ всякой техники, что важно *умѣнье* а не *пониманіе*. Отсюда противуположеніе умѣнья пониманію, недоброжелательное отношеніе къ послѣднему какъ къ потерѣ времени, извращеніе педагогическихъ пріемовъ, преобладаніе профессіональнаго обученія надъ развивающимъ и т. под. Это вредное переживаніе той эпохи, когда *только* умѣніе и было доступно человѣку, гораздо болѣе распространено въ наше время борьбы за существованіе и за барышъ, чѣмъ можно бы этого ожидать.

Точно такъ-же для доисторическаго человѣка были недоступны научные методы мышленія вообще, однако уже въ этотъ періодъ онъ и въ жизненномъ обиходѣ, и въ обыденной техникѣ, и въ техникѣ религіозной, и въ выработкѣ и въ разработкѣ религіозныхъ представленій, употреблялъ одинъ изъ методовъ мышленія, остающійся до сихъ поръ весьма обычнымъ и для самаго дюжиннаго ума, и для исключительныхъ представителей мысли не только эстетической и философской, но и научной. Это — методъ мышленія по *аналогіи*. Она наводила и продолжаетъ наводить техника-изобрѣтателя — иногда весьма поверхностно знакомаго съ научными истинами — на открытія, иногда замѣчательно удачныя, точно такъ-же, какъ она служила доисторическому дикарю во всѣхъ областяхъ его техники. Она вызываетъ чарующія патетическія сближенія въ произведеніяхъ искуства, точно такъ-же какъ ложилась у дикаря въ основу натуризма, оживлявшаго для него весь міръ человѣческими чувствами и наклонностями (см. выше главу XII). Она даетъ первый толчекъ процессу мысли геніальнаго ученаго, когда падающее яблоко или качающійся маятникъ (въ дѣйствительности или въ легендѣ) становятся точкою исхода ряда умствен-

ныхъ заключеній, въ концѣ которыхъ лежатъ великіе законы динамики и всемірнаго тяготѣнія. Она представляетъ чуть-ли не самаго сильнаго пособника объединяющей мысли философа, сближающаго въ одно міросозерцаніе процессы мертвой природы и явленія сознанія, жизнь организма біологическаго и соціологическаго, требованіе логической и нравственной правды, обязательность яснаго пониманія, послѣдовательной жизни и жизни по убѣжденію. Такимъ образомъ мышленіе по аналогіи можетъ быть признано въ очень многихъ случаяхъ и сферахъ жизненнымъ элементомъ работы мысли, несмотря на то, что оно восходитъ къ доисторическому времени. Однако и тутъ его происхожденіе обусловливаетъ фактъ, что мышленіе по аналогіи можетъ являться въ исторіи мысли и какъ вредное переживаніе, а иногда и дѣйствительно являлось таковымъ. Это было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда, рядомъ съ нимъ, было возможно уже, на основаніи выработки научныхъ пріемовъ мысли въ данное время, приложеніе другихъ, болѣе точныхъ методовъ мышленія. Тогда мышленіе по аналогіи становилось уже не жизненнымъ элементомъ мысли, а переживаніемъ, задерживающимъ правильный процессъ ея эволюціи.

Таково было представленіе о всеобщихъ симпатіяхъ въ природѣ, въ связи съ магическимъ дѣйствіемъ на нее, въ томъ видѣ, какъ это представленіе прилагалось къ вопросамъ о пониманіи міра и формулировалось въ философскихъ воззрѣніяхъ эпохи Возрожденія у Агриппы нетесгеимскаго, у Парацельса и т д, когда болѣе-точные пріемы мышленія въ наукѣ оказались уже возможными. Еще положительнѣе можно отнести къ переживаніямъ этого рода натур философію школы Шеллинга и Окена въ эпоху самаго могучаго развитія эмпирическаго естествознанія. Таково въ достаточной мѣрѣ и современное сближеніе у Герберта Спенсера у Шэфле, у Лилиенфельда и у нѣкоторыхъ другихъ между организмами біологическимъ и соціальнымъ и т под. — Натянутыя аналогіи въ искуствѣ не разъ переходили въ положительное безобразіе Столь-же натянутыя гипотезы въ спеціальныхъ наукахъ, не опирающіяся ни на что иное, какъ на отдаленныя аналогіи, тоже не особенно рѣдки. — Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ приложеніе мышленія по аналогіи, когда возможенъ болѣе точный пріемъ, являлось и является прямою задержкою нормальной эволюціи мысли, тѣмъ болѣе, что подобныя метафизическія, эстетико-символическія и псевдо-научныя аналогіи становятся иногда модными

Но переживанія, о которыхъ мы говорили, не ограничивались этими довольно общими случаями перенесенія въ пріемы мысли историческаго времени процессовъ и пріемовъ мысли доисторической при ея процессѣ подготовленія науки и философіи. Можно подмѣтить и нѣкоторыя болѣе частныя явленія подобнаго-же рода. Таково не особенно

рѣдкое перенесеніе въ область позднѣйшаго знанія (преимущественно эмпирическаго) представленій, почти всецѣло принадлежащихъ, собственно, къ міросозерцанію анимизма или вѣры въ амулеты. Это особенно часто встрѣчалось и встрѣчается въ области лѣченія, гдѣ знахарь до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать рядомъ съ патентованнымъ медикомъ; самъ медикъ иногда не прочь обратиться къ пособію позднѣйшей формы заклинанія — къ молитвѣ, и къ преемнику старинаго колдуна — священнику, а свѣчи, поставленныя предъ иконами, предполагаются дѣйствующими столь-же терапевтически какъ и лѣкарства. Такъ случается, что не только насынки цивилизаціи, но иногда и люди, которымъ доступны продукты раціональной мысли, относятся къ ученому и къ мыслителю какъ къ колдуну, который одаренъ сверхъестественными силами, сверхъестественнымъ знаніемъ и противъ котораго имѣютъ основаніе возмущаться, если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ останавливается на „критическомъ незнаніи“. Это перенесеніе представленія о колдунѣ на античнаго мудреца, встрѣчающееся не разъ въ прежніе историческіе періоды, далеко не исчезло и въ наше время по отношенію къ ученымъ. Обращеніе къ нимъ съ вопросами о будущемъ (начиная съ предсказанія погоды до опредѣленной картины будущаго общества) есть довольно обыкновенное явленіе.

Доисторическій человѣкъ, въ высшихъ фазисахъ своей эволюціи, выработалъ на почвѣ анимизма и шаманизма общее міросозерцаніе, которое представляетъ въ достаточной степени цѣлость и единство, подготовляя въ этомъ отношеніи систематическія философскія попытки позднѣйшаго времени. Это анимистическое міросозерцаніе въ весьма значительной долѣ своихъ объединяющихъ пріемовъ и вспомогательныхъ гипотезъ, вошло въ позднѣйшія философскія построенія уже неизбѣжно какъ переживаніе, такъ какъ оно, по времени своего происхожденія, не заключало въ себѣ ни элемента критики, ни элемента универсализма, слѣдовательно ни одного изъ мотивовъ раціональнаго нравственнаго убѣжденія. Поэтому, входя въ позднѣйшія міросозерцанія (какъ представленіе о болѣе выработанномъ загробномъ мірѣ, о болѣе развитыхъ личностяхъ боговъ, о болѣе цѣлесообразныхъ чудесахъ и т. под.), оно неизбѣжно вносило въ нихъ противурѣчія и противудѣйствовало успѣхамъ логическаго мышленія. Это явленіе, менѣе замѣтное въ объединенныхъ міросозерцаніяхъ обособленныхъ національностей (такъ

какъ здѣсь очень недостаточно употреблялись пріемы критической мысли), особенно рѣзко выступило въ богословскихъ системахъ универсалистическихъ религій. Эти системы поставили передъ человѣкомъ дилемму: надо выбрать одинъ изъ двухъ путей; или надо охранить въ себѣ унаслѣдованное анимистическое міросозерцаніе съ его духами, колдунами и чудесами, доводя до минимума нравственный элементъ универсализма; или надо дать преобладающее значеніе послѣднему, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, перейти отъ цивилизаціи на почвѣ религіи къ цивилизаціи свѣтской Новыя мистическія попытки спиритистовъ, нео-буддистовъ и тому под. стоятъ передъ тою-же дилеммою.

Наконецъ, можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ указать, что позднѣйшія философскія затрудненія въ области догматовъ, вызывавшія ожесточенные споры и, съ перваго взгляда, не имѣвшія даже логической возможности возникнуть внѣ универсалистическихъ міросозерцаній, имѣли себѣ естественныхъ предшественниковъ въ мысли доисторическихъ дикарей Таковы пресловутыя препирательства богослововъ первыхъ вѣковъ христіанства о трудностяхъ, представляемыхъ сосуществованіемъ въ христіанскомъ богочеловѣкѣ двухъ естествъ, двухъ волъ и т. под Но уже нѣкоторымъ дикарямъ и полудикарямъ приходилось бороться съ совершенно подобными затрудненіями. Именно передъ ними ихъ анимистическое міросозерцаніе ставило слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ духъ вселяется въ тѣло шамана-человѣка, одаренное уже душою? Происходитъ-ли при этомъ комбинація этого духа съ человѣческою душою? или не вытѣсняетъ-ли онъ ее временно, такъ какъ ея недостатки могутъ мѣшать правильному дѣйствію высшаго существа, обнаруживающаго свою дѣятельность въ томъ-же самомъ тѣлѣ? Для анимистовъ, съ ихъ ребяческою философіею, затрудненіе встрѣчалось въ этомъ случаѣ очень сходное съ тѣмъ, которое имѣли предъ собою только-что упомянутые богословы, а потому бурныя пренія соборовъ, обширную богословскую литературу, возникшую на этой почвѣ, едва-ли не приходится разсматривать какъ переживаніе первыхъ попытокъ дикаря пофилософствовать надъ неразрѣшимыми противурѣчіями его фантастическихъ вѣрованій. Въ настоящее время даже вѣрующіе историки принуждены, большею частью, согласиться, что споры этого рода оказывались въ IV и V вѣкахъ нашей эры лишь помѣхою тому началу универсализма, которое было выставлено церковью, и тому идеалу брат-

ства и самоотверженія, который, независимо отъ всѣхъ сверхестественныхъ вѣрованій, вырабатывался въ литературномъ типѣ Христа; слѣдовательно возвращеніе богословской интеллигенціи первыхъ вѣковъ христіанства къ этому вопросу философіи дикарей трудно не отнести къ вреднымъ переживаніямъ для эпохи, когда критическая мысль имѣла уже случаи проявить свои требованія въ другихъ областяхъ.

Въ послѣднее время Фиркандъ (Vierkandt) высказалъ мысль, что слѣдуетъ разсматривать какъ переживанія доисторическаго періода философскія теченія фатализма и пессимизма, встрѣчающіеся какъ довольно-обычныя явленія въ историческія эпохи, а, въ настоящее время, представляющія характеристическія черты въ области философской мысли, первый — какъ одна изъ формъ научно-философскаго убѣжденія въ натуралистическомъ детерминизмѣ, второй — какъ неизбѣжная умственная эпидемія эпохи —Огромная роль представленія о „судьбѣ“, о „рокѣ“, о „долѣ“ въ работѣ мысли какъ доисторическихъ народовъ, такъ и древнѣйшихъ историческихъ націй была скорѣе личнымъ и коллективнымъ настроеніемъ, чѣмъ элементомъ сколько нибудь цѣльнаго міросозерцанія; не имѣла прямой связи съ дѣйствительно-объединеннымъ міросозерцаніемъ анимизма и фетишизма, а скорѣе постоянно сталкивалась со столь-же обыденнымъ представленіемъ о колдунѣ, способномъ дать событію то или другое теченіе, тогда какъ „судьба“ предполагаетъ это событіе неотмѣнимымъ Въ эволюціи мысли фатализмъ и позднѣйшій философскій детерминизмъ росли и устанавливались въ прямомъ противуположеніи съ элементомъ чудеснаго вмѣшательства колдуна человѣка или колдуна бога въ ходъ событій. Вполнѣ опредѣленный фатализмъ связанный логически съ представленіемъ о всемогущихъ и всезнающихъ божествахъ и исключающій всякое измѣненіе этого хода, едва-ли могъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ довольно-позднимъ явленіемъ — Точно такъ-же пессимизмъ, какъ убѣжденіе въ невозможности лучшаго и въ неизбѣжности зла и страданій, предполагаетъ, повидимому, сложную работу мысли, едва ли доступную доисторическому дикарю, если мы не желаемъ внести въ смыслъ термина „пессимизмъ“ крайнюю смутность, не говоря уже о томъ, что современная эпидемія пессимизма, выросшая на почвѣ политическихъ разочарованій, грозныхъ условій классовой борьбы, клерикальной реакціи при неизбѣжномъ распространеніи невѣрія и современной рациональной попытки понять ходъ исторіи независимо отъ субъективныхъ стремленій и желаній—предполагаетъ всю прошлую эволюцію философской или ученой мысли, слѣдовательно едва-ли заключаетъ въ себѣ какой-либо элементъ изъ тѣхъ, которые были присущи мысли доисторическаго дикаря.

ГЛАВА XVII

БОРЬБА МЫСЛИ ИСТОРИЧЕСКАГО ВРЕМЕНИ СЪ ДОИСТОРИЧЕСКИМИ ПЕРЕЖИВАНІЯМИ.

—

Интеллигенція древнѣйшихъ періодовъ и переживанія. — Пособники интеллигенціи — Борьба обычая и моды. — Дифференцированіе общественныхъ группъ. — Первые симптомы исторической жизни — Переходныя эпохи и новыя культуры. — Борьба партій — Борьба интересовъ. — Группа сторонниковъ критической мысли и нравственныхъ задачъ — Ея ошибки и неудачи — Начало новаго періода жизни человѣчества

—

Въ предшествующихъ главахъ было показано, какъ многочисленны и разнообразны были и остались переживанія доисторическаго времени въ историческія эпохи, и какъ, рядомъ съ жизненными элементами, способствовавшими исторической эволюціи народовъ, эти переживанія оказывались большею частью опаснымъ препятствіемъ этой эволюціи. Историческая интеллигенція, усвоившая наслажденіе развитіемъ и потребность его, пользовалась, конечно, всѣми жизненными элементами для упроченія и для расширенія своего вліянія; однако сознательная работа мысли этой интеллигенціи въ направленіи развитія рисковала оказаться слишкомъ слабымъ орудіемъ борьбы за историческое будущее, вслѣдствіе многихъ препятствій, встрѣчавшихся на этомъ пути; работу интеллигенціи парализовала и сравнительная малочисленность этой интеллигенціи во всѣ періоды исторіи, и могущество обычая въ большинствѣ населенія, и лѣнь мысли, унаслѣдованная этимъ большинствомъ, и другія, подобныя-же препятствія, на которыя только что было указано Но въ этой борьбѣ за будущее интеллигенція нашла себѣ пособниковъ и въ осо-

бяхъ, вполнѣ подвластныхъ безсознательному процессу жизни по обычаю. Эти пособники дѣйствовали не изъ за потребности развитія, доступной лишь интеллигенціи, но изъ разнообразныхъ побужденій, возникавшихъ въ средѣ общества помимо указанной потребности. Таковы были сперва нѣкоторыя естественныя побужденія, которыя мы замѣчаемъ и у дикарей; затѣмъ такимъ мотивомъ были низшіе интересы, въ то время, когда интеллигенція ставила передъ своими современниками уже представленія объ интересахъ все болѣе высшихъ; еще позже возникали въ большинствѣ коллективныя побужденія фантастическія, когда интеллигенція все лучше и все опредѣленнѣе уясняла себѣ и обществу реальныя задачи въ области развивающихъ идей и общечеловѣческой солидарности На всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ фазисахъ побужденія интеллигенціи значительно отличались отъ мотивовъ дѣятельности общественныхъ группъ, оставшихся внѣ исторіи; тѣмъ не менѣе результаты тѣхъ и другихъ могли иногда совпадать и дѣйствительно совпадали. Въ подобныхъ случаяхъ — болѣе частыхъ, чѣмъ это можно было-бы ожидать — интеллигенція встрѣчала безсознательныхъ пособниковъ какъ своей выработкѣ при переходѣ доисторическаго общества къ исторической жизни, такъ и своему позднѣйшему вліянію на общество при своей борьбѣ съ неисчислимыми препятствіями. Именно это обусловило рядъ явленій, которыя, въ своей совокупности, представляютъ знаменательную картину борьбы исторической мысли съ переживаніями доисторическаго времени

Непостоянство мысли дикаря всѣхъ культуръ являлось уже въ самой средѣ царства обычая разъѣдающимъ началомъ для послѣдняго. Особи, чувствовавшія удовольствіе отъ случайной новизны, безсознательно становились противниками обычая. Измѣнчивая мода вызывала среди дикарей всѣхъ культуръ во всѣ періоды такое-же безусловное подчиненіе, какъ и неизмѣнный обычай. Между автоматами обычая и ребяческими слугами модъ не могло во многихъ случаяхъ не обнаружиться противудѣйствіе. Какъ только это противудѣйствіе здѣсь или тамъ дошло до того, что въ общихъ привычкахъ мысли стали побѣждать сторонники безсмысленной смѣны модъ надъ столь-же безсмысленными рабами обычая, тутъ оказались шансы для новаго измѣненія. Среди низшихъ племенъ, сосѣди, выработавшіе высшую культуру, или колонизаторы болѣе дальнихъ цивилизованныхъ племенъ приносили дикарямъ, у которыхъ господствовала смѣна

модъ, новыя моды, на столько внушительныя, что старый обычай былъ окончательно подорванъ ими Оказалась почва для новой работы мысли. Болѣе или менѣе ясное наслажденіе развитіемъ сдѣлалось осуществимымъ для вчерашнихъ дикарей. Для племенъ нѣсколько высшихъ по способностямъ измѣнчивость модъ оказалась сильнѣе и безъ посредства чужихъ, и для нихъ *возможность* исторической жизни появилась самостоятельно.

Первымъ шагомъ на этомъ пути была, у однихъ особей, усилившаяся склонность къ подражанію и заимствованію, и преобладаніе, у другихъ, удовольствія отъ новизны надъ удовольствіемъ отъ неизмѣнности формъ жизни и пріемовъ мысли Тѣ особи, которыя стремятся наслаждаться новизною вообще, мало по малу вырабатываютъ въ себѣ новыя побужденія Это, во первыхъ, склонность ставить эту новизну передъ собою и передъ другими какъ нѣчто лучшее, нѣчто высшее — слѣдовательно элементарное побужденіе къ развитію. Это, во вторыхъ, у особей, въ которыхъ наилучше подготовлялся будущій индивидуализмъ, стремленіе сдѣлаться иниціаторами въ обществѣ распространяющейся новизны, внушительными личностями, требующими подражанія въ области модъ. Но въ то-же самое время, для этого самаго иниціаторства однихъ особей въ области модъ, вырабатывается очень удобный матеріалъ въ тѣхъ группахъ, которыя развиваютъ въ себѣ преимущественно подражательность и перенимчивость въ области привлекательной новизны. Такимъ образомъ въ обществѣ происходитъ нѣсколько дифференціаціи Рядомъ съ большинствомъ, остающимся подъ безусловнымъ гнетомъ обычая и случайно возникающихъ модъ, изъ этого большинства выдѣляются иниціаторы модъ — почти исключительно безсмысленныхъ и пріятныхъ только своею новизной—и ихъ подражатели на почвѣ склонности къ новизнѣ. Зародышъ интеллигенціи, стремящейся къ лучшему — болѣе или менѣе ясно представляемому — выдѣляется въ группы особей, способныхъ сдѣлаться иниціаторами модъ и дѣйствовать внушеніемъ на другихъ въ направленіи господствующей новизны. Зародышъ группъ пособниковъ интеллигенціи, подчиняющихся ея иниціативѣ, присутствуетъ въ средѣ людей, склонныхъ подлаваться чужому внушенію въ поддержкѣ новизны Въ послѣдующіе періоды эволюціи большинство этихъ группъ обнаруживаетъ наклонность войти въ массу дикарей высшей культуры, противъ которыхъ становится неизбѣжною—позже и обязательною—борьба меньшин-

ства, вырабатывающагося въ историческую интеллигенцію. Но на низшей ступени, подготовляющей историческую жизнь, именно въ только-что упомянутой дифференцирующейся средѣ, совершалось это подготовленіе. На почвѣ борьбы за новизну вообще или за старую культурную форму вырабатывается борьба за новизну *лучшую*, борьба за начало развитія. Иниціаторы безсмысленныхъ модъ становятся въ нѣкоторой долѣ иниціаторами потребности развитія. Тамъ, гдѣ обстоятельства этому способствуютъ, начинается историческая жизнь. Прежде чѣмъ она началась, первымъ симптомомъ, обнаруживающимъ присутствіе теченія въ этомъ направленіи, оказывается непреднамѣренная смѣна культуръ: коллективность доисторическихъ дикарей, подъ вліяніемъ иниціаторовъ новизны и ихъ сторонниковъ, переходитъ отъ одной культурной формы къ другой, но потребность развитія еще не обнаружилась. Интеллигенція еще не выработалась. Доисторическій періодъ продолжается въ новыхъ формахъ культуры.

Однако и въ тѣхъ случаяхъ — гораздо болѣе рѣдкихъ — когда потребность въ развитіи выработалась въ меньшинствѣ, когда историческая интеллигенція появилась и начала дѣйствовать внушительно на окружающую среду, старыя привычки мысли и жизни вызываютъ препятствія продолженію и усиленію историческаго процесса. Потребность развитія комбинируется съ традиціею неосмысленнаго стремленія къ новизнѣ именно въ той характеристической особенности, что эта потребность развитія и для иниціаторовъ, и тѣмъ болѣе для ихъ пособниковъ, представляется въ формѣ стремленія создать новый обычай, новую культуру, на которой не только можно, но и слѣдуетъ остановиться, такъ какъ дальше этой замѣны наличной культуры другою — въ этомъ случаѣ „*лучшею*“ — никто ничего представить себѣ не можетъ. И вотъ чрезъ всю исторію до нашего времени, въ большинствѣ интеллигенціи, доступномъ представленію о *лучшемъ*, это стремленіе къ лучшему обнаруживается ни въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи къ господству новаго обычая. Начинается и продолжается смѣна двухъ послѣдовательныхъ направленій исторической жизни. Недостатки наличной культуры вызываютъ *переходную эпоху* борьбы противъ нея; въ случаѣ успѣха этой борьбы неизбѣжно слѣдуетъ за тѣмъ эпоха попытки создать новую культуру; историческая жизнь не можетъ остановиться на такой борьбѣ, которая устранила-бы всякое представленіе о чемъ-то

прочномъ, составляющемъ цѣль этой борьбы; о чемъ-то, сохраняющемъ характеристическія черты обычая; не можетъ остановиться и на новой выработавшейся формѣ культуры, недостатки которой рано или поздно обнаруживаются, вызывая новую переходную эпоху. Одна часть интеллигенціи выступаетъ подъ знаменемъ *консервативнаго* начала охраненія только что созданныхъ общественныхъ формъ и пріемовъ мысли; другая выставляетъ *прогрессивное* требованіе дальнѣйшихъ реформъ въ области наличныхъ формъ и идей, иногда въ борьбѣ принимаетъ участіе еще и третья, *реакціонная*, группа интеллигенціи, стремящаяся возвратиться къ старому, которое кажется ей лучшимъ по сравненію съ наличными явленіями въ области культуры и мысли. Въ средѣ интеллигенціи и ея сторонниковъ, точно такъ-же какъ въ средѣ дикарей высшей культуры, составляющей большинство населенія, начинается борьба подъ этими знаменами консерватизма, прогресса или реакціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ историческое теченіе становится сознательнѣе, оно дѣлается также быстрѣе и сложнѣе: переходныя эпохи и эпохи попытокъ создать новую культуру не только скорѣе слѣдуютъ одна за другою, но эти два историческихъ фазиса все болѣе смѣшиваются въ постановкѣ своихъ задачъ и въ пріемахъ ихъ осуществленія.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что борьба партій въ историческое время идетъ лишь по внѣшности подъ только что указанными идейными знаменами консерватизма, прогресса, или реакціи. Въ сущности, это, почти всегда, борьба интересовъ личныхъ и классовыхъ, борьба за экономическое господство и за средства эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, борьба за власть, доставляющую возможность этого господства и этой эксплуатаціи. Наибольшая часть интеллигенціи со своими сторонниками охвачена всецѣло этою борьбою, вызывающею въ особяхъ одно изъ самыхъ обычныхъ коллективныхъ нервныхъ возбужденій. Даже въ кодексы нравственныхъ ученій, вызываемыхъ работою критической мысли, входятъ элементы этой борьбы интересовъ: подъ рубрику добродѣтели подходитъ отстаиваніе интересовъ семьи и класса противъ интересовъ общества; отстаиваніе интересовъ націи или государства противъ интересовъ человѣчества; отстаиваніе интересовъ или даже удовольствій любимой личности противъ сознаннаго убѣжденія; отстаиваніе альтруистическаго аффекта противъ требованія яснаго пониманія правды въ мысли и въ жизни. А, рядомъ съ этими

типами псевдо добродѣтельныхъ интеллигентовъ, вырабатываются и типы сознательныхъ хищниковъ, прямо-наслаждающихся процессомъ борьбы, процессомъ подавленія, мученія, униженія и обезличенія другихъ людей.

Однако новое дифференцированіе совершается въ интеллигенціи, охваченной почти всецѣло этою борьбою и отрекшейся сознательно или безсознательно отъ стремленія къ объединенію человѣчества въ процессѣ его развитія. Въ эпоху расширенія и усиленія дѣятельности критической мысли, изъ интеллигенціи вообще выдѣляется небольшая группа личностей, для которыхъ критика выдвинула на первый планъ съ непоколебимою ясностью нравственныя требованія этого объединенія; по условіямъ своей натуры, онѣ не могутъ не быть служителями идеи, освѣщенной научнымъ пониманіемъ и нравственною дѣятельностью. Противъ нихъ и переживанія царства инертнаго обычая и смѣняющихся модъ, которому принадлежитъ большинство, состоящее изъ дикарей высшей культуры и изъ пасынковъ цивилизаціи Противъ нихъ и царство борющихся интересовъ, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе сознаваемыхъ большинствомъ интеллигенціи, чѣмъ эти интересы мельче и грубѣе. За нихъ лишь неудержимая сила расширяющагося пониманія, укрѣпляющейся воли, чары сознательнаго развитія и его проповѣди, нравственный аффектъ служенія идеѣ. За нихъ еще и то важное обстоятельство, что всѣ ихъ враги—рабы обычая и моды, точно такъ-же какъ борцы за низшіе интересы личные и классовые — все охотнѣе въ своей борьбѣ или надѣваютъ сознательно маску борьбы за нравственныя начала, или безсознательно развертываютъ для тѣхъ-же цѣлей знамена широкихъ идей. При этихъ условіяхъ дѣйствительные борцы за критическую мысль и за нравственную жизнь пытаются сдѣлаться иниціаторами идейныхъ теченій въ обществѣ въ направленіи развитія сознательныхъ процессовъ въ личностяхъ и установленія все болѣе широкой солидарности въ коллективностяхъ Они пытаются осуществить эту цѣль, сближая людей въ общихъ техническихъ предпріятіяхъ; въ формахъ общежитія, обезпечивающихъ и расширяющихъ соціальный прогрессъ; въ установленіи іерархіи жизненныхъ цѣлей, въ которой низшіе интересы личностей и группъ были-бы подчинены высшимъ въ универсалистическихъ вѣрованіяхъ; въ лучшемъ научномъ пониманіи отношенія человѣка къ природѣ, личности къ обществу; въ подвигѣ самоотверженія на общую пользу.

Инымъ изъ этихъ служителей идеи и удавалось сдѣлаться иниціаторами историческихъ идейныхъ теченій. Однако, въ прошедшемъ, эти борцы за идейные интересы большею частью сами вредили успѣху своего дѣла. Для нихъ торжество идеи представлялось всего чаще не въ формѣ іерархіи потребностей и интересовъ, гдѣ низшіе — но болѣе настоятельные—потребности и интересы были-бы подчинены высшимъ, но были-бы въ то-же время строго охранены и обезпечены, а въ формѣ аскетическаго отрицанія низшихъ потребностей и интересовъ. Возникающія подъ ихъ вліяніемъ идейныя теченія формулировались большею частью въ проповѣдь аскетизма, во имя фантастическихъ или метафизическихъ идей. Такъ какъ для большинства подобное отреченіе отъ низшихъ потребностей и отъ борьбы за низшіе интересы было психически немыслимо, то идейныя теченія этого рода, даже наиболѣе сильныя, оказывались, почти всѣ безъ исключенія, окончательно безуспѣшными. Именно на почвѣ этого аскетизма историческая эволюція въ смыслѣ расширяющагося развитія какъ сознательныхъ процессовъ, такъ и человѣческой солидарности, встрѣчала неодолимыя препятствія. Неудержимо возникала и продолжалась борьба личныхъ интересовъ и борьба классовая подъ знаменемъ того самаго фантастическаго или метафизическаго ученія, которое проповѣдывало братство людей и отреченіе отъ мірскихъ заботъ. Неудержимо идеализировались, рядомъ съ типами аскетовъ или героевъ нравственности, типы личностей, или прямо хищническихъ, или стремящихся къ идеаламъ самыхъ узкихъ добродѣтелей, отрицающихъ общечеловѣческую солидарность. Смѣнялись культуры; цивилизаціи представляли блестящіе успѣхи въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ; но онѣ все таки не могли отдѣлаться и не отдѣлывались отъ переживаній доисторическаго времени. Эти переживанія обнаруживались и въ постоянномъ присутствіи въ человѣчествѣ неисторическихъ народовъ, эксплуатируемыхъ пасынковъ цивилизаціи, безнадежно-мертвой среды дикарей высшей культуры. Они обнаруживались въ области эстетическаго и философскаго творчества, гдѣ переживалъ религіозный элементъ даже тогда, когда онъ уже потерялъ всякую жизненность. Они обнаруживались и въ самихъ продуктахъ критики научной и нравственной, которая, въ самомъ процессѣ своихъ великихъ завоеваній, вырабатывала здѣсь и тамъ и ученыхъ спеціалистовъ, индифферентныхъ къ вопросамъ жизни или готовыхъ служить общественнымъ экс-

плуататорамъ; и типы семьянъ, грабящихъ общество въ пользу жены и дѣтей; и шовинистовъ, гордыхъ своею ненавистью къ чужимъ національностямъ; и апологетовъ государственнаго богатства при обнищаніи и деморализаціи народовъ; и апологетовъ буквенной законности, чуждой нравственной правдѣ

Дозволительно, можетъ быть, допустить, что новый періодъ жизни человѣчества въ этомъ отношеніи начался съ выступленіемъ на историческую сцену современнаго научнаго соціализма. Онъ поставилъ предъ человѣчествомъ нравственный идеалъ общечеловѣческой солидарности, одновременно удовлетворяющей и низшимъ (экономическимъ и политическимъ) интересамъ всего трудящагося человѣчества, и интеллектуальному требованію интегральнаго обученія массъ, и нравственнымъ требованіямъ справедливаго общежитія, и, наконецъ, логической задачѣ научнаго доказательства, что процессъ исторической эволюціи неизбѣжно ведетъ отъ строя капиталистическаго къ строю соціалистическому. Лучше-понятая исторія обнаружила, что борьба интересовъ въ прошедшемъ заключалась, въ сущности, въ борьбѣ классовъ, которая неизбѣжно привела къ современной борьбѣ капитала и труда, и въ этомъ ея фазисѣ опредѣленно указала на возможность прекращенія этой борьбы интересовъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ раздѣленія классовъ. Но то-же самое лучшее пониманіе хода историческаго процесса приводитъ къ убѣжденію, что только-что указанная *возможность* способна обратиться въ *дѣйствительность* лишь путемъ энергической инициативы интеллигенціи, для которой то, что̀ *понято*, какъ *исторически-неизбѣжное*, обратилось, въ сферѣ актовъ *воли*, въ личный обязательный идеалъ, въ нравственное убѣжденіе, неумолимо требующее отъ развитого человѣка дѣйствій, борьбы и жертвъ. Лишь этотъ новый идеалъ съ его рациональными требованіями и это новое пониманіе исторіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ позволяетъ говорить о возможности для человѣчества окончательно отдѣлаться въ будущемъ отъ всѣхъ переживаній доисторическаго періода, сохранивъ съ ними связь лишь въ элементахъ личной и коллективной жизни, оставшихся съ тѣхъ поръ и до нашего времени жизненными.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка	напечатано	должно быть
1	24 сн.	радомъ	рядомъ
64	20 —	зубы	губы
69	3-4 св	достоинствомъ	достоинство
99	3 сн	все	всѣ
	2 —	онй	оно
	1 —	критическо	критическій
115	6 св.	Махамеды	Мохаммеды
125	4 сн	индустріи	индустрію

Къ стр 133 (петитъ).

Какъ самоновѣйшій примѣръ указанію въ текстѣ отношенія къ христіанскимъ святынямъ, приведемъ едва-вѣроятное извѣстіе, сообщаемое въ мартѣ 1898 г серьезною прессою изъ записокъ Смитсоніанскаго Института, будто въ республикѣ Санъ Сальвадорѣ, въ „недавнее" время, послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ молебствій о прекращеніи засухи, мѣстное начальство издало прокламацію, въ силу которой, если бездождіе продолжится еще 8 дней, то никто не будетъ обязанъ посѣщать церковное богослуженіе; если то же будетъ имѣть мѣсто послѣ дальнѣйшихъ 8 дней, то церкви будутъ разрушены а предметы богослуженія уничтожены; выждавъ, наконецъ, еще 8 дней, рѣшено казнить (exécuter) монаховъ и монахинь и не обязывать никого исполнять какія-либо заповѣди божія или церковныя.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

Группы Старыхъ Народовольцевъ

(4, Chemin de la Tour. Genève)

имѣются въ продажѣ

Вѣстникъ Народной Воли №№ 2, 3, 4, 5 —Цѣна 5 ф книжка

На Родинѣ № 3 —Цѣна 1 ф за номеръ

„Колоколъ" (Избранныя статьи А. И. Герцена 1857—1869) —7 ф.

П. Л Лавровъ· Опытъ исторіи мысли новаго времени —15 ф за двѣ ч.

Отдѣльные выпуски 5, 6, 7, 8, 9, 10 —2 ф за выпускъ.

Письмо къ товарищамъ (по поводу ренегатства Тихомирова) —50 с

Историческія Письма (2-е изд съ портретомъ автора) —1 ф

Иванъ Серпѣевскій· Голодъ въ Россіи, со введеніемъ и послѣсловіемъ П. Лаврова —Цѣна 50 с.

По поводу недавнихъ прокламацій —Цѣна 25 с

К Тарасовъ На рубежѣ двухъ царствованій.—Цѣна 50 с

Матеріалы для Исторіи Русскаго Социально-Революціоннаго движенія №№ 1, 2, 3 4, 5 —Цѣна 1 ф 50 с.; 6-7—2 ф 50

М. Цебрикова: Каторга и Ссылка (3-е изд) —Цѣна 1 ф.

Перечисленныя выше изданія кромѣ того продаются·

Женева: Librairie R. Bourkhardt, 2, Place du Molard.
Librairie H. Georg, 10, Corraterie.
Librairie Nouvelle P.-G. Drehmann, 9, Mont-Blanc.

Парижъ:
Librairie Arnaud, 215, Palais Royal et 7, rue Montpensier.

Брюссель:
„Le Peuple", „L'Echo du Peuple", 35, rue des Sables.

Нью-Іоркъ: „Arbeiterzeitung", 91, Delancey.